

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

*Советское
славяноведение*

4
1968

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

Советское славяноведение

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

ИЮЛЬ — АВГУСТ

4

1968

СОДЕРЖАНИЕ

К VI МЕЖДУНАРОДНОМУ СЪЕЗДУ СЛАВИСТОВ	
<i>В. В. Виноградов.</i> Об экспрессивных изменениях значений и форм слов	3
<i>А. Д. Марченко.</i> Дружеские связи тружеников со- ветского тыла с чехословацкими воинами в годы Великой Отечественной войны	12
<i>И. С. Достян.</i> Политические идеи Общества соеди- ненных славян	19
<i>Л. С. Кишkin.</i> О современном содержании понятия «сравнительное литературоведение»	31
<i>Ю. И. Смирнов.</i> О системе эпического повествования	40
<i>Ю. С. Маслов.</i> Некоторые спорные вопросы морфо- логической структуры славянских глагольных форм	48
<i>А. Липатов.</i> Литературные направления эпохиполь- ского Просвещения и проблема художественного метода	63
<i>Р. Ф. Доронина.</i> Поэзия Десанки Максимович	69
<i>Е. П. Львова.</i> В. Д. Поленов в Болгарии	81
Из истории науки	
<i>В. И. Злыднев.</i> А. М. Селищев и его болгарские свя- зи	90
ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ	
<i>В. В. Зеленин.</i> К биографии Дундича	104
ПАМЯТНИКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ	
<i>В. Д. Королюк.</i> Архитектурный памятник X века в Песебре	113
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ	
<i>И. А. Хренов.</i> С. М. Стецкевич. Рабочее движение в Польше в 1918—1919 годах	116

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

<i>Витомир Вулетич</i> (СФРЮ). Книги о Великом Октябре	117
<i>Е. П. Наумов</i> . Исторические судьбы Византии и славяно-византийские отношения	119
<i>В. Д. Королюк</i> . Свод источников по истории производства в средневековой Чехии	122
<i>Г. Я. Ильина</i> . Miroslav Šicel. Pregled novije hrvatske književnosti	123
<i>С. Б. Бернштейн</i> . С. Стойков. Банатский говор	124

Б и б л и о г р а ф и я

Важнейшие статьи и материалы по современному положению, истории, культуре и языкам зарубежных славянских народов, опубликованные в советских периодических изданиях в 1968 году	128
Содержание иностранных журналов	130

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>П. З. Савочкин, Д. Б. Мельцер</i> . Четвертая межвузовская научная конференция историков-славистов	133
<i>Е. М. Шатохина</i> . В Институте славяноведения АН СССР	139
<i>М. А. Мунтян, К. А. Поглубко</i> . Юбилей исторической дружбы	141
<i>А. Сабаляускас</i> . Балтисты VI съезду славистов	142
<i>И. В. Созин</i> . Защита диссертации в МГУ	143

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), И. Ф. БЭЛЗА, Л. Б. ВАЛЕВ, В. Г. КАРАСЕВ,
 В. Д. КОРОЛЮК (зам. главного редактора), Д. Ф. МАРКОВ, И. С. МИЛЛЕР,
 А. И. НЕДОРЕЗОВ, Ю. А. ПИСАРЕВ, Г. М. СЛАВИН, Б. Ф. СТАХЕЕВ (зам. главного
 редактора), Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора), И. М. ШЕПТУНОВ, Я. Б. ШМЕРАЛЬ
 Ответственный секретарь В. В. ЗЕЛЕНИН

Адрес редакции: Москва, Г-69, Трубниковский пер., д. 30а. Телефон К 0-27-40

К VI МЕЖДУНАРОДНОМУ СЪЕЗДУ СЛАВИСТОВ

В. В. ВИНОГРАДОВ

ОБ ЭКСПРЕССИВНЫХ ИЗМЕНЕНИЯХ ЗНАЧЕНИЙ И ФОРМ СЛОВ

1. *Клеврет*

А. А. Потебня с предельной четкостью выразил мысль о спаянности слова и формы слова со всей системой языка: «Ответить на вопрос о значении данной формы или ее отсутствия для мысли было бы возможно лишь тогда, когда бы можно связать эту форму с остальными формами данного строя языка, связать таким образом, чтобы по одной форме можно было заключить о свойстве если не всех, то многих остальных. До сих пор языкознание большей частью принуждено вращаться в кругу элементарных наблюдений над разрозненными явлениями языка и дает нам право лишь надеяться, что дальнейшие комбинации этих явлений от него не уйдут. Пока mest возможны лишь шаткие заключения о роли данного явления в общем механизме словесной мысли известного периода, так как мы умеем читать лишь самые грубые указания на родство явлений»¹. Особенno сложны и противоречивы факты экспрессивных соотношений и изменений слов. Так, исторические изменения в системе стилей и жанров русского литературного языка непосредственно отражались на экспрессивно-стилистических функциях славянорусизмов. Происходили резкие колебания их стилистических оттенков, менялась их экспрессивная окраска. Все это сказывалось и на логическом содержании слова.

В качестве примера можно указать на церковно-книжное слово *клеврет*, которое современному языковому сознанию представляется несколько устарелым. Оно теперь обозначает 'сторонник, приспешник, приверженец (в каком-нибудь дурном деле)', имеет ярко отрицательную экспрессивную тональность, выражая чувства презрения и даже негодования, ненависти. Между тем этому слову до 30—40-х годов XIX в. были чужды эмоционально-экспрессивные оттенки. По своему происхождению *клеврет* — старославянism в составе русского литературного языка. Этимологически же оно восходит к лат. *collibertus* (народное *collivertus*) 'отпущеный вместе с кем-нибудь на волю'. В старославянском языке слово *клеврѣтъ* имело значение 'товарищ, сослуживец' ('сослужебник' — по определению А. Х. Востокова), греч. ὁ σύνδοιλος, συντρόφος².

В рукописном «Лексиконе вокабулам новым» Петровского времени зафиксировано: *к о л л е г а* — товарищ, *клеврет*³.

¹ А. Потебня. Из записок по русской грамматике, I—II. Харьков, 1888, стр. 54.

² А. Х. Востоков. Словарь церковнославянского языка, т. 1. СПб., 1858, стлб. 342.

³ Н. А. Смирнов. Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху. СПб., 1910, стр. 145.

В древнерусском языке слово *клеврет* употреблялось в значении ‘товарищ, дружиинник, участник в каком-нибудь деле, приверженец’ без всякого пейоративного, осуждающего оттенка. Даже в толковых словарях XVIII в. оно рассматривалось еще как высокий книжный синоним бытового слова *товарищ*⁴. В академическом «Словаре церковнославянского и русского языка» *клеврет* толкуется так: ‘участник в каком-либо звании или деле; товарищ’⁵.

Ср. у А. Пушкина в «Борисе Годунове»:

Не время, князь! ты медлишь и меж тем
Приверженность твоих *клевретов* стынет.

У Е. Кострова в переводе «Илиады»:

Не могши различать, кто был *клеврет*, кто враг.

У К. Батюшкова в пародии «Певец в Беседе любителей русского слова»:

Твой сын, наперсник и *клеврет* —
Шахматов безглагольный,
Как ты, славян краса и цвет,
Как ты, собой довольный!

У В. Жуковского в «Ивиковых журавлях» (1813 г.):

Перед седалище судей
Он привлечен с своим *клевретом*.

Но в 30—40-х годах в разговорной речи *клеврет* по зозвучию ассоциируется со словом *клевета*. Ср. в письме актера А. П. Лоди К. П. Брюллову (от 25 I 1849 г.): «Что ни говори завистники счастья и *клевреты* человечества, а ведь мы с тобой и всей нашей братией давно провели нашу молодость. Весело лилась и запивалась, запивалась и запевалась жизнь артистическая, чорт возьми!» (см. «Архив Брюлловых» в приложении к «Русской старине», 1900, т. 104, октябрь, стр. 177).

Вместе с тем в книжной речи слово *клеврет* к 30—40-м годам XIX в. становится все менее употребительным. Однако в середине XIX в., в 60-х годах, оно возрождается с новым значением ‘приверженец, приспешник монархической партии’⁶. Приведем несколько примеров.

У И. С. Тургенева в романе «Новь» — в разговоре Нежданова с Колломейцевым: «Но вдруг, услышав в двадцатый раз произнесенное имя Ladislas'a, Нежданов вспыхнул весь и, ударив ладонью по столу, воскликнул:

— Вот нашли авторитет! Как будто мы не знаем, что такое этот Ladislas! Он — прирожденный *клеврет* и больше ничего!

— А... а... а... а во... вот как... вот ку... куда! — простонал Колломейцев, задыхаясь от бешенства... — Вы вот как позволяете себе отзываться о человеке, которого уважают такие особы, как граф Блазенкрампф и князь Коврижкин!»

В том же романе в речи Сипягиных нет ни якобинцев, ни *клевретов*, а есть только добросовестные люди...».

Ср. у Ф. М. Решетникова в повести «Между людьми» («Записки канцеляриста»): «Вышла из ворот барского дома ватага аристократов и аристокра-

⁴ См., например, М. И. Сухомлинов в История Российской Академии, вып. 8, СПб., 1887, стр. 12.

⁵ «Словарь церковнославянского и русского языка», 2-е изд., т. II. СПб., 1867, стлб. 366—367.

⁶ «Словарь русского языка», т. IV, вып. 4, СПб., 1910, стр. 972—973.

ток; дядя отходит прочь от окна и ворчит громко: не поклонюсь и шапки никогда не сниму, хоть вы и губернаторские *клевреты*! (Это слово он где-то вычитал, и ему оно очень понравилось; это слово, по его понятию, было нехорошее, хуже всех ругательных слов.) И начинает он рассказывать целые истории об этих „*клевретах*“.

В современных толковых словарях русского языка (например, у С. И. Ожегова) *клеврет* обычно определяется как «приспешник, приверженец»⁷.

Роль экспрессивных оттенков в истории значений слов настолько велика, что без учета и воспроизведения экспрессивных колебаний словоупотребления нельзя получить полной семантической картины, изображающей судьбу слова.

В ярко окрашенных экспрессивных словах даже изменения в фонетическом облике, напоминающие народную этимологию, нередко вызываются не потребностями образности, не стремлением к оживлению внутренней формы, а чисто эмоциональными факторами. Например, вместо *скапутиться* (от *капут*) в просторечии употребляется и шуточное *скапуститься*⁸. Ср. у Д. Н. Мамина-Сибиряка в романе «Хлеб» в речи сторожа Вахрушки: «Микей-то Зотыч того, разнемогся, в лежку лежит. Того гляди, *скапустится*».

В холмогорском говоре «с *капустить ся* — оплошать, струсить, проявить малодушие»⁹; ср. *скопытиться* в повести Тургенева «Бригадир» (1867 г.): «Так вот он, бригадир-то, с тех мест и *скопытился*» (в речи дворового).

В экспрессивных образованиях происходят сложные и противоречивые сдвиги в структуре и оформлении морфематического соотношения элементов слова. Вот иллюстрация.

У Н. Г. Помяловского в отрывках из незаконченного романа «Брат и сестра» встречаем образование *чинопер*. Речь идет об отставном титулярном советнике, который «три раза срывал по 300 руб. сер. за то, что били его морду, а морду его, ей богу, и даром можно бить. Эта шельма, уволенная по прописанию, обыкновенно подбирал человек шесть забулдыг, в их присутствии раздражал кого-нибудь, незнакомого господина, тот бил его по горде, начиналось дело, и титулярный получал следуемый по закону гонорарий. Наконец, гражданская палата обратила внимание на то обстоятельство, что титулярного что-то очень часто бьют и запретила ему впредь подавать просьбы. Чем промышлять? Последний товар — физиономия — упала в цене: дошло до того, что бить стало можно эту физиономию, плевать в нее, как в плевательницу, тыкать пальцами, топтать ногами. Тогда он прибегнул к другому средству.

Подходит к нему какой-нибудь промыслитель — *чинопер*.

— Дело, — говорит он.

Федор Федорович, глядя серьезно на *чинопера*, спрашивает «сколько»?

— Пятьдесят.

— Сто.

— Не дадут.

— Дадут, за это и больше дадут.

— Ну, шестьдесят.

⁷ В семнадцатитомном академическом «Словаре современного русского литературного языка» (т. 5, М.—Л., 1956, стлб. 1007—1008) слово *клеврет* толкуется так: «Приверженец, приспешник кого-либо, готовый на любое дело для угощения своему покровителю (обычно в речи с торжественно-риторическим оттенком)».

⁸ «Толковый словарь русского языка». Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. IV, М., 1940, стлб. 205.

⁹ А. Грандилевский. Родина М. В. Ломоносова. Областный крестьянский говор.— «Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук», т. LXXXIII, № 5, 1907, стр. 268.

— Девяносто.
— Семьдесят.
— Семьдесят пять.
— Идет.
— На стол.

Чинопер кладет на стол 75 руб.

— По какому делу?
— Присягу в убийстве.

Хорошо,— говорит титулярный и, спросив подробности дела, дает присягу.

Наконец, ему запретили и присягу держать».

Со словом чинопер можно сравнить чинодрал. Ведь в слове щелкопер вторая часть -пер соотносится с именной основой *пер-о* (ср. щелкать *пером*).

2. Рубаха-парень, человек-рубаха

Просторечные выражения *рубаха-парень*, *человек-рубаха* прилизились к русскому литературному языку не позднее начала XVIII в.

В «Словаре Академии Российской» читаем: «Р у б а х а — р у б а х о ю говорится в простонародном употреблении о бесковарном, весьма простосердечном»¹⁰. Однако это выражение до середины XIX в. носило областной характер. Оно вошло в «Опыт областного великорусского словаря» (1852), где отмечено: «Р у б а х а, и, с. ж. Простой человек, простяк. Эко парень-то рубаха. Нижегор.»¹¹.

П. П. Дубровский, найдя в этом словаре данное значение слова *рубаха* в том же экспрессивном употреблении, сопоставил его с польск. *rubacha* ‘толстая, дюжая женщина’; ср. и *rubaszny* ‘дюжий, дородный; грубый, сквернословный’¹².

Отсутствие носового звука в этом гнезде польских слов как будто говорит о том, что лежащий в основе их корневой элемент *rub-* следует отделить от ставшего однозвучным корневого элемента *rob-* (*рубить*, *рубаха* и т. п.).

Акад. Б. М. Ляпунов указывал на необходимость обособлять от серии слов, имеющих в своем составе корень *rob*, эти группы, связанные с корнем *руб-* (ср. др.-русск. *рутти* из *руб-ти* в значении ‘грабить, взимать налог’, хорв. и хорут. *rubitи* ‘грабить, брать в залог’, словенск. *robiti*, итал. *rubare*, немецк. *rauben*. Ср. в старохорватских глаголических текстах: *рубаш едну марку* в значении ‘поборов, насилия’¹³.

Таким образом, первоначальным значением слова *рубаха* могло быть ‘грубый, сильный, простой человек’. Суффикс *-аха* придавал корневому элементу *rub-* яркую экспрессивную, фамильярную окраску.

В «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова (т. III, стб. 1391—1392) выражение *парень-рубаха* названо разговорно-фамильярным и почему-то помещено под словом *рубаха* ‘рубашка’. Ср. тут же: ‘Из дома вышел Алексей в белой холщевой рубахе, в синих портах. *М. Горький*’.

У И. С. Тургенева в «Дыме»: «Григорий Литвинов, *рубашка-парень*, русская душа, рекомендую,— воскликнул Бамбаев, подводя Литвинова к человеку небольшого роста и помещичьего склада».

¹⁰ «Словарь Академии Российской», ч. V. СПб., 1794, стр. 192.

¹¹ «Опыт областного великорусского словаря», изд. Второго отделения Имп. Академии Наук. СПб., 1852, стр. 193.

¹² П. П. Дубровский. Областные великорусские слова, сходные с польскими. [СПб., 1852], стр. 21.

¹³ Б. М. Ляпунов. Этимологический словарь русского языка А. Г. Преображенского.— «Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук», т. XXX, 1926, стр. 19—20.

У П. Д. Боборыкина в романе «Китай-Город»: «Я думал, из вас Чичиков выйдет, а вы — человек-рубашка». У него же в романе «На ущербе»: «Ты его и по батюшке знаешь? — Как не знать, сударь. Барин — рубашка! И овсеса когда купишь у них... в кредитец».

У А. П. Чехова в повести «Дуэль»: «Самойленко... видел в Лаевском доброго малого, студента, человека-рубаху, с которым можно было и выпить, и посмеяться, и потолковать по душе».

У М. Горького в повести «Супруги Орловы»: «Эдакой-то рубаха-парень, а?... Рабочему, говорит, человеку в меру выпить всегда следует... Слыши? Ну-ка, нацеди мне рюмочку».

В толковых словарях русского языка в «гнезде» слов *рубать* ‘ударяя с размаху острым оружием, разделять на части; рассекать, рубить’, *рубануть* (ср. у А. Н. Толстого в романе «Петр I»: «[Петр] выхватил шпагу и с размаху рубанул ею по столу перед лицом отшатнувшегося генералиссимуса. Полетели осколки стекол»), *рубать* — о добыче угля в шахтах, *рубать* ‘говорить резко, грубо, напрямик’, *рубать* ‘есть много и алчно’, *рубаться* ‘сражаться холодным оружием’, *рубиться*, *рубаха*, *рубашка*, *рубашечный*, *рубашечка*, *рубашонка*, *рубашоночка* и т. п. систематически включается и выражения *рубаха-парень* и *рубашка-парень*. Так, под словом *рубаха* и *рубашка* в семнадцатитомном «Словаре современного русского литературного языка» (т. 12, 1961, стлб. 1498) помещен фразеологизм *рубаха-парень*, *рубашка-парень*.

3. На ять

Очень сложную ясьбу имело на русской почве название старославянской буквы ꙗ — «ять».

Специализация значения слова, т. е. применение слова как названия к более ограниченному, более замкнутому, обособленному кругу предметов, обычно бывает обусловлена реальной связью между соответствующими сферами жизненных явлений в истории культуры. Название буквы «ять», по предположению акад. А. И. Соболевского, восходит к отглагольному древнеславянскому существительному *ять*, ‘езд’; ср. чешск. *jeti* ‘ехать’¹⁴. По мысли А. И. Соболевского, старославянским словом ꙗть (читай: «ять») демонстрировалось при обучении письму, а также в азбучных молитвах, патериках и т. п. звуковое качество буквы ꙗ. Но это объяснение А. И. Соболевского с историко-лингвистической точки зрения малоправдоподобно. Еще Р. Ф. Брандт указал, что в чешском языке двусложным инфинитивам почти без исключения свойственна долгота¹⁵, и из древнего *jati* получилось бы *jiti* (а не *jeti*). Поэтому в чешском *jeti* приходится видеть новообразование.

Необходимо было искать другое слово, по которому была названа буква ꙗ. А. М. Селищев писал: «В Битольской триоди (XIII в.) в одном месте (на л. 93 об.) три буквы п, ꙗ, ꙗ (в слове *прѣстакленї*) написаны вместе. Против этой лигатуры писец заметил „покой (т. е. букву п) и ꙗцї (т. е. букву ꙗ) и юдъ (т. е. букву ꙗ) заедно написаъ простице мѧ“¹⁶.

Таким образом, с несомненностью устанавливается, что буква ꙗ демонстрировалась в старославянском языке словом *ядъ*, т. е. «еда». Этим фактом лишний раз подчеркивается, что старославянским ꙗ символизировался звук

¹⁴ А. И. Соболевский. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. — «Сборник Отделения русского языка и словесности», т. LXXXVIII, № 3, СПб., 1910, стр. 138.

¹⁵ Р. Брандт. Краткая фонетика и морфология чешского языка. М., 1900, стр. 38—39.

¹⁶ А. М. Селищев. Старославянский язык, ч. 1. М., 1951, стр. 259.

а или ю (ea). Известна гипотеза акад. Ф. Ф. Фортунатова, что буква ъ представляет собой лигатуру к и глаголической буквы т (= а) и что в самом этом изображении заключено указание на качество соответствующего звука ъа.

В русском языке буквой ъ обозначались совсем иные звуки. Но условное старославянское обозначение буквы сохранилось и дожило до нашего времени (ять, ятя, очевидно, по образцу ер, еря, ер, ера). Правда, сама буква уже отошла в историю, слово ять становится специальным термином русского языкоznания, русской истории.

Однако от этого слова ответвилось новое выражение на ять в значении 'превосходно; так, что лучшего и ожидать трудно', свойственное вульгарному просторечию. Это выражение в первое десятилетие после Великой Октябрьской революции стало довольно широко распространяться в стилях фамильярной разговорной речи и даже иногда попадало на страницы газет, в фельетоны и в язык художественного повествования.

Л. Копецкий в статье «Из жизни языка социальных групп» писал о школьном жаргоне русских эмигрантских подростков: «По количеству первое место в тшебовском жаргоне (в Чехии.— В. В.) занимают слова для обозначения чистой эмоции восторга, типа обычного „отлично“, но именно типа, так как почти с каждым из слов этого рода связан индивидуализирующий его оттенок. Таковы: на ять, на пи, на дзец, на ю пи, смачно, сочно, чики, чекичю, шик-мок, цумис, фартово. Для некоторых из них использованы наиболее трудные и ненавистные вещи школьной жизни, как ъ старого правописания (естественно, что теперь на ять лишено внутренней формы, когда введена новая орфография, так что на ять — просто термин, этикетка, π и ζ математических формул. Большинство же из них наследие прошлого...)»¹⁷.

Проф. А. М. Селищев в своей известной книге «Язык революционной эпохи» высказывал предположение, что наречие на ять вышло из блатного жаргона, т. е. из арго деклассированных элементов, или из школьно-учительского обихода.

«Работа сделана на-ять. Это наречие,— писал А. М. Селищев,— теперь в большом ходу среди всех слоев городского и фабрично-заводского населения. Так говорят и рабочие, и школьники, и некоторые профессора. Употребляется оно и в письменном языке.— Клавдия Смирнова — девченка на-ять: стройная, чуть-чуть напудренная (М: Лен. № 102, 1925). Наша надежда, что летом работу кружка поставим на-ять (М. Лен., № 113, 1925). А то бы ясно, повели работу на-ять (М. Лен., № 105, 1925). Социал-демократические фальсификаторы германского рабочего движения работали на-ять («Правда», № 199, 1925). Революция обидела ижицу. Она изгнала ее не только из азбуки, но и из жизни. Упразднив ее подругу — ять, мы все же оставили для нее некоторое место в нашем быту. У нас больше не прописывают ижицу, но многое мы делаем на-ять. Обходясь без ятя в правописании, мы расколошматили на-ять белые армии, мы строим на-ять наше хозяйство, мы делаем на-ять нашу внешнюю политику. Про всякое наше достижение мы говорим: «Сделано на-ять» (К. Пр., № 68, 1926)»¹⁸.

Выражение на-ять выделено из более сложного фразеологического целого, в пределах которого оно и получило переносный смысл. Яркая экспрессивность этого выражения, оттенок иронии, его облекающий, намекают на то, что изменение значения здесь не явилось результатом интеллигентской метафоризации. Ироническое применение выражения с целью эмоциональной квалификации чего-нибудь почти всегда бывает сво-

¹⁷ «Slavia», 1929, гоč. VIII, seš. 2, s. 220—221.

¹⁸ А. Селищев. Язык революционной эпохи. М., 1928, стр. 78.

бодно от связи с его номинативным значением. Оно обусловлено лишь общей экспрессивной атмосферой, облекавшей соответствующий предмет мысли.

Известно, сколько переживаний было связано с усвоением слов *на ять*, т. е. слов, содержащих в своем написании букву *ѣ*. Именно на этой эмоциональной основе сложилась в школьном жаргоне ироническая поговорка «выгон на ять — голубей гонять». Эта поговорка характеризовала судьбу выгнанного из школы ученика, не нашедшего в себе сил преодолеть «бездну премудрости». Тут «на ять» потенциально уже заключает в себе качественно-оценочный смысл. Едва ли эта поговорка старее конца XVIII в., когда начали распространяться русские грамматики, включавшие в себя раздел орфографии и списки слов с *ѣ*.

А. В. Кольцов поместил поговорку «не хочешь ли на ять голубей менять» в коллекцию собранных им «Русских пословиц, поговорок, приречий и присловий»¹⁹.

Н. С. Лесков засвидетельствовал, что поговорка «выгон на ять — голубей гонять» была очень распространена в жаргонной речи мелкого чиновничества. В «Мелочах архиерейской жизни» Н. С. Лесков так описывает стиль и дух канцелярии губернского полицмейстера: «Здесь, среди этих форменных людей, в которых, несмотря на всю строгость их служебного уряда, все-таки билось своим боем настоящее „истинно русское сердце“, шли только тишком сметки на свойском жаргоне: „как тот нашего: *вздрючит*, или *взъефантулит* или *пришпандорит*?“

Слова эти, имеющие неясное значение для профанов, — для посвященных людей содержат не только определительную точность и полноту, но и удивительно широкий масштаб. Самые разнообразные начальственные взыскания, начиная от „окрика“ и „головомойки“ и оканчивая не практикуемыми ныне „изутием сапога“ и „выволочкою“ — все они, несмотря на бесконечную разницу отношений и нюансов, опытными людьми прямо зачисляются к соответственной категории, и что составляет не более как „вздрючку“, то уже не занесут к „взъефантулке“ или „пришпандорке“. Это нигде не писано законом, но преданием блoudется до такой степени чинно и бесспорно, что когда с упразднением „выволочки“ и „изутия“ вошел в обычай более сообразный с мягкостью века „выгон на ять — голубей гонять“, то чины не обманулись, и это мероприятие ими прямо было отнесено к самой тяжкой категории, т. е. к „взъефантулке“.

Именно в этой мелкочиновничьей среде и сложилось выражение *на ять* с ироническим применением его в значении ‘как нельзя лучше’. Оно было отвлечено от этой красочной фразы «выгон на ять — голубей гонять», связанной с самым страшным для «бедного человека» представлением об увольнении со службы, о лишении должности и заработка.

Эмоционально-оценочные выражения легко теряют ироническую экспрессию и приобретают диаметрально противоположный смысл (по закону энантиосемии).

4. Солдафон

«Лингвист никогда не должен впадать в ошибку отождествления языка с его словарем», — учил Э. Сепир²⁰. Но, с другой стороны, «плох был бы тот филолог, который знал бы всю лексикальную часть того или иного языка и не пожелал бы знать, какой *λόγος*, какое мировоззрение народа воплощено в этой лексикальной части»²¹. С иной точки зрения оценивал роль

¹⁹ А. В. Кольцов. Полн. собр. соч. СПб., 1911, стр. 299.

²⁰ Э. Сепир. Язык. М., 1934, стр. 172.

²¹ А. Добыш. Что такое филология и каково ее значение? Нежин, 1900, стр. 11.

лексики в языке акад. А. И. Соболевский: «Как ни важно знание элементов древнерусской грамматики, еще более важно для исследователя нашей страны знакомство с древнерусскою лексикой»²².

Если с тем или иным аффиксом связана очень яркая по своей экспрессии группа слов, то соответствующая эмоционально-экспрессивная окраска передается самому аффикусу. Его дальнейшее употребление в этом кругу значений уже целиком зависит от экспрессивных целей, от экспрессивной атмосферы речи. Например, суффикс *-овка* для обозначения лиц женского пола вносит резкую окраску отрицательной характеристики в названия лиц женского пола: *чертовка, бесовка, шутовка, воровка, плутовка, хрычовка, мотовка, хлыстовка, колдовка* и некоторые другие²³. В этой связи представляют интерес теоретические догадки и исторические соображения об образовании слова *солдафон* и слов, примыкающих к нему по структурному составу. В слове *солдафон* выделяются две словообразовательные части. Первая *солда-* (*солдо-*) от итальянск. *soldo*, немецк. *soldat*, русск. *солдат* с XVII в.²⁴. Со второй частью *-фон* дело обстоит сложнее.

Слово *солдафон*, обозначающее бурбона, неотесанного, необразованного и невоспитанного, носит яркую печать экспрессии — презрения или пренебрежения. Вместе с тем это — выражение разговорно-характеристическое. Оно по своему морфологическому составу (*солда-* и суффикс *-фон*) выходит за пределы словообразовательных норм общерусского литературного языка. Это слово — жаргонное. По-видимому, оно проникло в стили разговорно-литературной речи не раньше 30—40-х годов XIX в. Оно не включено даже В. И. Далем в «Толковый словарь». Лишь проф. И. А. Бодуэн де Куртенэ присоединил это слово к словарной коллекции В. И. Даля: «с о л д а ф о н м. бран. *солдат*»²⁵. М. И. Михельсон привел в своем фразеологическом сборнике несколько примеров употребления этого слова и производного от него слова *солдафонский* (ср. *солдафонство*) в языке писателей середины и второй половины XIX в.: «В самих солдатах (пиемонтских) не заметно ничего *солдафонского*, высокомерного и отталкивающего, что не мешает им однако быть отличными солдатами» (Д. Григорович. Корабль Ретвизан. 7. Прогулка в St. Jean); «Этот у вас здешний исправник... настоящий *солдафон* без всякого гуманного развития, топорщина» (Б. Маркевич. Бездна); «Егор Егорыч... несколько мгновений помыслил о капитане, который... показался ему дубоватым *солдафоном*» (А. Писемский. Масоны)²⁶.

Трудно сомневаться в жаргонном происхождении этого слова. Оно сложилось в жаргоне самих военных. Здесь были в ходу суффиксы существительных *-фон*, глаголов *-фон-и-ть*. Ср. в воспоминаниях генерал-лейтенанта М. А. Маркова: «За то уж и *листифонил* же отрядный командир перед начальником своего штаба! Он рассыпался в разных угождениях, не жалея, исключительно только для своего милого наставника, гаванских сигар; это бы еще ничего: угощение — весьма позволительное задабривающее средство; но он *листифонил* уже вовсе не по чину; он представлял из себя нечто

²² А. И. Соболевский. Язык Русской правды.— «Журнал Министерства народного просвещения», 1886, ч. 244, апрель, стр. 376.

²³ Ср. у Горького в «Жизни Климова Самгина»: «Псовка, куда посох девала?».

²⁴ Слово это засвидетельствовано в «Книге о ратном строении»: «Научить от последнего салдата до начального человѣка». См. А. И. Соболевский. Заимствованые слова в русском языке. Литогр. курс лекций. СПб., около 1901, стр. 124; Н. А. Смирнов. Там же, стр. 279.

²⁵ В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. IV. Изд. 3. СПб., 1909, стлб. 374.

²⁶ М. И. Михельсон. Русская мысль и речь, т. II. [СПб.], 1904, стр. 293—294.

похожее на левретку, грациозную перед барынею, у которой в карманах сахар»²⁷.

В. Христиани считает, что слово *солдафон* возникло в результате контаминации *солдат* и *Агафон* и сопоставляет с этим образованием такие, как *лестифоня*, *лестефоня*, ‘кто льстит, берет лестью; пролазчивый искатель’ и *митрофоня* — шутливое обозначение матроса²⁸. Однако В. Христиани не обращает внимания на то, что эти слова относятся к военному жаргону. Он стремится обосновать лишь общий принцип формирования такого рода экспрессивных характеристик путем скрепления с собственными именами. Ср. образования от *филя* (ласкательное к *Филипп*): *простофия*, диалектн. *мурдофия* от *фаля* (к *Фалалей*) — ‘простак, разиня, дурак’; ср. *офалить*, *фалалеить*, *фаломить*, *матрафал* — шутливо-ироническое обозначение матроса. В. Христиани даже готов вторую часть *-пан* в словах *горлопан*, *шалопан*, *харлапан* выводить из *Степан*. Ср. также *дурафей* и *Тимофей*, *Ерофей*; *дурафья*, *кутафья*, *моргайфья* ‘причудливая женщина’ и *Агафья*; областн. *чумазлай*, *басалай* ‘тупица’ и *Ермолай*; *дуралей* и *Фалалей*²⁹.

Едва ли все эти соображения В. Христиани можно признать убедительными. Во второй части словосложения *солда-фон* правильнее видеть лично-именной суффикс жаргонной окраски (ср. *фонный*, *задать фону* и т. п.). Ср. *бурбон*, *фанфарон* и т. п.

Вопрос об экспрессивно-семантических изменениях слов и их форм в славянских языках нуждается в глубокой, всесторонней сравнительно-исторической и типологической разработке. Труды Шпигтцера, Шпербера, Балли, Ульмана и других в этой области не исчерпывают всей совокупности относящихся сюда проблем.

²⁷ М. А. Марков. Воспоминания старого инвалида о службе в лейбгвардии Павловском полку. 1828—1835.—«Русская старина», 1890, т. 68, октябрь, стр. 127.

²⁸ W. Christiani. Über die persönlichen Schimpfwörter im Russischen.—«Archiv für slavische Philologie», B. XXXIV, N. 3—4, 1913, S. 326.

²⁹ W. Christiani. Ibid.

А. Д. МАРЧЕНКО

ДРУЖЕСКИЕ СВЯЗИ ТРУЖЕНИКОВ СОВЕТСКОГО ТЫЛА С ЧЕХОСЛОВАЦКИМИ ВОИНАМИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В годы второй мировой войны окрепла и закалилась дружба между братскими народами Советского Союза и Чехословакии. Советско-чехословацкое боевое содружество началось задолго до вступления частей Красной Армии на истерзанную фашистскими оккупантами землю Чехословакии — с момента образования на территории СССР чехословацкой воинской части, вписавшей немало героических страниц в летопись совместной борьбы двух братских народов против общего врага.

О боевых делах чехословацких воинов, изъявивших желание совместно с советскими воинами сражаться против злейшего врага славянских народов — гитлеровцев, имеется большая литература¹. О боевом пути чехословацкой воинской части (первоначально батальона, затем бригады и, наконец, армейского корпуса) рассказал ее командир, ныне президент Чехословацкой Социалистической Республики Людвиг Свобода². Гораздо хуже освещена в литературе тесная дружба, которая связывала чехословацких воинов, проходивших подготовку и обучение на советской земле, с тружениками советского тыла, рабочими и крестьянами многих городов и областей Советского Союза.

Формирование чехословакских национальных воинских частей началось на основании Соглашения между правительствами СССР и ЧСР от 18 июля 1941 г. Согласно дополнительному соглашению от 27 сентября 1941 г. чехословацкие воинские части в СССР организационно подчинялись эмигрантскому буржуазному правительству в Лондоне. Однако эти воинские части находились на территории социалистического государства, и это не могло не оказать большого влияния на их личный состав.

Большую роль в интернациональном воспитании чехословацких воинов сыграло воздействие на многих из них советской среды, советского образа жизни. Задолго до формирования в СССР чехословацких воинских частей многие граждане Чехословакии жили среди советских людей, работали на советских заводах и фабриках, в колхозах и совхозах, в школах и больницах. Непосредственное знакомство с советскими условиями жизни, личные контакты с советскими людьми, участие в совместном труде помогали чехословацким эмигрантам лучше узнать особенности советского общественного

¹ О. Янек. *Se zbraní v ruce*. Praha, 1957; «Bojová družba», Praha, 1960; «Za svobodu Československa», Sv. 1—3, Praha, 1959—1962; С. Грачев, Ф. Петров. *Плечом к плечу. О боевом товариществе советских и чехословацких воинов*. М., 1958; «Рождение чехословацкой народной армии». Перев. с чешск., М., 1959; І. А. Петерс. *Співдружність чехословацького і радянського народів у боротьбі проти фашизму в роки другої світової війни*. Київ, 1959.

² Л. Свобода. *От Бузулука до Праги*. М., 1963.

и государственного строя. Когда же гитлеровская Германия вероломно напала на Советский Союз и смертельная опасность нависла над историческими завоеваниями советского народа, подлинные патриоты Чехословакии сошли своим долгом принять участие в вооруженной борьбе против фашистов.

Некоторые граждане Чехословакии сражались с врагом в рядах Красной Армии еще в 1941 г., до начала формирования чехословацкой части в Бузулуке. Под Ленинградом сражался Франтишек Новек, в боях за Москву участвовали Ярослав Достал, Ярослав Прохазка, братья Ян и Иозеф Райнер, Сергей Петрас, Михал Швайко и другие.

Воздействие советской среды на чехословацких воинов помогало чехословацким коммунистам в их борьбе за создание боеспособной воинской части, содействовало антифашистскому воспитанию ее личного состава.

В борьбе за создание боеспособной воинской части чехословацким коммунистам пришлось преодолеть много трудностей. В Бузулук с разных сторон съезжались чехи, словаки и закарпатские украинцы (тогда граждане Чехословакии). Это были люди с различными политическими взглядами. Немало из них находилось под сильным влиянием буржуазной идеологии и пропаганды эмигрантского правительства во главе с президентом Бенешем, не желавшего создания в СССР боеспособных воинских частей и их активного участия в борьбе против врага плечом к плечу с Советской Армией и пошедшего на соглашение с Советским правительством лишь по тактическим соображениям.

Между чехословацкими патриотами и трудящимися тех мест, где формировались воинские части, устанавливались самые близкие дружеские связи. Формирование и обучение чехословацких частей проводилось на территории Чкаловской (ныне Оренбургской), Воронежской, Рязанской, Тульской, Московской, Тамбовской, Белгородской и Саратовской областей РСФСР, Волынской, Ровенской, Хмельницкой, Черновицкой, Ивано-Франковской областей Украины. Боевой путь чехословацких частей в СССР проходил по территориям Харьковской, Черниговской, Киевской и Черкасской областей Украины. В Баку и Омске, Львове и Казани, Киеве и Москве находились в госпиталях на излечении раненые бойцы и офицеры чехословацкого войска в СССР. Повсюду к чехословацким воинам советские люди относились по-братски. Повсюду между трудящимися СССР и чехословацкими патриотами устанавливались отношения искренней дружбы.

Советская печать и радио уделяли огромное внимание пропаганде боевого содружества советских и чехословацких войск. Чехословацкие воины были первыми зарубежными воинами, которые вступили в бой с врагом плечом к плечу с воинами Красной Армии, и это находило отражение в многочисленных сообщениях радио и печати, не только центральной, республиканской и фронтовой, но и местной.

Проследить все эти связи по многим областям и республикам нашей страны — задача весьма трудная, если учесть, что далеко не все фиксировалось в документах, далеко не на все по условиям военного времени могла откликнуться пресса.

Перед Коммунистической партией Чехословакии стояла трудная и сложная задача — завоевать доверие воинов, воспитать их в духе интернационализма и подготовить к боям за освобождение советской земли и своей родины.

Успешный ход боевой подготовки личного состава чехословацкого батальона во многом зависел от дружественного отношения трудящихся Советского Союза и прежде всего рабочих, служащих и колхозников города Бузулука и Бузулукского района к чехословацким воинам.

На чехословацких граждан большое впечатление производил героический труд советских людей на бузулукских предприятиях, железнодорожном транспорте, на заводах, эвакуированных в Бузулук из западных районов СССР. Они ежедневно видели, как самоотверженно трудится советский народ под лозунгом «Все для фронта! Все для победы!». В ноябре 1942 г. по всей советской стране проводилась декада помощи защитникам Ленинграда и Одессы, Севастополя и Сталинграда. Постановление бюро горкома партии о декаде помощи защитникам города на Волге было опубликовано в бузулукской газете³, и на чехословацких воинов не могло не произвести впечатления то, что Бузулук завоевал первое место в соревновании пяти городов Чкаловской области и ему было присуждено переходящее Красное знамя облисполкома и обкома партии.

Чехословацкие солдаты были рады, когда они сами могли оказать советским людям посильную помощь в их самоотверженном труде. Еще до зачисления в чехословацкую часть группа монтажников из Пльзеня во главе с инженером Боглом отличилась на строительстве завода в Новосибирске. В связи с началом войны они ускорили монтаж шкодовского оборудования и установили его не за восемнадцать месяцев, как предусматривалось проектом, а за семь. В Бузулуке бригада чехословацких монтажников, проходя военную подготовку, одновременно вела большую работу на заводе имени Кирова. Они ремонтировали автомобили, налаживали станки, механизмы, выполняли слесарную работу, трудились на токарных, револьверных и фрезерных станках. Часто, отработав на заводе ночную смену, Богл, Ротт, Кикельгорн, Бурда, Бечварж и Флек утром шли со своими ротами на учения⁴.

Вся чехословацкая воинская часть осенью 1942 г. приняла участие во Всесоюзном воскреснике по подготовке к зиме, как об этом записано в дневнике этой части, хранящемся в архиве Военно-исторического института в Праге⁵. А солдаты-рабочие из группы инженера Богла не только отремонтировали центральное отопление в здании, где расположилась чехословацкая часть, но и смонтировали паровой котел в Котлубани, приводивший в движение пилораму. Чехословацкие саперы построили мост через реку Самарку.

Интернациональная солидарность чехословацких воинов особенно проявилась в августе 1942 г., когда они пришли на помочь труженикам сельского хозяйства. Подполковник Л. Свобода предложил секретарю Бузулукского ГК ВКП (б) А. П. Юлину помочь своего батальона в уборке созревшего урожая. По его совету Л. Свобода обратился за разрешением к Правительству СССР. Братская помощь чехословацких воинов была принята с благодарностью⁶. Они были направлены для работы в колхозы и совхозы Бузулукского района. Группа чехословацких воинов приняла участие в уборке картофеля и овощей, а плотники построили овощехранилище для нового урожая⁷. В 1942 г. по Бузулукскому району на сельхозработах чехословацкие воины вместе с бойцами и командирами Красной Армии выработали 7600 трудодней, из них на уборке картофеля и овощей 1552 трудодня⁸.

Развернувшееся по почину саратовского колхозника Ф. П. Головатого всенародное патриотическое движение за сбор денег и ценностей в фонд обороны было подхвачено и в Бузулуке. Городская и областная печать

³ «Под знаменем Ленина», 1942, 1 ноября.

⁴ Л. С в о б о д а. Там же, стр. 82—83.

⁵ AVHÚ, CSSR, 1942 [II] — válečný denník.

⁶ Л. С в о б о д а. Там же, стр. 100—101.

⁷ AVHÚ, CSSR, 1942 [II] — válečný denník.

⁸ Партийный архив Оренбургской области (ПАОО), ф. 371, оп. 148, ед. хр. 81 л. 2.

систематически помещала материалы о сборе средств на строительство танков и самолетов. Чехословацкие воины по пути следования на фронт собирали деньги на строительство танков «Лидице» и «Лежаки». В телеграмме на имя Верховного главнокомандующего Красной Армии, посланной после внесения в Мичуринское отделение госбанка 100 тысяч рублей, чехословацкие патриоты обратились с призывом к своим товарищам, оставшимся в Бузулуке, внести свои сбережения в фонд обороны СССР⁹. Этот почин был подхвачен чехословацким запасным полком. Уже к 8 марта 1943 г. было собрано 151 103 рубля деньгами и облигациями. Даже реакционное офицерство из состава Чехословацкой военной миссии во главе с Г. Пикой вынуждено было, дабы не противопоставить себя рядовым воинам, собрать 5 тысяч рублей¹⁰.

Если раньше чехословацкие воины принимали участие лишь в подписке на Военный заем СССР 1942 г., то теперь под влиянием патриотического движения советского народа они отдавали и свои личные сбережения на изготовление оружия, необходимого для победы над общим врагом. В Бузулуке в фонд обороны было собрано свыше двух миллионов рублей, здесь был также и вклад чехословацких патриотов (кроме личных сбережений чехословацких воинов, в фонд обороны СССР были переданы также все сборы от концертов художественной самодеятельности и духового оркестра, устраиваемых для трудящихся города)¹¹.

Бузулукский горком партии проявлял большую заботу о семьях фронтовиков. Не остались в стороне и чехословацкие патриоты: осенью 1942 г. силами специально выделенного подразделения многие жилища фронтовиков были подготовлены к зиме¹².

В годы войны жители Бузулука испытывали серьезные трудности с жильем. До войны в городе насчитывалось немногим более 43 тысяч жителей¹³. В 1941 г. в Бузулук прибыло несколько эвакуированных предприятий, были размещены воинские части — два запасных полка и военное училище¹⁴. И в это трудное время трудящиеся Бузулука старались создать по возможности нормальные условия для жизни и боевой подготовки чехословацких воинов. Командующий войсками Южно-Уральского военного округа генерал Попов и член Военного Совета полковник Чекаловский в письме на имя секретаря обкома и председателя облисполкома отмечали, что граждане Бузулука охотно принимают на квартиру офицеров иunter-офицеров чехословацкой части¹⁵.

В свою очередь воины чехословацкой части старались, чем могли, помочь советским людям. Глубокой осенью 1942 г. в Бузулук прибыл эвакуированный с запада завод им. М. И. Калинина. Стремясь вывезти полностью оборудование завода, многие рабочие не успели взять с собой самого необходимого (теплой одежды, обуви и т. д.). Подполковник Л. Свобода рассказал в своей части о трудностях, которые испытывают приехавшие рабочие. Солдаты и офицеры откликнулись на предложение своего команда-дира оказать им помощь и временно предоставили часть своих помещений для размещения эвакуированных, обеспечили их теплой одеждой, обувью и бельем¹⁶.

Можно привести много примеров взаимной помощи и поддержки, оказываемых друг другу советскими тружениками тыла и чехословацкими

⁹ «Правда», 1943, 16 февраля.

¹⁰ «Za armádu lidu», Praha, 1960, s. 199.

¹¹ AVHS, ČSSR /II/ I — výročný denník.

¹² Бузулукский краеведческий музей (БКМ), ф. 2-в, д. 1, л. 212.

¹³ ПАОО, ф. 371, оп. 371, ед. хр. 2285, л. 36.

¹⁴ Там же, ф. 1560, оп. 2, ед. хр. 205, л. 4.

¹⁵ Там же, ф. 371, оп. 148, ед. хр. 126, л. 41.

¹⁶ БКМ, ф. 2-в, д. 1, л. 212.

воинами. Чехословацкий батальон, например, как воинская часть пользовалася правом транспортировки через паром без очереди и бесплатно¹⁷. Со своей стороны, в свободное от боевой учебы время, чехословацкие солдаты производили в городе ремонт мостовых, подъездных железнодорожных путей и общественных зданий¹⁸. Желая улучшить питание воинов чехословацкой части, Бузулукский райисполком выделил ей для подсобного хозяйства 4 гектара поливных земель на территории колхоза «Ядро»¹⁹. Для улучшения работы автотранспорта чехословацкому батальону выделялось дефицитное оборудование.

Чехословацкие воины, живя далеко от родины и тоскуя по своим семьям, взяли шефство над детским домом, были частыми в нем посетителями, сами делали игрушки для детей и делились с ними своим пайком²⁰. Троє чехословацких солдат, фамилии которых остались неизвестными, спасли десятилетнего Сашу Илюхина, который, везя санки с дровами через реку, провалился под лед.

Чехословацкие солдаты и офицеры принимали участие в общественной жизни Бузулука: в антифашистском митинге молодежи, состоявшемся летом 1942 г.²¹, в проведении Международного юношеского дня²².

Концерты художественной самодеятельности чехословацкой части для трудящихся города и для раненых в госпиталях, концерты духового оркестра, в репертуаре которого были произведения советских и чехословацких композиторов²³, выступления советских артистов и ансамблей специально для чехословацких воинов — все это сближало советских людей с сыновами чехословацкого народа. В расположении чехословацкой воинской части выступали с концертами молодой виолончелист Мстислав Ростропович²⁴, Б. О. Гефт и Р. В. Глезер, ансамбль Южно-Уральского военного округа²⁵, артисты Московской и Ленинградской филармонии²⁶. В демонстрацию советско-чехословацкой дружбы превратился концерт, данный для чехословацких воинов ансамблем донских казаков. Слушатели тепло приветствовали исполнителей и вручали ансамблю чехословацкий флаг с памятной надписью²⁷.

Общие цели в борьбе против фашизма способствовали сближению советских и чехословацких граждан. Трудящиеся Бузулука сделали все возможное для того, чтобы наши чехословацкие братья по оружию как можно лучше подготовились к жестоким боям.

Готовность личного состава к боевым действиям нашла свое отражение в письме Л. Свободы к Верховному главнокомандованию СССР, в котором чехословацкие патриоты просили отправить батальон на фронт.

Чехословацкие воины своими боевыми делами доказали, что для советских воинов они являются надежными товарищами по оружию. В боях за Харьков в марте 1943 г. чехословацкий батальон под командованием полковника Л. Свободы сражался плечом к плечу с гвардейцами стрелкового полка под командованием К. В. Билютина.

¹⁷ Государственный архив Оренбургской области (ГАОО), ф. 1014, оп. 2, ед. хр. 715, л. 19.

¹⁸ БКМ, ф. 2-в, д. 1, л. 211.

¹⁹ ГАОО, ф. 688, оп. 2, д. 122, л. 22.

²⁰ БКМ, ф. 2-в, д. 1, л. 211.

²¹ «Под знаменем Ленина», 1942, 23 июня.

²² Там же, 6 сентября.

²³ AVHÚ, ČSSR /II/ — válečný denník, 21 VI; 5, 11, 26 V 1942.

²⁴ «Под знаменем Ленина», 1942, 2 сентября.

²⁵ AVHÚ, ČSSR /II/ — válečný denník, 22 VIII 1942.

²⁶ Там же, 1 ноября 1942.

²⁷ Там же, 14 декабря 1942.

Гвардейцы Билютина обороняли Тарановку, находившуюся близ села Соколово, где заняли рубеж обороны чехословацкие воины. Оба села находились на кратчайшем пути к Харькову, куда рвался враг. Гвардейцы Билютина преградили путь врагу к Соколово и на несколько суток задержали его продвижение, дав возможность чехословацкому батальону лучше укрепить свои позиции и подготовиться к первому бою. Особенно отличился в бою за Тарановку взвод лейтенанта П. Н. Широнина, повторивший легендарный подвиг панфиловцев. Гитлеровцы обошли Тарановку и ударили на Соколово, где оборонялись чехословацкие воины под командованием Отакара Яроша. В бою за Тарановку и Соколово советские и чехословацкие воины проявили мужество и героизм²⁸. Гвардейцы-широнинцы были удостоены звания Героев Советского Союза. В Чехословакии широко известны имена 25 гвардейцев-широнинцев — славных боевых соратников чехословацких воинов в боях под Харьковым²⁹. За мужество и отвагу командир чехословацкой роты Отакар Ярош был удостоен звания Героя Советского Союза³⁰. Высокая оценка правительством СССР боевых действий чехословацкого батальона в бою за Соколово явилась серьезной моральной поддержкой всему чехословацкому народу, помоему чехословацким коммунистам в их борьбе за организацию всенародного сопротивления захватчикам, за создание вооруженных сил нового типа.

Коммунистическая партия Советского Союза и правительство СССР рассматривали боевое содружество советских и чехословацких воинов на советско-германском фронте как факт, имеющий большое значение в сплочении сил всех свободолюбивых народов в борьбе против фашизма.

Очень скоро всему советскому народу — воинам на фронте и труженикам тыла — стало известно о боевых делах чехословацких воинов. Материалы ТАСС, рассказывающие о награждении чехословацких солдат и офицеров, об их подвигах, поместили многие газеты. Еще до опубликования Указа о награждении чехословацких воинов «Правда» напечатала большую статью Александра Фадеева, посвященную бою под Соколово. В этом бою, писал А. Фадеев, «народы Советского Союза и Чехословакии побратались кровью»³¹.

Чехословацких воинов глубоко тронуло то, что трудящиеся Буденновского района Воронежской области (ныне Красногвардейский район Белгородской области) взяли шефство над чехословацкой частью и прислали им к 1 Мая два грузовика подарков. В письмах, вложенных в посылки, говорилось: «Наши люди шлют Вам, чехословацкие воины, свои скромные первомайские подарки — то, что осталось у нас сейчас, в тяжелые дни войны»³².

Командование чехословацкой воинской части в письме на имя секретаря райкома партии Д. Г. Ныренкова выразило сердечную благодарность за внимание, заботу и теплые отношения, которые проявили советские люди к чехословацкой части³³.

Дружеские отношения установились между воинами чехословацкой бригады и жителями Новохоперска Воронежской области, где с мая по октябрь 1943 г. дислоцировалась чехословацкая воинская часть.

В июне — августе 1943 г. советская печать по ряду соображений не сообщала о чехословацком войске в СССР. Лишь в воронежской областной

²⁸ «Historie a vojenství», č. I. Praha, 1963.

²⁹ «Ke vzníku a uvoji Československé lidové armády», Praha, 1959, s. 37.

³⁰ О. Ярош был первым иностранным гражданином, которому было присвоено это звание.

³¹ А. Фадеев. Братство, скрепленное кровью. — «Правда», 1943, 8 апреля.

³² «Дружба, скрепленная кровью». Сб. Воронеж, 1963, стр. 38.

³³ Партиархив Белгородского обкома КПСС, ф. 9, оп. 1, д. 380, л. 9.

газете «Коммуна» была помещена без комментариев фотография Героя Советского Союза Отакара Яроша³⁴. Но жителям Новохоперска и его окрестностей, воинам чехословацкой бригады было ясно, почему в газете был помещен этот портрет.

И хотя печать в те дни не сообщала о боевом содружестве народов СССР и Чехословакии, советские люди хорошо помнили о чехословацких воинах, интересовались их судьбой. В их адрес поступали многочисленные приветственные письма из воинских частей действующей армии и от тружеников тыла³⁵. Часто на лекциях и беседах слушатели задавали вопросы: «Где находятся чехословацкие войска в СССР?», «Участвуют ли в боях чехословацкие войска, сформированные на нашей территории?» и т. д.³⁶.

Советская печать уделила большое внимание чехословацким войскам, когда формирование чехословацкой бригады было завершено и ей было вручено боевое знамя перед отправкой на фронт. «Правда», «Красная звезда» и другие центральные газеты направили в Новохоперск своих специальных корреспондентов. На страницах этих газет были помещены репортажи и фотоснимки. Советские люди с глубоким удовлетворением восприняли весть о готовности чехословацкой бригады к новым боям. 6 ноября 1943 г. при освобождении столицы Украины отличилась и чехословацкая бригада. Она внесла достойный вклад в освобождение Правобережной Украины. Позднее она была развернута в чехословацкий армейский корпус, ставший ядром новой народной армии Чехословакии.

Советские люди бережно хранят память о своих боевых товарищах — чехословацких воинах, героически сражавшихся плечом к плечу с Советской Армией против общего врага — фашизма в годы второй мировой войны.

³⁴ «Коммуна», 1943, 18 июня.

³⁵ «Ceskoslovenské listy», 15 září 1943.

³⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 8, д. 255, л. 4, 36, 126, 154, 181.

И. С. ДОСТЯН

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕИ ОБЩЕСТВА СОЕДИНЕННЫХ СЛАВЯН

Общество соединенных славян (или Славянское общество) не раз служило предметом исследования советских специалистов по истории декабристского движения. Особое значение в этом отношении имеют труды М. В. Нечкиной «Общество соединенных славян» и «Движение декабристов», в которых на основе всего доступного круга источников подробно изложена история Славянского общества, проанализированы идеология и революционная деятельность его членов¹. Эти труды М. В. Нечкиной в настоящее время остаются основными обобщающими исследованиями по данной теме.

Некоторые стороны идеологии и деятельности Общества освещались также в ряде статей по истории декабристского движения². В брошюре Георгия Чулкова «Братья Борисовы», написанной в популярной форме, но на основе привлечения большого фактического материала, даны яркие портреты основателей Славянского общества³. Политическая программа Общества соединенных славян привлекала внимание историков, изучавших русско-польские революционные связи 20-х годов XIX в.⁴.

В целом советских историков естественно гораздо больше занимает изучение общественных взглядов и революционной деятельности членов Общества соединенных славян, чем их расплывчатого и утопичного проекта создания славянской федерации. Но этот проект издавна служил иллюстрацией развития в России XIX в. идей политического сближения славянских народов⁵.

В выпущенной в странах Западной Европы и США после второй мировой войны литературе по истории общественно-политической мысли в России

¹ М. В. Нечкина. Общество соединенных славян. Л., 1927; Еже. Движение декабристов, т. II. М., 1955, стр. 133—182.

² См., например, П. Г. Рындзюнский. Декабристы братья Борисовы в годы жизни на поселении.— «Труды Государственного исторического музея», вып. XV, М., 1941, стр. 5—26; Б. Е. Сироежковский. Балканская проблема в политических планах декабристов.— В сб. «Очерки из истории движения декабристов». М., 1954, стр. 186—275; И. В. Порох. Восстание Черниговского полка.— Там же, стр. 121—185; Ю. Г. Оксман. Из истории агитационно-пропагандистской литературы 20-х годов.— Там же, стр. 451—515.

³ Г. Чулков. Братья Борисовы.— Б-ка «Огонька». М., 1929.

⁴ Я. А. Медведская. Южное общество декабристов и Польское патриотическое общество. В сб. «Очерки из истории движения декабристов», стр. 275—319; И. Н. Ольшанский. Декабристы и польское национально-освободительное движение. М., 1953; Л. Вачаган. Dekabryści a Polska. Warszawa, 1952.

⁵ См., например, А. Н. Пипин. Панславизм в прошлом и настоящем.— «Вестник Европы», 1878, № 9—12, отд. изд. Пг., 1913; А. А. Кочубинский. Начальные годы русского славяноведения. Одесса, 1888. Уже после Октябрьской революции появилась работа А. И. Георгиевского «Славяnsкий вопрос», в которой специальная глава посвящена мировоззрению декабристов. См. Уч. зап. ист.-фил. ф-та Гос. Дальневост ун-та, т. 2, полутор. 2. Владивосток, 1921, стр. 103—122.

и внешней политике царизма в XIX в. Общество соединенных славян рассматривается как первая «панславистская» организация в России. Нить от нее через славянофилов Данилевского, Фадеева, Леонтьева и других представителей идеологии реакционного панславизма ведется к «панславистской политике» СССР⁶. Специально посвящена Обществу соединенных славян монография французского историка Жоржа Люсиани⁷. В ней деятельность и идеология этой декабристской организации рассматривается прежде всего в плане происхождения и развития идеи панславизма и славянской солидарности.

Сама идея славянского единства играла подчиненную роль в общественно-политических взглядах членов Общества соединенных славян и не ею определялась их революционная деятельность. Но она отражала существенную сторону идеологии этой декабристской организации и содержала своеобразный план решения национального вопроса в Восточной и Юго-Восточной Европе. Именно эта идея оказала в дальнейшем влияние на взгляды ряда прогрессивных русских и украинских деятелей, проявлявших интерес к решению задачи освобождения славянских народов от социального и национального гнета.

Общество соединенных славян было основано в 1823 г. в Новоград-Волынске офицерами 8-й артиллерийской бригады братьями Петром и Андреем Борисовыми и польским шляхтичем Юлианом Люблинским. Это была организация, по форме близкая к масонской, но имевшая не только нравственно-просветительные, но и политические задачи. В Катехизисе, или Правилах соединенных славян, который являлся уставом тайного общества, моральным кодексом для его членов, о создании нового демократического государства — Всеславянского Союза — говорилось следующее:

«15. Ты еси Славянин и на земле твоей при берегах морей, ее окружающих, построишь четыре флота — Черный, Белый, Далматский и Ледовитый, а в средине оных воздвигнешь [город] и в нем богиню просвещения и своим могуществом на троне посадишь. Оттуда будешь получать для себя правосудие и ему повиноваться обязан, ибо оное с дороги, тобой начертанной, сворачаться не будет.

16. В [портах] твоих, Славянин, будет цвести торговля и морская сила, а в [городе] посреди земли твоей справедливость для тебя обитать станет.

17. Желаешь иметь сие! — соединись с твоими братьями, от которых невежество твоих предков отдалило тебя. Желаешь все то иметь! — будешь жертвовать 10-ю частию твоих доходов годовых и будешь обитать в сердцах друзей твоих»⁸.

Задачи славянского единения были выражены и в девизе Общества. Он представлял собой единицу в лучах солнца, заключенную в восьмиугольник, увенчанный четырьмя якорями, которые символизировали четыре моря или морские гавани. По сторонам восьмиугольника были написаны восемь славянских «поколений», объединяемых в союз: россияне, поляки, сербы, мораване, богемцы, венгры, кроаты, далматы⁹.

Таким образом, Всеславянский Союз мыслился как обширное и сильное государство, вытянувшееся широкой полосой от земель, входивших в состав России, на юго-запад, от Балтийского и Белого морей к Черному и

⁶ F. Fadner. Development of Pan-Slavist Thought from Karazin to Danilevskii. London, 1949; H. Kohl. Pan-Slavism, its History and Ideology. Notre Dame, 1953; M. Petrovich. The emergence of Russian Panslavism. 1856—1870, N. Y., 1956; S. V. Utechin. Russian political Thought. N. Y., 1963.

⁷ G. Luciani. La Société des Slaves Unis. Bordeaux, 1963.

⁸ «Восстание декабристов». Материалы, т. V. Центрархив, М.—Л., 1926, стр. 13. Особенности орфографии документа, так же как показаний декабристов на следствии, нами не воспроизведются. В скобках обозначен смысл символовических знаков.

⁹ См. М. В. Нечкина. Общество соединенных славян. Вклейка.

Адриатическому. Такое государство должно было обеспечить народам, в него вошедшим, свободное и равноправное существование, безопасность от внешних врагов, экономическое процветание как следствие установления передового общественно-политического строя.

Этот политический проект сочетался у членов Общества с замыслом широких социальных преобразований: уничтожением крепостного права, всякого социального неравенства, сословных перегородок и привилегий. Воззрения руководителей Общества были противоречивыми и не вполне зрелыми. Так, они объявляли главным средством осуществления своих задач распространение нравственности, просвещения, трудолюбия, развитие промышленности. Однако Славянское общество не отвергало революционных методов борьбы.

В начале 1825 г. Общество оформилось организационно, а в сентябре этого года слилось с Южным обществом, после чего развернуло широкую пропаганду среди солдат и начало подготовку к революционному перевороту, намечавшемуся на конец 1826 г.

Во время восстания Черниговского полка члены Славянского общества действовали активно и самоотверженно. Приговор Верховного уголовного суда по делу декабристов был суров по отношению к членам Общества, участвовавшим в замысле цареубийства: 11 человек из них были осуждены по первому и второму разряду на вечную и 20-летнюю каторгу.

Следствие по делу декабристов интересовалось прежде всего причастностью членов Славянского общества к замыслам свержения царствующей фамилии и ее физического истребления, их революционной деятельностью в связи с восстанием Черниговского полка и не старалось узнать подробности не имевшего практического значения проекта создания славянской федерации. Тем не менее материалы следствия дополняют сведения о политических планах Общества. Интересны в этом отношении показания братьев Борисовых. Из них можно узнать, что «Союз славянских поколений» мыслился как «цель отдаленная», осуществить которую предполагалось после того, как совершатся революционные преобразования в России и сами славянские народы осознают необходимость политического единения. В то же время союз с соседними славянскими народами и прежде всего, вероятно, с поляками представлялся Петру Борисову средством, способным облегчить преобразования в России. «Я думал, — писал он в показаниях, — что умноживши членов и распространив свои Правила между всеми славянскими народами, мы так легко можем сделать реформу в правительстве»¹⁰. Каждый славянский народ должен был получить собственную конституцию, «более ему приличную», пользоваться всеми благами свободного существования и демократического республиканского правления¹¹.

Показания других членов Общества (И. И. Горбачевского, В. А. Бечасного) мало добавляют к тому, что сообщили Борисовы. Члены же организации, вступившие в нее позднее, почти ничего не знали о Всеславянском Союзе.

Интересные сведения содержатся в «Записках...» об Обществе соединенных славян, посвященных истории революционной деятельности этой организации в 1825 г.¹².

¹⁰ «Восстание декабристов», т. V, стр. 56.

¹¹ Там же, стр. 18, 19, 28, 56.

¹² «Записки Неизвестного из Общества соединенных славян» были опубликованы в 1882 г. в «Русском архиве». Подготовивший три последующих издания этого цепного источника по истории декабристского движения Б. Е. Сыроежковский придерживался мнения, что автором «Записок» является один из наиболее активных деятелей Общества И. И. Горбачевский. Однако М. В. Нечкина считает, что автором «Записок» был Петр Борисов. Это мнение представляется нам более основательным. Оно подтвер-

В «Записках» создание Всеславянского Союза по-прежнему представлено основной задачей всей организации. «Общество имело главною целью освобождение всех славянских племен от самовластия; уничтожение существующей между некоторыми из них национальной ненависти и соединение всех обитаемых ими земель федеративным союзом. Предполагалось с точностью определить границы каждого государства; ввести у всех народов форму демократического представительного правления; составить конгресс для управления делами Союза и для изменения, в случае надобности, общих коренных законов, представляя каждому государству заняться внутренним устройством и быть независимым в составлении частных своих узаконений»¹³.

Как мы видим, идея политического единения славянских народов и задача «освобождения от самовластия» изложены в «Записках» очень продуманно и логично. Но по-прежнему программа носит самый общий характер без какой-либо конкретизации. Остаются неясными и пути осуществления столь грандиозной задачи. Здесь лишь более простым языком и пространнее повторено то, что провозглашалось в Правилах соединенных славян: необходимость развития промышленности как средства достижения всеобщего благосостояния, распространение нравственности и просвещения, уничтожение предрассудков и сословных различий и т. д.¹⁴.

Сам план создания славянской федерации, как справедливо отмечают все исследователи, недостаточно оформленся в течение двух лет существования Общества. В его конкретизации и не было большой необходимости. Но та радужная, не вполне отчетливая картина существования в центре Европы экономически процветающего республиканского государства, способного обеспечить вошедшим в него народам свободное, безбедное и счастливое существование, которую рисовали себе братья Борисовы и их друзья, схожа с мечтаниями социалистов-утопистов этого времени, своеобразно проявившимися на русской почве 20-х годов XIX в. Стремление к буржуазно-демократическим преобразованиям в собственном государстве сочеталось здесь со стремлением «доставить счастье» другим народам, со-племенным с русским, объединить общие усилия борцов против «тиарии» и «рабства» всех славянских народов.

Такая своеобразная утопия не могла составить политической программы широкой тайной организации, ведущей практическую революционную деятельность. Идея о славянском единении была оставлена как непосредственная задача, когда открылась возможность включиться в практическую деятельность по подготовке революции в России. Автор «Записок» признается, что после слияния с Южным обществом «Славянский Союз существовал только в мыслях и сердцах немногих, которые не могли забыть возвышенной и великой (хотя, может быть, по мнению некоторых, мечтательной) идеи федеративного Союза славянских народов»¹⁵. Когда в сентябре 1825 г. шли переговоры о слиянии Славянского общества с Южным, П. И. Борисов, И. И. Горбачевский и другие члены Общества соединенных славян пытались отстоять прежнюю программу. Представитель Южного общества М. П. Бестужев-Рюмин доказывал им, «что преобразование России необходимо откроет всем славянским племенам путь к свободе и благоденствию;

ждается, может быть, и тем, что в них сохранена в неприкословенности идея славянского единения, наиболее активно и последовательно поддерживавшаяся именно П. Борисовым. См. об этом М. В. Нечкина. Движение декабристов, т. II, стр. 136—142; Б. Е. Сирецовский, Л. А. Сокольский, И. В. Порох. Декабрист И. И. Горбачевский и его «Записки». — В кн. И. И. Горбачевский. Записки. Письма. М., 1963.

¹³ Там же, стр. 13.

¹⁴ Там же, стр. 13—15.

¹⁵ Там же, стр. 11—12.

что соединенные Общества удобнее могут произвести сие преобразование; что Россия, освобожденная от тиранства, будет открыто способствовать цели Славянского Союза: освободить Польшу, Богемию, Моравию и другие славянские земли, учредить в них свободные правления и соединить всех федеральным союзом¹⁶. Бестужев-Рюмин сумел убедить Общество, что объединение с сильной революционной организацией не удалит, а приблизит их к осуществлению мечты о единении славянских народов.

П. Борисов и его сторонники согласились на объединение. Они, как и остальные члены Славянского общества, были увлечены революционным порывом, жаждой деятельности во имя освобождения своей родины от тиарии и деспотизма русского самодержавия. Сожаление о слиянии с Южным обществом, выраженное в «Записках», вероятно, пришло уже позже, после провала восстания, в сибирской каторжной тюрьме. Оно исходило, по-видимому, прежде всего от Петра Борисова, который был наиболее последовательным приверженцем идеи объединения славянских народов и не отказывался от нее в последний революционный период своей деятельности¹⁷.

Таким образом, говоря о плане политического союза южно- и западнославянских народов с Россией, который возник в 1823 г. в Обществе соединенных славян, необходимо учитывать, что эта идея не была воплощена в конкретную политическую программу организации, а рисовалась лишь далекой конечной целью, осуществить которую можно было лишь после революционных преобразований в самой России. Но в то же время она должна была возникнуть под влиянием каких-то реальных фактов, в связи с определенным направлением русской общественной мысли 20-х годов XIX в.

Идея политического единения славян, как известно, первоначально появилась не в России, а среди национально-порошеных западных и южных славян, ощущавших необходимость какого-либо объединения по принципу национальной общности для борьбы против угнетавших их государств — Турции и Австрии. В России эта идея возникла лишь в XIX в., и одним из первых ее проявлений был план создания Всеславянского Союза. Поэтому вопрос о том, как сложился этот замысел в декабристской организации, под каким воздействием и кто был его автором, издавна привлекал внимание историков.

В свое время Н. Коробка выдвинул и постарался обосновать предположение о том, что идея славянского единения, связанная с идеями, разvивавшимися в Польше после разделов, была выдвинута одним из основателей Общества, поляком Юлианом Люблинским¹⁸. Аналогичного мнения придерживалась и М. В. Нечкина в книге об Обществе соединенных славян¹⁹. Однако в дальнейшем эта концепция была ею пересмотрена²⁰. Версия о польском происхождении идеи славянского единения Общества соединенных славян иногда проводится в работах, опубликованных в западноевропейских странах и в США²¹. Наиболее подробно она изложена Ж. Люсиани, посвятившим значительную часть своей книги описанию возрождения в Польше, развитию там доктрины русско-польского союза и

¹⁶ Там же, стр. 11.

¹⁷ П. Борисов писал, например, одному из членов Общества П. К. Головинскому 21 сентября 1825 г.: «На маневрах случился с нами большой переворот; однако не подумайте, чтобы он произошел в мыслях... Наши мысли все те же, но наши дела приняли другой вид, который не может вас опечалить». Цит. по кн.: И. И. Г о р б а ч е в с к и й. Записки... Примечания, стр. 315.

¹⁸ Н. К о р о б к а. Декабристы братья Борисовы и Общество соединенных славян. — «Современник», 1911, кн. 5, стр. 11—21.

¹⁹ М. В. Н е ч к и н а. Общество соединенных славян, стр. 26, 89, 106

²⁰ Ее же. Движение декабристов, т. II, стр. 150—152.

²¹ См., например, Н. L e m b e r g. Die nationale Gedankenwelt der Dekabristen. Köln — Graz, 1963, S. 149; R. J a k o b s o n. Comparative Slavic Studies.— «The review of politics. Notre Dame», v. 16, 1954, № 1, p. 88.

культурного сближения славянских народов²². Люсиани поддерживает мнение, что Люблинский был основным идеологом Славянского общества, автором его Катехизиса и плана политического единения славянских народов²³.

Нет основания отвергать участие Люблинского — члена одного из польских студенческих обществ, руководимых Союзом свободных поляков, в создании программы Славянского общества и его Катехизиса. Через Люблинского, как считает П. Н. Ольшанский, могли проникнуть в эту организацию и некоторые идеи Союза свободных поляков²⁴. Им же, несомненно, была внесена мысль о русско-польском политическом союзе²⁵. Нельзя отрицать также и знакомства организаторов Общества соединенных славян с идеями политического объединения славянских народов, популярными среди шляхетских деятелей начала XIX в. О них, возможно, знал Люблинский, а от него и братья Борисовы. В этой связи можно обратить внимание на тот факт, что Люблинский до высылки в Новоград-Волынск за нелегальную деятельность в Варшавском университете работал секретарем князя Адама Чарторыйского, бывшего попечителем Виленского учебного округа²⁶. По просьбе Чарторыйского он в 1817—1818 гг. занимался упорядочением делопроизводства Виленского университета и его факультетов²⁷. Это позволяет сделать предположение, что Люблинский лично был знаком с политическими проектами Чарторыйского о русско-польском союзе и о создании славянской федерации.

Русский славист А. Кочубинский высказал предположение, что основатели Общества соединенных славян имели непосредственные связи с кем-либо из чешских деятелей — сторонников славянского единения²⁸. Конечно, Борисов и его друзья не могли иметь каких-либо контактов с чехами. Но о планах такого рода они также могли узнать от Люблинского, вращавшегося до высылки в Новоград-Волынск в кругу польской шляхты и студенчества²⁹.

Вместе с тем нет основания сводить появление всей своеобразной общественно-политической программы Славянского общества к внешнему влиянию, к простому заимствованию идей польских или чешских общественных деятелей. К тому же не Люблинский, через которого могли проникать эти влияния, а Петр Борисов был главным основателем Общества и наиболее горячим приверженцем идеи славянского единения³⁰.

Причины появления этой идеи в русском тайном обществе 20-х годов связывались не только с влиянием польской шляхетской идеологии, но

²² G. L u c i a n i . Ibid., p. 77—154.

²³ Ibid., p. 40, 41.

²⁴ П. Н. Ольшанский. Там же, стр. 143, 145.

²⁵ Люблинский писал в автобиографии, что братьями Борисовыми были внесены изменения в устав нового Общества согласно его замечаниям, поскольку он полагал «что многое зависит от уничтожения ненависти, которую питают друг к другу русские и поляки». —«Автобиография Ю. К. Люблинского». Публикация П. П. Чулкова. — «Литературное наследство», т. 60, кн. I. М., 1954, стр. 249.

²⁶ Об этом упоминалось в документах, связанных с арестом Люблинского в 1822 г. в Варшаве. См. L. Baumgarten. Ibid., s. 104; П. Н. Ольшанский. Там же, стр. 140.

²⁷ «Автобиография Ю. К. Люблинского», стр. 246.

²⁸ А. А. Кочубинский. Там же, стр. 49—50.

²⁹ В связи с этим интересно отметить, что декабрист М. А. Фонвизин, общавшийся с членами Общества соединенных славян в Сибири, назвал позднее в одном из своих политических сочинений эту организацию ветвью «давно известного, существовавшего в Австрии Панславизма». М. А. Фонвизин. Обзор проявлений общественной жизни в России и др. статьи. М., 1907, стр. 92.

³⁰ Об этом свидетельствуют материалы следствия (см. «Восстание декабристов», т. V, стр. 28, 53, 412, 419) и мемуарная литература (см., например, письмо И. И. Горбачевского М. А. Бестужеву от 12 июля 1861 г. В кн. И. И. Горбачевский. Записки..., стр. 168, 180).

прежде всего с развитием общественной мысли в самой России, со своеобразием местных условий, в которых возникла эта декабристская организация.

На Волыни, где тесно соприкасалось русское, украинское и польское население, Общество с самого начала стало интернационально-славянским по составу, и это способствовало появлению идеи сближения славянских народов. К тому же на Украине в это время мысль о необходимости славянского сближения уже получила общественное звучание. Как известно, в 1818 г. в Киеве была основана ложа Соединенных славян, само название которой свидетельствовало о политической направленности этой масонской организации, среди членов которой было немало будущих декабристов.

Остается неизвестным, имело ли Общество соединенных славян преемственную связь с ложей того же названия, однако не исключена возможность, что Петр Борисов, сам бывший масоном с 1818 г., знал кого-либо из членов киевской ложи, имел представление о ее политической программе³¹.

Интерес к славянам в первых десятилетиях XIX в. быстро распространялся среди русской общественности. Свидетельством этого, было, например, появление целого ряда статей, посвященных истории, этнографии и языкам славянских народов в периодических изданиях — «Вестнике Европы», «Сыне отечества», «Северном архиве» и др.

Характерно, что многие члены Северного и Южного обществ декабристов проявляли большое внимание к славянскому и балканскому вопросам и неизменно высказывались за твердый антитурецкий и антиавстрийский курс внешней политики России. Национально-освободительное движение всех народов Центральной и Юго-Восточной Европы, а не только поляков оказывало заметное воздействие на русских дворянских революционеров, в том числе и членов Славянского общества.

О причинах возникновения общественно-политической программы Общества соединенных славян, об истоках идеи славянского единения М. В. Нечкина пишет: «Идея эта имела реальные исторические корни — она постепенно вырастала из живой почвы развивающегося освободительного процесса славянских народов. Эпоха «славянского возрождения» питала его... Очередной «всеславянской» исторической задачей было вырваться из феодально-крепостнических пут, освободить производительные силы одаренных и жизнеспособных славянских народов, бившихся в тисках наихудшего феодального порабощения»³².

Формирование общественно-политической программы декабристских организаций было обусловлено самой русской действительностью, критическим отношением к ней и осознанием задач общественно-политических преобразований в России. Декабристы, естественно, учитывали в своих планах положение в соседних с Россией государствах, революционное движение, развивавшееся в Европе, и всю сложившуюся к этому времени международную обстановку. Кроме того, они живо воспринимали те взгляды, которые были созвучны с их собственными взглядами и планами, помогали им выкристаллизоваться.

³¹ Так, например, Борисов мог быть знаком с активным членом и надзирателем ложи Соединенных славян Густавом Олизаром, связанным с некоторыми членами русских тайных обществ. Олизар имел поместье в Коростышеве, недалеко от Житомира, где была большая библиотека. Может быть, это и была та «гигантская библиотека» польского помещика, которая сыграла большую роль в самообразовании Борисова (см. И. Д. Якушкин. Записки, статьи, письма. М., 1951, стр. 112, 164). Хорошо знавший Олизара Волконский назвал его в своих «Записках» Ольвиером, а некий Ольвиер, по первоначальному показанию Борисова, принял его в 1818 г. в масонскую ложу в Одессе.

³² М. В. Нечкина. Движение декабристов, т. II, стр. 159.

Отвечая на вопрос Следственной комиссии, откуда они «заимствовали вольнодумческие и либеральные мысли», более образованные П. Борисов, Горбачевский, Люблинский, Спиридов, Бечаснов объясняли это своим возмущением существующими в России порядками, а также говорили о влиянии на их взгляды трудов Монтескье, Вольтера, Гельвеция, А. Смита, Филанджиери, Беккариа и др. Петр Борисов делал переводы отрывков из произведений Вольтера и Гельвеция, давая их читать своим товарищам³³.

Следы такого влияния можно найти в общественно-политических взглядах руководителей Общества соединенных славян. Самоусовершенствование, вера в просвещение как средство улучшения общественных порядков, принцип «общественное благо есть верховный закон», который исповедовал Петр Борисов, его атеизм и критика церкви,— все это могло быть наяву чтением произведений Монтескье, Вольтера, Гельвеция и других французских просветителей. Ю. Г. Оксман провел сравнительный анализ Правил соединенных славян в известной брошюре В. С. Сопикова «Пифагоровы законы и нравственные правила», выражавшей идеи утопического коммунизма, близкого к бабувизму. Он пришел к заключению о заметном влиянии этого агитационно-политического сочинения на руководителей Славянского общества³⁴.

При создании плана республиканского федеративного Союза братья Борисовы и Люблинский могли использовать образцы существующих государств. Им, вероятно, была известна конституция Северо-Американских Штатов 1787 г., откуда, как правильно замечает Люсиани, могли быть заимствованы такие термины, как «конгресс», «президент» и т. п.³⁵. Но в первую очередь при составлении проекта Славянского Союза, несомненно, использовались античные образцы, на что основатель Общества соединенных славян прямо сослался в своих показаниях на следствии.

«Федеративный Союз Славянских поколений, подобный Греческому, но гораздо его совершеннее, был моим проектом»,— писал в ответах Следственной комиссии Петр Борисов³⁶. Это позволяет предположить, как и сделал в свое время Семевский, что Борисов уподоблял проектированное им государство античному образцу республиканской федерации — Ахейской лиге³⁷.

Известно, что в начале 20-х годов в русской поэзии и публицистике был создан настоящий культ античных республик и древних героев — отважных защитников общественного блага и борцов против тирании. История древней Греции и Рима особенно привлекала декабристов; ею увлекались и члены Общества соединенных славян, а среди них наиболее горячим поклонником античной истории и философии был Петр Борисов. «Чтение греческой и римской истории и жизнеописания великих мужей Плутарха

³³ «Восстание декабристов», т. V, стр. 192, 277, 412, 420.

³⁴ Ю. Г. Оксман. Там же, стр. 501—515.

³⁵ G. Luciani. Ibid., p. 67.

³⁶ «Восстание декабристов», т. V, стр. 53.

³⁷ В. И. Семевский. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909, стр. 645. Семевский не мотивирует выдвинутое им предположение, но оно представляется основательным, если учесть интерес П. Борисова к античной истории и философии, а также показания его 20 апреля 1826 г., из которых видно, что братья обсуждали устройство античных, в том числе, вероятно, и федеративных республик, примером которых могла служить прежде всего Ахейская лига. В противоположность этому Б. Е. Сыроечковский считает, что Борисов пытался ассоциировать внутреннее устройство Всеславянского Союза с общественным строем нового греческого государства на основе конституции, провозглашенной восставшими греками в 1822 г. и это позволяет проследить влияние, оказанное на членов Общества соединенных славян революционными событиями в Греции. (Б. Е. Сыроечковский. Там же, стр. 245, 257). Между тем конституция 1822 г. не формулировала принципов федеративного устройства греческих земель.

и Корнелия Непота поселили во мне с детства любовь к вольности и народодержавию», — писал он в одном из первых показаний Следственной комиссии и повторял это на дальнейших допросах³⁸. Чтение «Жизнеописаний» Плутиарха было любимейшим занятием и Горбачевского во время военной службы³⁹. Популярностью среди декабристов пользовался и римский историк Тит Ливий, сообщавший сведения об Ахейском союзе. В хороших помещичьих библиотеках России, одной из которых пользовался П. Борисов, можно было найти французское издание «Всеобщей истории» Полибия, одного из политических деятелей Ахейской лиги и ее горячего аполлогета. Человек, знакомый с произведениями всех этих греческих и римских писателей, должен был представлять себе эллинский федеративный союз городов как образец подлинной свободы и демократии. «Никогда в такой степени и с такою строгою последовательностью, как в государстве ахеян, не были осуществлены равенство, свобода и вообще истинное народоправство», — писал Полибий⁴⁰.

Таким образом, при выработке своих политических планов руководители Славянского общества использовали примеры федеративного устройства современных им государств, а также античные образцы такого рода⁴¹. Их взгляды, как и взгляды других деятелей русских тайных обществ 20-х годов, сформировались не без воздействия идей прославленных философов и историков древности, европейских мыслителей XVIII в.

Стремление прикрыть античными одеждами, обосновать ссылками на признанные авторитеты свои собственные мысли и планы было излюбленным приемом общественных деятелей этого времени. Применение этих методов Обществом не означало, что его общественно-политическая программа была искусственным сооружением, навеянным ученическим чтением, не имевшим связи с реальной действительностью, с конкретными задачами общественно-политических преобразований в России и национального освобождения славянских народов Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы.

Хотя проект создания федеративного славянского государства был недостаточно разработан и не имел практического значения в революционной деятельности Общества в 1825 г., он, как мы попытаемся показать ниже, не носил чисто абстрактного характера, а исходил из реально существующих условий международной обстановки в Европе и предусматривал создание политического союза, имевшего совершенно определенные границы, которые обеспечили бы вошедшем в него народам возможность экономического процветания и безопасности от внешних врагов.

Относительно народов и территорий, которые должны были войти во Всеславянский Союз, сохранились разноречивые сведения в источниках. Как говорилось выше, на девизе Общества (в следственном деле Выгодовского) были перечислены россияне, поляки, сербы, венгры, мораване, богемцы, кроаты и далматы. Этот факт был подтвержден Горбачевским⁴². Однако один из членов Славянского общества Бечасный назвал иной состав территорий, входящих в проектируемое государство: Россию, Польшу, Богемию, Венгрию, Кроацию, Далмацию и Трансильванию, Молдавию, Валахию и Сербию⁴³. Почти в соответствии с показанием Бечасного, каза-

³⁸ «Восстание декабристов», т. V, стр. 22.

³⁹ Там же, стр. 191.

⁴⁰ П о л и б и й. Всеобщая история, т. I, кн. II. М., 1890, стр. 38.

⁴¹ Примечательно, что при создании плана Славянской федерации, очень сходного с проектом Общества соединенных славян, прогрессивными украинскими деятелями из Кирилло-Мефодиевского братства использовались также примеры внутреннего устройства древних греческих республик и Соединенных Штатов Америки. См. Н. И. Костомаров. Автобиография. М., 1922, стр. 187, 188.

⁴² «Восстание декабристов», т. V, стр. 207.

⁴³ Там же, стр. 278.

лось бы не слишком достоверным, а может быть на основании других аналогичных данных был назван состав проектируемой федерации в официально опубликованном правительственном документе — донесении Следственной комиссии: Россия, Польша, Богемия, Моравия, Далмация, Кроация, Венгрия с Трансильванией, Сербия с Молдавией и Валахией⁴⁴.

В дореволюционной русской литературе о декабристах обычно не учитывались эти данные донесения Следственной комиссии, вероятно, прежде всего потому, что внушали естественное недоверие: основатели Славянского общества, казалось бы, должны были, проектируя Всеславянский Союз, соблюдать национальный принцип, явно отсутствовавший при том составе его, который назывался в донесении. В литературе, посвященной декабристам или русскому «панславизму», обычно указывался состав Славянской федерации на основе опубликованных в 60-х годах XIX в. «Записок декабриста» А. Е. Розена, автор которых не имел никакого отношения к Обществу соединенных славян и, вероятно, произвольно, чисто логически назвал следующие славянские народы, которые предполагалось объединить в одно государство: русских, сербо-хорватов, болгар, чехов, словаков, лужицан, словенцев и поляков, всего до 90 млн. жителей⁴⁵.

Установленный на основании материалов следствия факт, что во Всеславянский Союз предполагалось включить и венгров, вызвал удивление историков⁴⁶. Н. Коробка объяснил это слабым знакомством руководителей Славянского общества со славянской этнографией⁴⁷. Позднее М. В. Нечкина также отмечала, что венгров члены Славянского общества ошибочно принимали за славян⁴⁸. Ж. Люсиани приводит все варианты состава Всеславянского Союза, фигурирующие в показаниях на следствии, и приходит к заключению, что члены Славянского общества очень плохо знали славянство. Они включили в состав славянских народов венгров, а по некоторым данным даже молдаван и валахов, но не называли белорусов, украинцев, словенцев, словаков, лужицких сербов и болгар. Люсиани полагает, что авторы проекта не имели представления о самостоятельном развитии малороссов, не отделяли белорусов от великорусов; под венграми, возможно, подразумевали словаков, а болгар, почти забытых в первой половине XIX в., причисляли к сербам⁴⁹. Такое как будто бы слабое знание руководителями Общества славянской истории и этнографии необычно для мало мальски образованных русских людей этого времени, а тем более проживавших на Украине. Однако, как нам кажется, французский историк прошел мимо ряда обстоятельств, которые могут пролить дополнительный свет на данный вопрос.

Во-первых, как говорилось, Общество соединенных славян носило на себе печать масонской организации, имело свой ритуал и символические знаки, в том числе и девиз, на котором было обозначено восемь славянских племен, объединяемых в федерацию. Сакримальное число восемь не давало возможности перечислить все славянские народы, чем объясняется отсутствие на девизе ряда из них, причем некоторые, например словенцы, лу-

⁴⁴ «Декабристы». Изд. Саблина. М., 1906, стр. 34.

⁴⁵ А. Е. Розен. Записки декабриста. СПб., 1907, стр. 51. На основании данных Розена писали о составе Всеславянского Союза А. Н. Пыпин (там же, стр. 83), В. И. Семевский (там же, стр. 645), хотя последний имел в своем распоряжении материалы следствия. Некоторые иностранные авторы называли состав Славянского Союза произвольно.

⁴⁶ М. В. Давнара-Запольский. Тайное общество декабристов. М., 1906, стр. 141.

⁴⁷ Н. Коробка. Там же, стр. 21.

⁴⁸ М. В. Нечкина. Общество соединенных славян, стр. 219.

⁴⁹ Г. Люсиани. Ibid., стр. 64—67.

жицкие сербы, могли быть действительно неизвестны руководителям Общества. Необходимо учитывать и характер сведений, которые можно было получить из литературы о славянстве, имевшейся в России и Польше к началу 20-х годов. Так понятие «венгерские славяне» было общепринятым, а чехи обычно именовались богемцами и мораванами, так как населяли различные провинции Австрии и имели значительные диалектные и этнографические различия.

Во-вторых, бросается в глаза, что при перечислении славянских племен в основу положен не столько национальный, сколько территориально-административный и государственный принцип. Так, обозначение «россияне» предполагает включение в состав федерации всех жителей России, в том числе белорусов и малороссов, а также российских подданных неславян. В понятие «сербы», «Сербия» включались, вероятно, и другие южнославянские народы, но вряд ли здесь имелись в виду болгары. Славянские земли, входившие в состав Австрии, представлены более расчлененно. При этом назван ряд административных единиц со славянским населением (Хорватия и Далмация, Богемия и Моравия), а кроме того и Венгрия, в состав которой входили Словакия и земли, населенные хорватами и сербами.

С другой стороны, упоминание венгров, а по некоторым данным молдаван и валахов подтверждает тот факт, что объединение в одно государство по национальному принципу имело для Славянского общества подчиненное значение. Как правильно заметил Б. Е. Сыроечковский, в этом новом государстве славяне должны были лишь преобладать по численности населения и, очевидно, играть ведущую роль. «Федерация,— пишет он,— получает характер не построенного по национальному принципу союза славянских народов, а большого регионального объединения народов разной национальности, близких по соседству и связанных между собой одинаковой для большинства из них зависимостью от национально чуждых больших государств — Турции и Австрии,— а равно и демократическим строем, устанавливаемым в каждом из соединяемых государств»⁵⁰.

Такое заключение представляется нам вполне обоснованным и доказывает, что руководители Славянского общества понимали невозможность при существующем расселении славян создать в Европе объединение только славянских народов. Проектируемое ими государство включало и неславянские народы Центральной и Юго-Восточной Европы. Западная граница федерации отделяла ее от немецких земель, южная — от греческого государства, которое образовалось в результате начавшейся в 1821 г. греческой революции.

Все сказанное позволяет усомниться в справедливости мнения о том, что идея политического объединения славянских народов имела в Славянском обществе лишь символическое значение и воплощала утопию о городской ремесленной коммуне, сформулированную в Правилах⁵¹. Как показывает анализ состава Славянского Союза, Славянское общество создавало свои планы, учитывая в какой-то мере реальные возможности осуществления всего замысла.

Основание такого рода политического союза было лишь средством для осуществления главной цели — создания федерации равноправных, демократических по внутреннему устройству республик, фактически независимых в своих внутренних делах, но согласованно развивающих свою экономику и торговлю и ведущих единую внешнюю политику.

⁵⁰ Б. Е. Сыроечковский. Там же, стр. 258.

⁵¹ Такого мнения придерживался, например, П. Г. Рындзюнский (См. П. Г. Рындзюнский. Там же, стр. 24); Ю. Г. Оксман полагал, что вся общественно-политическая программа Славянского общества была чисто абстрактной, а его Правила были далекими от конкретной постановки насущных вопросов современности (Ю. Г. Оксман. Там же, стр. 512—515).

Общество не выработало конкретных путей и средств осуществления своих грандиозных замыслов. Однако некоторая предварительная наметка в этом отношении у него все же существовала, что и было обнаружено следствием. «Я был ослеплен федеративным Союзом Славянских Республик и мечтал только о будущем счастии славянских племен: я думал, что, умноживши членов и распространив свои Правила между всеми славянскими народами, мы так легко можем сделать реформу в правительстве...», — писал в своем показании П. Борисов⁵².

Из этого и других аналогичных показаний можно установить, что первым шагом к осуществлению своих политических планов Общество считало расширение своей деятельности в России. Уже после этого предполагалось распространить ее и на другие славянские страны. Революционное содружество всех славянских народов должно было облегчить борьбу с русским самодержавием и осуществление революционных преобразований в России.

Дабы новые члены «имели уважение к цели Соединенных славян и были бы через то деятельнее», принимаемым в Общество обычно сообщалось, что оно очень велико, имеет центр в Петербурге, а отрасли «во многих славянских поколениях»⁵³. Была создана даже легенда о основателе Общества сербском графе или молдавском князе, уехавшем будто бы в свое отчество «для водворения и распространения там Общества славян»⁵⁴.

Все это свидетельствует о намерении распространить в дальнейшем отделения Славянского общества за границей, на Балканах, конкретно в Сербии, упорно отстаивавшей в течение уже двух десятилетий свою политическую независимость, и в соседней с Россией Молдавии. «В то время, когда Общество значительно умножится,— показывал П. Борисов,— предполагая я открыться надежнейшим из моих друзей в своем обмане, который казался мне невинным, и тогда, назначив средоточие, стараться распространить отрасли Славянского Союза в других славянских племенах»⁵⁵.

Этот план остался неосуществленным. За два года своего существования Общество соединенных славян сумело завербовать лишь несколько десятков новых членов. Сама идея славянского единения была осуществлена в форме совместной деятельности в Обществе русских, украинцев и поляков. Интернациональный состав являлся отличительной особенностью Славянского общества по сравнению с другими декабристскими организациями.

Разгром декабрьского восстания оборвал короткую революционную деятельность Общества соединенных славян и его идеологическое развитие.

Славянское общество было представлено в официальном правительственном сообщении в неприглядном виде. Несмотря на то что об этой небольшой организации было мало известно, сам факт существования тайного общества со столь своеобразной программой стал достоянием общественности в России, Польше, Чехии. Все это оказало влияние на развитие общественной мысли в России.

Свое дальнейшее развитие идея о единении славян получила среди декабристов, отбывавших наказание в Сибири, а два десятилетия спустя тот же план объединения славянских народов во имя их политического и национального освобождения был выдвинут украинскими прогрессивными деятелями — членами Кирилло-Мефодиевского братства.

⁵² «Восстание декабристов», т. V, стр. 56.

⁵³ Там же, стр. 29.

⁵⁴ Там же, стр. 18, 24, 29, 44, 45, 250; Следственное дело П. Ф. Громницкого ЦГАОР, ф. 48, д. 440, л. 12.

⁵⁵ «Восстание декабристов», т. V, стр. 29.

Л. С. КИШКИН

О СОВРЕМЕННОМ СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЯ «СРАВНИТЕЛЬНОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ»

Программа VI Международного съезда славистов, как и двух предыдущих, в значительной мере посвящена вопросам сравнительного литературоведения. И это понятно, ибо в своем историческом развитии славянские литературы были тесно связаны между собой. Именно потому и стало столь существенным их сравнительное изучение, позволяющее выявить национально-индивидуальное и общее, определять художественный вклад славянских народов в мировую литературу. В своем докладе на V съезде славистов — «Сравнительно-историческое изучение славянских литератур, итоги и задачи» чешский ученый Франк Вольман, определяя задачи современных сравнительных исследований, заметил: «Речь идет о таком сравнительном изучении, которое бы показало вклад славянских литератур, в их связях и взаимном воздействии, в мировой литературный процесс, а значит и о междуславянской роли в нем. Эта междуславянская роль должна обнаружиться в ходе выяснения литературного процесса отдельных литератур (их истории) *mutatis mutandis*»¹. После состоявшегося в 1963 г. в Софии V Международного съезда славистов внимание к сравнительному литературоведению в Советском Союзе усилилось, сравнительное исследование открывает советским литературоведам дополнительные возможности для изучения не только славянских, но и всех других литератур мира. О необходимости создания журнала «Сравнительное литературоведение» говорилось на состоявшейся в октябре 1967 г. юбилейной сессии собрания ОЛЯ АН СССР, в повестке дня которой стоял специальный доклад М. П. Алексеева «Проблемы связей и взаимодействий в мировой литературе». Существующее уже много десятилетий понятие «сравнительное литературоведение» в последние годы можно встретить во множестве самых различных литературоведческих работ, нередко в соседстве с такими более новыми понятиями, как «взаимосвязи и взаимодействие литератур», «типологические общности», «контактные связи», «литературный обмен» и т. д. Появились и специальные теоретические статьи о сравнительном литературоведении или же сравнительном изучении литератур. Все это отрадно, ибо свидетельствует об активном поиске новых методических путей изучения литературы. Однако в достаточной мере определившегося единства мнений в понимании содержания понятия «сравнительное литературоведение» пока еще, к сожалению, нет. Говорить о необходимости такого единства, хотя бы в основном, если не в деталях, излишне. Без этого любое обсуждение вопросов сравнительного литературоведения (или же сравнительного изучения литератур, в чем мы не усматриваем существенного различия) и практическая работа в этой области всегда будут таить в себе нежелатель-

¹ «Československé přednášky pro V mezinárodní sjezd slavistů v Sofii». Praha, 1963, s. 167.

ную возможность превратиться в «разговор глухих». Действительно, что же такое «сравнительное литературоведение»? Попытаемся ответить на этот вопрос, исходя из существующих в настоящее время представлений, обратившись к работам некоторых современных советских литературоведов, прямо или косвенно касавшихся его.

В. М. Жирмунский. «Сравнительное изучение эпоса может быть плодотворным только в том случае, если четко отличать сравнение историко-типологическое от сравнения генетического (заимствования)»². И в другой работе: «Марксистское понимание законов исторического развития, единства и закономерностей общепролетарского (а следовательно, и литературного) процесса сделало впервые возможным подлинно научное построение не только всеобщей истории, но и истории литературы. Построение это должно опираться на сравнительное изучение литературы, учитывающее как параллелизм литературного развития и вызванные им закономерные историко-типологические схождения между литературами, так и наличие обусловленных ими международных взаимодействий»³.

Н. И. Конрад. «Под сравнительным литературоведением можно понимать многое. Под ним можно разуметь изучение двух или нескольких отдельных литератур при наличии между ними в прошлом исторической общности...»

Под сравнительным литературоведением может разуметься, далее, сравнительно-типологическое изучение явлений, возникших в литературах разных народов. Это изучение может касаться явлений, возникших в составе известной исторической общности...

В сравнительно-типологическом плане могут изучаться и явления, возникшие в разных литературах вне какой-бы то ни было исторической общности, при отсутствии всякой связи между ними, даже явления, возникшие в разное историческое время...

Задачей сравнительно-типологического изучения может быть и открытие самой типологической общности явлений, возникших независимо друг от друга...

Под сравнительным литературоведением можно понимать, наконец, и изучение связей между литературами разных народов»⁴.

В другой работе, говоря о посреднике как одной из форм литературных связей, Н. И. Конрад отмечает: «Французское сравнительное литературоведение разработало вопрос о посреднике почти целиком на материале литературы нового времени, главным образом на материале западноевропейской литературы XIX в. Такая ограниченность делает ограниченным само представление о литературном посредничестве»⁵.

И. Г. Непокояев. «Представители так называемой культурно-исторической школы в России, занимавшиеся сравнительным изучением литератур, не выделяли из широкого материала, который они привлекали, предмета специального литературоведческого исследования, в чем ясно проявилась связь их понимания задач литературной науки с методологией позитивизма.

Предметом изучения литературных связей и взаимодействия в марксистском литературоведении являются исторически складывающиеся и раз-

² В. М. Жирмунский. Эпическое творчество славянских народов и сравнительное изучение эпоса. В кн. IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссий, т. 1. М., 1962, стр. 27.

³ В. М. Жирмунский. Проблемы сравнительно-исторического изучения литературы. В кн. Взаимосвязи и взаимодействия национальных литератур. М., 1961, стр. 66.

⁴ Н. И. Конрад. Проблемы современного сравнительного литературоведения. Изв. АН СССР. Отд-ние лит-ры и яз., 1959, т. XVIII, вып. 4, стр. 318—319.

⁵ Н. И. Конрад. Литература народов Востока и вопросы общего литературоведения. В кн. Взаимосвязи и взаимодействия национальных литератур, стр. 162.

вивающиеся общения между разными национальными литературами, рассматриваемые в неразрывном единстве их идеиного и эстетического содержания, а также независимое от возможных контактов возникновение и развитие в сходных исторических условиях сходных явлений литературы». И далее: «Обширные и многообразные связи, существующие между разными национальными литературами (а в период до образования нации — между литературами разных народностей), — могут быть, как нам кажется, сведены к двум основным типам, которые можно назвать связями контактными и связями по исторически обусловленному сходству литературных процессов»⁶. По мнению И. Г. Неупокоевой, в настоящее время возвращаться к термину «сравнительное литературоведение» не нужно, а следует говорить «об изучении взаимосвязей и взаимодействии литератур»⁷.

П. Н. Б е р к о в. «Сторонники „сравнительно-исторического“ изучения литературных взаимоотношений не учитывают, например, такого существенного явления в области межнационального культурного общения, как близость, а иногда и почти полное единство литературного языка у разных, но родственных в этническом и языковом отношении народов. Например, известно, что так называемый церковнославянский язык с XI по начало XIX в. был основой литературных языков всех восточно- и южнославянских народов и поэтому русский читатель тех столетий без особых затруднений мог читать памятники сербской, болгарской, украинской и прочих письменностей, а болгарин, серб, украинец — литературные произведения Московской Руси.

Если ко всем этим сложным вопросам многонационального литературного обмена подходить с позиций не компаративистского, сравнительно-исторического литературоведения, а марксистско-ленинского, многие трудности, встречающиеся на нашем пути, отпадут и многие неясные проблемы прояснятся. Надо только пользоваться приемом коррелятивного, историко-соотносительного или историко-сопоставительного анализа, лишенного „европоцентрического“ высокомерия компаративистов, проникнутого глубоким уважением ко всем народам, ко всем литературам...»⁸

Н. И. К р а в ц о в. «... В последние годы сравнительно-историческое изучение литератур приобрело значительный размах. Им занимаются учёные всех славянских стран и многих неславянских. Уж один этот факт говорит о важности такого аспекта изучения литератур славянских народов. Сравнительно-историческое изучение этих литератур, несомненно, связано и с тем широким развитием сравнительно-исторического изучения всех литератур мира, которое характерно для последнего десятилетия. Показательно, что в Советском Союзе предпринята большая работа по созданию капитального труда — всемирной истории литературы, который возможно осуществить, естественно, только при самой широкой постановке сравнительно-исторического изучения литератур мира...

Впрочем, не следует скрывать, что в понимании мирового литературного процесса, как и в понимании сравнительно-исторического изучения литературу, среди учёных существуют значительные расхождения. Это можно подтвердить хотя бы тем, что проведенная Институтом мировой литературы Академии наук СССР конференция, как и сборник ее материалов, носила название „Взаимосвязи и взаимодействия национальных литератур“. Эти явления — взаимосвязь и взаимодействие литератур, — несомненно, сос-

⁶ Н. И. Неупокоева. Некоторые вопросы изучения взаимосвязи и взаимодействия литератур. В кн. Взаимосвязи и взаимодействия национальных литератур, стр. 21.

⁷ Там же, стр. 18.

⁸ П. Н. Б е р к о в. Русская литература XVIII в. и другие славянские литературы XVIII—XX вв. В кн. Русская литература XVII века и славянские литературы. М.—Л., 1963, стр. 14—15.

тавляют важный элемент литературного процесса, но они не охватывают того самого главного, что представляет собою сущность сравнительно-исторического изучения литературы, а именно общих закономерностей их развития и своеобразия их национального проявления»⁹.

Б. Г. Р е и з о в. «Сравнительная история литературы» или, как часто говорят, „Сравнительная литература“ (*Littérature comparée*, *Vergleichende Literaturgeschichte*, *Comparative literature*, *Компаративизм* и т. д.) имеет долгую традицию... Под „сравнительной литературой“ понимается изучение двух или нескольких национальных литератур в их связи, влиянии одной на другую или взаимовлиянии. Материал сравнительного изучения бывает очень разнообразный, так как интернациональные связи существуют между всеми современными литературами и существовали во все времена». И еще: «... Без сравнительного изучения никакая история литературы невозможна. Не учитывая инонационального влияния, нельзя понять до конца ни данного писателя, ни данную литературу. Но с другой стороны, нельзя изучать инонациональное влияние, не пользуясь средствами историко-литературного исследования — биографией, текстологией, политической историей, историей общественной мысли, общей культуры данной страны и ее национальных традиций...»¹⁰.

А. С. Б у ш м и н. «Сравнительное изучение литератур разных народов и разных эпох, последовательно сменяющихся этапов в развитии национальной литературы, творчества отдельных писателей и литературных произведений является одним из важнейших методов как для более глубокого постижения сущности отдельного факта и его связей с другими, так и для типологических обобщений идейного, стилистического характера. Взятое в широком плане, сравнительно-историческое изучение литературы включает сложный комплекс проблем и предполагает различные аспекты исследования»¹¹.

Итак, что же такое «сравнительное литературоведение»? Как мы видим, позиции, занимаемые учеными по отношению к этому понятию, довольно разнообразны. Не одинаковы и аспекты подхода к самому освещению вопросов сравнительного изучения литературы. Это вполне очевидно, даже если иметь в виду прикладной характер некоторых из приведенных высказываний. Но попробуем сначала увидеть в них не различия, а то, что так или иначе объединяет их или по крайней мере не исключает возможности согласования мнений.

Все, по-видимому, согласны с тем, что в процессе всестороннего изучения должны сравниваться или сопоставляться как литературы в целом, так и отдельные литературные явления, причем не произвольно, а в соответствии с существующими закономерностями их исторического возникновения и развития, с учетом всей сложной диалектики литературного процесса, качественных перемен, противоречий и т. д.

Большинство высказываний позволяет считать, что предметом сравнительного изучения могут и должны быть не только непосредственные или опосредствованные (контактные) связи, не только типологические общности, аналогии, параллели, схождения, но и целые литературы, со всеми их подобиями и различиями, отдельные литературные течения (классицизм, романтизм, реализм и др.), значительные явления (такие, как толстовство или байронизм), жанры, стили, художественные формы и т. п. Следует заме-

⁹ Н. И. К р а в ц о в. Вопросы сравнительно-исторического изучения славянских литературу. Вестн. Моск. ун-та. Сер. VII. Филология, журналистика, 1964, № 2, стр. 16.

¹⁰ Б. Г. Р е и з о в. Сравнительное изучение литературы. В кн. Вопросы методологии литературоведения. М.—Л., 1966, стр. 170—171, 217.

¹¹ А. С. Б у ш м и н. Состояние и задачи разработки методологии литературоведения. М., 1966, стр. 79—81.

тить, что всякое сравнительное исследование должно иметь разумную основу и, конечно, сравниваться должно сравнимое, причем, безусловно, существенное для уяснения литературного развития. Можно, например, с пользой для дела сравнивать басни Эзопа, Лафонтена, Дмитриева и Крылова или драматические произведения Грибоедова и Мольера, но вряд ли стоит заниматься сравнительным изучением эпиграмм Пушкина и романов Диккенса, а также лирических стихов Сапфо и поэма Н. А. Некрасова. Да и внутри одной литературы не все сравнимо. Изучение стихов Саши Черного и Есенина в сравнительном плане скорей всего мало чем обогатит науку. А вот аналитическое сравнение психологизма Толстого и Достоевского, надо думать, не останется безрезультатным.

Еще один пункт, по которому, как можно с достаточной уверенностью полагать, у цитированных авторов нет расхождения в отношении к сравнительному изучению литературы (как бы его ни называть!) — это рассмотрение такого изучения лишь в качестве одного из методических приемов или способов изучения истории литературы в ряду других. Никто, подобно Полю Ван-Тигему и его последователям, не членит у нас литературоведение на две автономные дисциплины: общее и сравнительное (так называемые *littérature générale* и *littérature comparée*). «Изучая различные формы международных литературных отношений и сравнивая различные литературы, советские ученые опираются на общие принципы марксистско-ленинской методологии, применяемые к изучению общественных наук, и не считают, что данная область литературоведения предполагает некую особую и только — в ней применимую методологию. Изучение международных литературных отношений, сравнительное изучение литературы мира — органически входят в науку о литературе, помогают выяснению общих закономерностей литературного процесса и не являются какими-то обособленными „науками в науке“»¹², — пишет по этому поводу Р. М. Самарин.

Позицию советских литературоведов отличает еще и то, что в процессе сравнительного изучения они не допускают механического вычисления европейских литератур из ряда других литератур мира, как это нередко делают западноевропейские ученые.

Последнее, что хотелось бы отметить, говоря об общности современных взглядов на сравнительное изучение литератур, — это в целом единодушное отношение к тому, что называли «сравнительным литературоведением» в прошлом. Оно в должной мере критично, никто не склонен отождествлять дооктябрьское «сравнительное литературоведение», в частности историческую поэтику А. Н. Веселовского, с теперешними представлениями о сравнительном изучении. И это понятно — советская наука значительно продвинулась вперед. Еще в 1940 г. в одной из своих работ А. И. Белецкий писал, что представления А. Н. Веселовского, считавшего себя зачинателем синтеза в русском литературоведении, о «поэтике будущего» нас «уже не могут удовлетворить»¹³. Но это, разумеется, не означало зачеркивания всего ценного, что сделал А. Н. Веселовский, по определению А. И. Белецкого — «гигант русской науки». Принципиальная разница в понимании места в науке и задач «сравнительного литературоведения» в прошлом и в настоящем не исключает наличия определенных преемственных связей между ними. Это убедительно показал в своей работе «Сравнительное изучение литератур в русской дореволюционной и советской науке» Н. К. Гудзий, который писал: «Используя положительные результаты, достигнутые в области сравнительного изучения литератур русской дореволюционной

¹² Р. М. Самарин. Состояние сравнительного изучения литератур за рубежом. В кн. *Взаимосвязи и взаимодействия национальных литератур*, стр. 81.

¹³ А. И. Белецкий. Избранные труды по теории литературы. М., 1964, стр. 334.

филологической наукой, марксистское литературоведение ставит перед сравнительным изучением принципиально новые задачи, открывает новые возможности изучения отдельных национальных литератур и мирового историко-литературного процесса. Оно подчиняет сравнительный метод исследования своей головной задаче — изучению литературы как особой формы общественного сознания»¹⁴.

Таковы общие моменты в существующих взглядах на сравнительное литературоведение. Очевидно, от них прежде всего и следует идти по пути интеграции мнений по этому вопросу, стремясь достичь желанного единства.

А теперь о расхождениях в понимании сравнительного литературоведения или сравнительного изучения литературы. В первую очередь они касаются терминологии¹⁵. Не все, признавая необходимость сравнений или же сопоставлений в литературоведении, считают целесообразным пользоваться самим понятием «сравнительное литературоведение». Так, например, П. Н. Берков, отрицая «компаративистское, сравнительно-историческое литературоведение», имея в виду, как можно понять, в первую очередь его содержание в прошлом, предлагает вместо него «пользоваться приемами коррелятивного, историко-соотносительного или историко-сопоставительного анализа». Заменить давно существующее и утвердившееся в науке понятие «сравнительно-историческое литературоведение» словами «историко-сопоставительный анализ» или «историко-соотносительный анализ», конечно, можно. Но зачем? Ведь не заменяем же мы термин «литературоведение», в его современном значении, скажем, такими терминами, как «литературоведение» или «литературознание» только для того, чтобы не путать с литературоведением XIX в., многое в котором ошибочно или безнадежно устарело. Многое, но не все. А потом не следует забывать, что сравнительно-историческое изучение наряду с конкретно-историческим является вторым ведущим методом научного познания вообще. Ни от принципов историзма, ни от приемов сравнения (или сопоставления, что одно и то же) при изучении литературы никто не отказывается. Так есть ли смысл отказаться от точного и ясного названия такого способа изучения? Думается, нет. В высказывании П. Н. Беркова затрагивается и еще один немаловажный, на наш взгляд, вопрос о соотношении понятия «сравнительно-историческое литературоведение» и понятия «компаративистское литературоведение». С предложенным решением трудно полностью согласиться. Вряд ли следует понятия «компаративистское литературоведение» и «сравнительно-историческое литературоведение» считать однозначно отрицательными. Наши коллеги в социалистических странах часто называют «компаративистикой» то, что мы называем «сравнительным литературоведением» или «сравнительным изучением литературы», и у них есть в этой области бесспорные успехи. Очевидно, для лженаучных построений буржуазных ученых-компаративистов нужны какие-то менее общие и более точные, конкретные определения. Это может в значительной мере оградить от возможных терминологических недоразумений.

¹⁴ Н. К. Гудзицкий. Сравнительное изучение литератур в русской дореволюционной и советской науке. В кн. Взаимосвязи и взаимодействие национальных литератур, стр. 79.

¹⁵ Совпадающие, или очень близкие, давно бытующие в литературоведении как равнозначные понятия «сравнительное литературоведение» и «сравнительное изучение литературу» относить к терминологическим расхождениям, как нам кажется, причин нет. Как уже отмечалось, мы не видим между ними особой разницы, хотя последнее, пожалуй, точнее передает сущность обозначаемого метода исследования и, может быть, поэтому заслуживает предпочтения. Важно отметить, что понятия «сравнительное литературоведение» и «сравнительное изучение литературу», как правило, встречаются в работах одновременно, сочетаясь одно с другим.

В приведенных высказываниях И. Г. Неупокоевой термин «сравнительное литературоведение» возмещается рассмотрением проблематики изучения «взаимосвязей и взаимодействий национальных литератур». На неправомерность такого суждения сравнительно-исторического изучения литератур, как нам кажется, вполне обоснованно указал Н. И. Кравцов. Не говоря уж о том, что межлитературные интернациональные связи далеко не всегда осуществляются в виде «взаимосвязей и взаимодействий» (Б. Г. Реизов, конечно, прав, когда допускает не только взаимовлияние, но и влияние одной литературы на другую), нам кажется неудачным у И. Г. Неупокоевой и само определение двух основных типов взаимосвязей: «контактных» и «связей по исторически-обусловленному сходству». По существу, в значительной мере здесь речь идет о том же, что и у В. М. Жирмунского, когда он говорит о необходимости «четко отличать сравнение историко-типологическое от сравнения генетического», непонятно только, почему И. Г. Неупокоева сходство называет связью. Таким образом, вольно или невольно то, что должно «четко отличаться», объединяется общим названием. Но и при таком «широком» толковании взаимосвязей их изучение далеко не адекватно сравнительно-историческому изучению литератур во всех аспектах, о которых говорилось выше. Думается, логичнее и правомернее считать изучение связей и взаимосвязей лишь одним из слагаемых сравнительно-исторического изучения, которое, как совершенно верно отмечается в работе И. Г. Неупокоевой, является «одним из способов познания мирового литературного процесса».

В приведенных выше высказываниях помимо различий по существу есть и некоторые оттенки в деталях или акцентах, которые тоже, как нам кажется, существенны для выяснения понятия «сравнительное литературоведение» и поэтому заслуживают внимания.

Признавая важность изучения связей в рамках сравнительного литературоведения, Н. И. Кравцов в то же время видит главное, «что представляет собой сущность сравнительно-исторического изучения литератур», в общих закономерностях их развития и своеобразия национального проявления. Такую точку зрения можно понять, особенно учитывая, что при относительно большом количестве работ по связям у нас в последние годы нет или почти нет крупных работ по сравнительно-типологическому изучению литератур или значительных литературных явлений¹⁶. В то же время, как нам кажется, если говорить о развитии литературоведения (литературоведения, а не литературы), то выделять, что главное и что пеглавное в сравнительном изучении, вряд ли стоит. В литературоведении главными, на наш взгляд, часто становятся те участки науки, которым мало уделялось внимания, где в данный момент больше неизвестного и неясного. Можно согласиться с заключением Н. И. Кравцова (одностороннее увлечение изучением связей действительно есть), но до конференции ИМЛИ по взаимосвязям и взаимодействию литератур (1960), когда еще почти не было и работ по связям, без оговорок это сделать было бы труднее. Кстати, нам не кажется, что, признавая настоятельную необходимость сравнительного изучения «общих закономерностей литератур», мы можем упускать из вида сравнительное изучение разного рода крупных литературных явлений. Не исключено, что именно эти исследования и откроют широкий путь для сравнительного изучения «общих закономерностей».

¹⁶ В этой связи хотелось бы обратить внимание на одну из немногих работ такого рода, не так давно появившуюся в Чехословакии, а именно — книгу Карела Крейчи «Heroikomika v básničtví slovanů» («Геронкомическое в поэзии славян», 1964), которая показывает, какие новые возможности для литературоведа таят в себе сравнительно-типологические исследования.

В своей статье «Сравнительное изучение литературы»¹⁷ Б. Г. Реизов в основном говорит об изучении двух или нескольких национальных литератур в их связи. Такое понимание сравнительного литературоведения, если допустить, что оно исключает другие виды сравнительных изучений (а так можно подумать), конечно, ограничивает сферу приложения сравнительного метода в литературоведении. Правда, в заключении статьи Б. Г. Реизова говорится: «Всегда будут существовать и приносить свою пользу все разумно использованные формы историко-литературного исследования, которые в наше время все больше и больше тяготеют к синтезу». Эти слова позволяют думать не только о правомерности сравнительного изучения литературных связей, но и других литературных явлений. Кроме того, в них привлекает нацеливание литературоведов на оптимальное сочетание конкретно-исторического и сравнительно-исторического методов исследования, что разумеется, не исключает специальных работ с преобладанием того или иного из них. Говоря об оптимальном сочетании, мы имеем в виду литературоведение в целом, а не специализацию отдельных литературоведов, которая, разумеется, возможна.

В высказываниях Н. И. Конрада и П. Н. Беркова справедливо отмечается и осуждается «европоцентризм» в работах некоторых западных литературоведов. Однако при этом Н. И. Конрад не ставит под сомнение само понятие «сравнительное литературоведение». В этом к нему хочется присоединиться, ибо в борьбе против ошибочных и идейно-несостоятельных научных мнений в первую очередь важна их доказательная критика по существу. Что же касается терминологических изменений, то в данном случае, как нам кажется, они не вызываются необходимостью. Если же считать, что терминологические нововведения все же нужны, то следует иметь в виду, что и они практически осуществимы лишь при интеграции различных точек зрения, которые очень часто, и это естественно, оказываются так или иначе связанными с устоявшимися в науке представлениями и существующими традициями. Нельзя забывать о том, что понятия не могут возникать и существовать сами по себе. Их установление неизбежно сопряжено с тем, что они должны органически войти в сложную специфическую систему уже существующих взаимосвязанных понятий, характерную для каждой науки или ее отрасли.

Как уже говорилось, приведенные выше высказывания о сравнительном литературоведении взяты нами из различных по своему характеру и назначению работ. Их авторы по-разному и по разным поводам выражают свое отношение к понятию «сравнительное литературоведение», в большинстве случаев не стремясь дать ему универсальное обобщающее определение и раскрыть его объем. Однако, если к этим высказываниям все же подойти именно с такой точки зрения, то наиболее исчерпывающими и плодотворными для выяснения содержания понятия «сравнительное литературоведение», по всей видимости, следует признать суждения В. М. Жирмунского, Н. И. Конрада и А. В. Бушмина. Они, как нам кажется, могли бы стать отправными при согласовании различных взглядов на «сравнительное литературоведение» в целях совершенно необходимого устранения терминологического «разночтения» этого понятия. Единство здесь особенно важно. Представим себе человека, ознакомившегося с цитированными статьями П. Н. Беркова и Б. И. Реизова. Что он должен думать о

¹⁷ Заметим, что наряду с терминологическим понятием «сравнительное изучение литературы» Б. Г. Реизов пользуется еще и термином «сравнительная литература», являющимся калькой с французского. Смысл и сущность понятия «сравнительная литература» не вытекает с должной отчетливостью из семантики составляющих его слов и потому, как нам кажется, вряд ли стоит вводить его в современную русскую литературоведческую терминологию, в которой оно выглядит явно иностранным.

сравнительном литературоведении?! Терминологический разнобой и наполнение разным смыслом одних и тех же понятий не так безысходны, как это может показаться на первый взгляд. Они замедляют прогрессивное развитие науки и в теории и в практике, становятся искусственным барьером между учеными, хотя очень часто те говорят об одном и том же и по существу мало чем отличаются по своим научным взглядам. Терминологический разнобой никак не благоприятствует созданию новых капитальных работ, посвященных литературным отношениям и сравнительно-типологическому изучению литератур. Все это и побудило нас поделиться мыслями о содержании понятия «сравнительное литературоведение» в канун VI съезда славистов. Подготовка к съезду и сам съезд могут стать хорошим поводом для обмена мыслями по затронутому вопросу, помочь их согласованию, или хотя бы сближению точек зрения.

Ю. И. СМИРНОВ

О СИСТЕМЕ ЭПИЧЕСКОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ

Историю славянского эпоса можно представить как длительную его эволюцию с качественными переменами на том или ином этапе, которые обусловлены изменениями в народном сознании. Мы предполагаем, что еще до расселения славяне располагали некоторым общим запасом сюжетов (об отношениях внутри собственного этнического мира, во внешнем этническом, мифологическом и историческом окружении, между этими мирами), которые, по видимому, бытовали не в песенной, а в прозаической форме. Но именно этот общий запас сюжетов лег в основу песенных эпосов и на протяжении тысячелетия подвергся значительным метаморфозам. Сходные же условия и стадии исторического развития славян увеличивали общий эпический фонд. Последовательная, закономерная смена героев, их функций, обстоятельств эпических событий, слияние функций, перестановки героев, тяготение к одному герою и одному эпическому центру, а также другие перемены в эпическом повествовании приводили к серьезным сдвигам общих сюжетов: они либо контаминировались, переплетались, сливаясь друг с другом, либо расщеплялись, образуя множество «подсюжетов», постепенно утрачивали эпическое содержание, приспособливаясь к иным утилитарным потребностям. В последнем случае они обычно приурочивались к определенным моментам годовых крестьянских праздников (см. колядки и др.) либо попадали в число хороводных и иных игровых песен¹.

Чтобы подтвердить кратко высказанную здесь гипотезу об изменениях общего славянского запаса сюжетов, нужно построить десятки эволюционных цепочек, с помощью которых можно было бы показать эволюцию каждого общеславянского сюжета и эволюцию взаимодействий между такими сюжетами.

Естественно, что при этом лишь поневоле можно ограничиться добровольным пересказом произведений. В логическом отношении содержание эпических песен должно быть передано в виде системы с заданным и предельным числом элементов. Учитывая наряду с логическим планом временные изменения свойств (значений) элементов, можно было бы расположить произведения с одним и тем же сюжетом или сходными сюжетами в эволюционном порядке, в виде эволюционной цепочки с возможными ответвлениями и образованием параллельных рядов. Раскрыв таким образом эволюцию произведений, мы затем смогли бы сопоставить полученные результаты с данными археологии, истории, этнографии и др.

¹ Естественно, что на каждом этапе эволюции эпоса возникали и самобытные новообразования, часть которых создавалась по традиционному образу и подобию. Роль новообразований увеличивалась по мере приближения эпоса к последнему этапу эволюции.

тем самым выявить общественную значимость и причинность изменения эпических песен на протяжении какого-то значительного периода истории народа. Случай пропусков (неполнота системы, отсутствие каких-либо звеньев цепочки) можно было бы реконструировать благодаря сравнению с сопоставимыми эволюционными цепочками и данными других наук. Случай же появления сходного, но отличающегося иной системой звена в общем ряду эволюционной цепочки можно было бы истолковывать как заимствование или створчество. К числу проблем, связанных с построением эволюционных цепочек, относится и вопрос о системе эпического повествования.

Допустим, что повествование состоит из четырех элементов: героя, действия, места действия и других обстоятельств действия. Придадим элементам грамматическое значение частей предложения: герой — это подлежащее, действие — сказуемое с возможными причастными и деепричастными оборотами, место действия — обстоятельство места, другие обстоятельства действия — другие части предложения, несущие смысловую нагрузку. Взятые порознь элементы повествования в этом случае будут неделимыми, но вместе с тем они не образуют логического целого. Если же элементам повествования, помимо грамматического, придать еще и те смысловые значения, которые обнаруживаются в эпических песнях, то тогда мы получим возможность составить перечни значений каждого из элементов. Составление словарей — указателей героев, мест действия и других элементов эпического повествования — было бы, бесспорно, очень важным шагом в исследовании эпоса. Тем самым была бы создана исходная база для изучения повествования, открылась бы возможность каким-либо образом (например, по принципу противопоставления) сгруппировать эпических героев и другие элементы, выявить их эволюционную градацию, приступить к изучению их типологии. Однако и выполнив эту работу, мы по-прежнему имели бы дело с отдельными элементами, а не с логическими связями, выраженным в повествовании и его частях. Очевидно, логические связи и есть сочетания этих элементов.

Допустим, далее, что эпическое повествование состоит только из двухчленных сочетаний названных элементов и что последовательностью элементов в каждом сочетании можно пренебречь, поскольку она грамматически «произвольна» в самих эпических песнях. В этом случае повествование будет выглядеть как некоторая совокупность только таких сочетаний:

герой + место действия
герой + обстоятельства действия
герой + действие

место + обстоятельства действия
место + действие
обстоятельства + действие

Вот адекватные отрывки предложений: «Марко Королевич в корчме...», «Илья Муромец быстро...», «юнак убил...», «на самовильском грище о полночь...», «там на берегу Дуная проклинает...», «по совету едет...»

Логическая незаконченность этих сочетаний наглядна. Поэтому в поисках решения задачи необходимо обратиться к трехчленным сочетаниям, причем также при условии, что порядок следования элементов безразличен. Этих сочетаний меньше:

герой + место + обстоятельства действий
герой + место + действие

герой + обстоятельства + действие
место + обстоятельства + действие

Вот адекватные отрывки предложений: «Янкула-воевода на Косовом поле смело...», «брат встретил в лесу...», «девушка, несмотря на запрет, идет...», «из гроба, умирая, вдохнул силу...». Очевидна логическая незавершенность и этих сочетаний. Правда, двум из них (герой + место +

— действие; герой + обстоятельства + действие) свойственна некоторая цельность, тем не менее и они лишены смысловой законченности.

Обратившись к четырехчленным сочетаниям, нетрудно убедиться, что при оговоренном условии из данного числа элементов можно образовать только одно сочетание: герой + место + обстоятельства + действие: «Илья Муромец быстро поехал в Киев прямоезжею дорогою»; «девушка бросала венки в Дунай», «Марко пьет вино в корчме прохладной», «Илья Муромец убил в поединке близ заставы богатырской...», «братья-разбойники случайно встретили на море...»

В этом случае сразу же обнаруживаются два типа четырехчленных сочетаний. Одно из них явно показывает индивидуальное состояние героя и должно быть признано законченным по смыслу. Сочетания такого типа нередко встречаются в эпических песнях, однако, пользуясь только ими, текст в целом невозможно воспроизвести.

Другому же типу сочетания все еще свойственна логическая обрывочность. Очевидно, этот тип сочетания показывает состояние героя по отношению к какому-то другому эпическому персонажу, выражает неполноту отношения между героями эпических событий. Более того, несомненно, что эти отношения как раз и составляют центр тяжести эпического повествования. Стало быть, взятая система отсчета помогает выявить лишь один, второстепенный тип логической конструкции, соответствующей некоторой части эпического повествования. Возникает необходимость ввода кратности значений героя, градаций эпических героев. Но, допустив это, мы тем самым выйдем за пределы взятой системы отсчета.

Помимо героя, стоящего в центре эпических событий и являющегося, как правило, представителем той этнической среды, где исполняется песня о нем, в эпосе можно выделить еще лиц, сочувствующих и помогающих главному герою (кратко — помощников), и лиц, противостоящих ему (кратко — антиподов). С учетом этой кратности героев система повествования будет состоять из шести элементов, так как нельзя пренебрегать отношениями между вводимыми типами героев и другими частями эпического повествования. В пределах такой системы мы встретим и те сочетания, которые уже встречались в системе из четырех элементов, и искомые пятичленные сочетания. Наиболее же интересными случаями будут четырехчленные комбинации элементов типа (герой + действие + обстоятельства + антипод) и шестичленная комбинация, соответствующая в пределах этой системы отсчета самому сложному (с участием трех действующих лиц) эпизоду повествования.

Наряду с тем, что вновь встретится логическая конструкция, отражающая индивидуальное состояние героя (на этот раз уже не одного, а трех типов героев), будут получены многочленные сочетания элементов, соответствующие краткому содержанию целых, правда, простейших эпических песен: южнославянские песни «Мать ищет Марка Королевича», «Девушка находит раненого брата», «Молодец добывает (похищает) девушку» и др. Эти соответствия обусловлены характером второго героя. Второй герой этих песен обязательно либо лицо, сочувствующее главному герою (солнце, месяц и звезды откликаются на обращение матери Марко), либо лицо не оказывающее герою противодействия, идущее ему навстречу (похищаемая девушка). Иными словами, это тип героя — помощника. Однако простейшими песнями этого рода, хотя они и довольно популярны у южных славян, состав эпической традиции не исчерпывается. В большинстве случаев полученные логические конструкции будут соответствовать частям, а не целому эпическому повествованию. Эпизодам эпического повествования соответствуют те многочисленные конструкции, в которых обязательным элементом наряду с главным героем является его антипод. Следова-

тельно, если добиваться все большей точности в моделировании эпического повествования, то необходимо допускать кратность значений уже известных элементов и вводить новые элементы в систему отсчета.

Получаемые логические конструкции свидетельствуют еще об одном интересном свойстве эпического повествования, что можно проиллюстрировать следующим образом. Допустим, что система повествования состоит из семи элементов: героя, его антиподса, действия героя, контрдействия антиподса, мест действия — родины героя и внешнего мира, других обстоятельств действия. При этом наряду с уже известным условием относительной последовательности элементов следует допустить и условие о смысловой законченности логических конструкций, так как мы убедились, что этим качеством обладают лишь те из них, которые обязательно содержат, помимо любых других элементов, подлежащее и сказуемое. При таких условиях получаются следующие сочетания элементов:

Уровень двучленных сочетаний

действие + герой	}	антитезы	}	контрдействие + герой
действие + антипод		контрдействие + антипод		

Уровень трехчленных сочетаний

действие + контрдействие + герой ²	←————→	действие + контрдействие + антипод ²		
действие + обстоятельства + герой	}	антитезы	}	контрдействие + обстоятельства + герой
действие + обстоятельства + антипод				контрдействие + обстоятельства + антипод
действие + герой + антипод ³	←————→	контрдействие + герой + антипод ³		
действие + герой + родина	}	антитезы	}	контрдействие + герой + родина
действие + герой + внешний мир				контрдействие + герой + внешний мир
действие + антипод + родина				контрдействие + антипод + родина
действие + антипод + внешний мир				контрдействие + антипод + внешний мир

Уровень четырехчленных сочетаний

действие + контрдействие + герой + антипод

действие + контрдействие + обстоятельства + герой⁴

действие + контрдействие + обстоятельства + антипод⁴

контрдействие + обстоятельства + герой + антипод

действие + обстоятельства + герой + антипод

действие + контрдействие + герой + родина

действие + контрдействие + герой + внешний мир

действие + контрдействие + антипод + родина

действие + контрдействие + антипод + внешний мир

действие + герой + антипод + родина

действие + герой + антипод + внешний мир

контрдействие + герой + антипод + родина

контрдействие + герой + антипод + внешний мир

действие + герой + родина + внешний мир

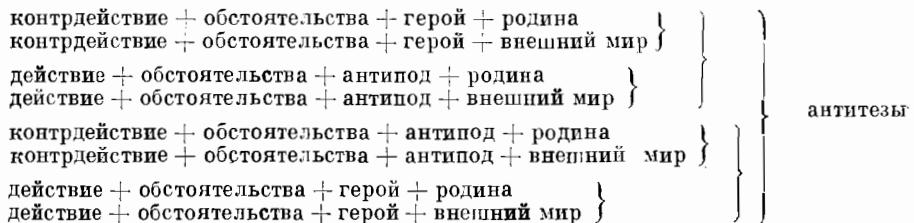
действие + антипод + родина + внешний мир

контрдействие + герой + родина + внешний мир

контрдействие + антипод + родина + внешний мир

² В этих случаях уже необходимо учитывать последовательность элементов. Конструкции могут читаться лишь так: «в ответ на действие (героя) антипод произвел контрдействие». См. развитие этих конструкций и на уровне четырехчленных сочетаний.

³ Как видим, в пределах этой системы отсчета уже трехчленные конструкции этого рода обладают смысловой законченностью, но в реальных эпических песнях они встречаются редко. См. список 2.

Мы опускаем перечисление сочетаний на последующих уровнях, поскольку а н т и т е з а — противопоставление сочетаний в зависимости от значений элементов — уже показана достаточно наглядно. Как видим, выявляются не только пары⁵, но и целые группы логических конструкций антитез. Очевидно, это явление присуще не только логическим конструкциям, но и реальным эпическим песням⁶. Например, болгарские песни: 1) «Воин на свадьбе своей жены», «Кумом на свадьбе своей любимой», «Девушка сбегает во время свадьбы к любимому»⁷; 2) «Юнак освобождает похищенную турками сестру», «Девушка не противится похищению»⁸; 3) «Жена освобождает мужа по его совету», «Баран освобождает пастуха из тюрьмы», «Под видом юнака (царского посла) жена освобождает мужа», «Сестры освобождают брата»⁹; 4) «Девушка вымаливает у царя пленных братьев» и «Девушка выкупает любимого, а не брата»¹⁰; 5) «Девушка-воин», «Девушка-пастух», «Девушка-разбойник (воевода)»¹¹; 6) «Притворившись мертвым, молодец заманивает к себе девушку», «Девушка притворяется мертвой»¹²; 7) «Братья не позволяют сестре любить молодца», «Братья губят молодца», «Братья убивают сестру за любовь к молодцу»¹³.

Здесь можно было бы привести десятки примеров. Они сразу же обнаруживаются при составлении списков схождений между славянскими эпосами. Однако в самих эпических песнях явление антитезы скрадывается в силу яркого многообразия значений одних и тех же, однопорядковых элементов; оно обычно бросается в глаза в относительно простых по составу произведениях, где замена одного действующего лица другим (например, молодца — девушкой, брата — сестрой, солнца — человеком, змея — гиперболизированным великаном и др.) или одного действия другим (побеждает — побежден, выигрывает — проигрывает, укрывает — выдает, любит — отвергает и др.) особенно здрина.

Если же признать, что антитета — это противопоставление логических связей повествования по противоположным значениям хотя бы одного элемента, то надлежит констатировать, что именно в этом явлении и за-

⁵ Чем так увлеклись ныне структуралисты.

⁶ Конкретный пример антитета см. в нашей статье «Былина „Иван Гостиный сын“ и ее южнославянские параллели». «Русский фольклор», 1968, т. XI.

⁷ А. П. С т о и л о в. Показалец на печатаните през XIX век български народни песни, т. I—II. София, 1916—1918, № 247, 337, 347. Ср. русскую былину «Добрыйня и Алеша».

⁸ «Преглед на българските народни песни. Първа половина». — «Известия на Семинара по славянска филология». София, 1925, кн. V, № 19 периодич.— коляды, № 664 периодич.— лазарские. Ср. русского «Козарина» и др.

⁹ А. П. С т о и л о в. Там же, № 38, 389, 406, 436; «Преглед...», № 843 периодич.— коляды. Ср. русскую былину «Ставер Годинович».

¹⁰ А. П. С т о и л о в. Там же, т. I, № 485, 201. Ср. русскую «Авдотью Рязаночку».

¹¹ Там же, т. I—II, № 100, 101, 356, 438, 439, 471: «Преглед...», № 982 периодич.— георгиевские. Ср. русскую балладу «Девушка-воин».

¹² А. П. С т о и л о в. Там же, т. I—II, № 324, 778.

¹³ Там же, т. I, № 222—225. Ср. русские быlinы «Алеша Попович и сестра Сбродовичей», «Хотен Блудович», «Федор Колыштотай».

ключается варьирование произведений, образование версий и новых произведений, не выходящих за пределы эпических стереотипов, эпической традиции. Именно используя явление антитезы, можно построить эволюционные цепочки эпических произведений и показать взаимодействие между ними.

Итак, изложив в общих чертах способ получения логических конструкций, соответствующих определенным частям эпического повествования, мы приходим к следующим выводам.

Число сочетаний элементов в пределах взятой системы отсчета всегда конечно на любом уровне¹⁴. Число реальных соответствий полученным логическим конструкциям превышает число последних и также конечно.

Сочетания, встречающиеся на уровнях системы с меньшим числом элементов, повторяются также на уровнях систем с большим числом элементов. Это, между прочим, можно рассматривать и как свидетельство переходного характера логических конструкций — от уровня к уровню, от простого к усложняющемуся в пределах любой системы отсчета.

Усложненность логических конструкций и соответствующих им частей эпического повествования как числом, так и кратностью (градацией) значений вводных элементов.

Логические конструкции обладают смысловой законченностью и соответствуют определенным объективным уровням эпического повествования только тогда, когда, помимо других возможных элементов, они содержат минимум подлежащее и сказуемое (характеристика индивидуального состояния героя). Но более характерными для эпоса видами логических связей являются те из них, которые содержат минимум подлежащее, сказуемое и дополнение (характеристика отношений между героями и изменений этих отношений).

Варьирование произведений, образование версий и «традиционно новых» произведений определяется явлением антитезы, охватывающим какие-то, но не все отношения из общей совокупности логических связей, присущей данной группе произведений.

Эпическое повествование может быть описано как сумма многочисленных логических конструкций, обладающих смысловой законченностью и последовательно сменяющих друг друга. При этом в пределах взятой системы логические конструкции обязательно будут разноуровневыми, разнорядковыми, как и в реальных эпических песнях.

Сделанные выводы нетрудно проверить, использовав либо приведенные, либо аналогичные системы. Сам способ получения логических конструкций в принципе может быть применен, конечно, не только при изучении повествования.

Изложенное приводит также к мысли о необходимости составления каталогов логических конструкций и их реальных соответствий, естественно, с учетом явления антитезы. Подобно указателям героев и других элементов эпического повествования, эти каталоги не были бы самоцелью. Благодаря им открылись бы возможности наиболее эффективно искать и обнаруживать зависимости между многочисленными логическими конструкциями, между их реальными соответствиями, между теми и другими. Ведь описание эпического повествования в виде суммы «механически», точь-в-точь как в каждом конкретном тексте, связанных логических конструкций нельзя признать целесообразным. Так возникает вопрос об ис-

¹⁴ Математически просто предсказать число сочетаний на любом уровне в пределах любой системы из n числа элементов, привести это число с учетом или без учета перестановок. Но в рамках настоящей статьи мы считаем использование математического аппарата излишним.

следовании зависимостей между различными многочисленными частями повествования. Примеры простейших зависимостей в эпосе: если герой встречает девушку в свободном, если так можно выразиться, состоянии, то он ее обязательно похищает; если герой встречает полонянку, то он ее освобождает; если же герой встречает полянницу-богатырку, то он обязательно вступает с ней в поединок и сражается до тех пор, пока не узнает, что его этнический противник — женщина. Во всех трех случаях непосредственный результат встречи одинаков — герой женится, однако последствия результата предопределены характеристикой женщины и ее атрибутов. И то, и другое оказываются важнейшими критериями для определения эволюции песен. В первом случае характеристика задана, девушка — мифическое существо (вила, самодива, русалка, дикая баба, змеиха), которую герой временно лишил магической силы. Став снова мифическим существом, девушка покидает героя. Идея несоединимости представителей мифического и этнического мира тем самым вполне реализована. Во втором случае характеристика полонянки дана после встречи: полонянка обычно оказывается сестрой героя. Отсюда конфликт, который певцы всячески, но вполне исторично старались устраниć. Идея несоединимости кровных родственников подчеркнута наглядно и обрисована нередко очень трагически. В третьем случае поляница, несмотря на поражение, превосходит героя в богатырских состязаниях и поэтому гибнет от его стрелы. Идея несоединимости этнических противников обычно стирается другой идеей — подчеркиванием мужских амбиций героя. Минимальные возможности обеих идей, вероятно, содействовали тому, что эпическая песня этого рода не получила сколько-нибудь серьезного эволюционного развития. Схожесть всех трех случаев видится также в том, что если в первой части песен превосходство на стороне героя, то во второй части героиня магически, морально или богатырскими поступками превосходит богатыря, этнического героя.

Нетрудно догадаться на этих примерах, что зависимости между частями повествования многообразны. Значительно труднее показать типы зависимостей из-за отсутствия каталогов и методологического аппарата.

Нам хотелось бы также представить зависимости между частями повествования (их логическими многочленными соответствиями) как набор некоторого числа элементов, из которых в свою очередь можно было бы получить определенные сочетания. Благодаря этому мы овладели бы способом экономичной и эффективной передачи эпических произведений. В условиях, когда необходимо строить десятки эволюционных цепочек с привлечением тысяч текстов, этот способ, разумеется, не был бы лишним.

Вместе с тем характер даже тех логических конструкций, которые были представлены в этой статье, побуждает по-иному подойти и к двум парам древних как мир понятий: мотив — сюжет и фабула — эпизод, которыми до сих пор охватываются представления о содержании фольклорных произведений. Ясно, что любой из этих пар понятий трудно охватить все уровни получаемых логических конструкций. Необходимо либо, сохранив старую терминологию, признать постепенно усложняющуюся градацию мотивов и сюжетов, с учетом переходов от мотивов к сюжетам, либо в новых терминах описывать получающуюся многоуровневую систему логических конструкций¹⁵. Этот вопрос безусловно требует коллективного обсуждения учеными.

И последнее. Ныне весьма активно используется и разрабатывается способ описания повествования, открытый 40 лет назад В. Я. Проп-

¹⁵ Мы уже не говорим о том, что во избежание путаницы следовало бы разными терминами обозначать логические конструкции и их реальные прототипы.

пом¹⁶, при этом современные исследователи вольно или невольно подменяют систему повествования системой функций (действий) фольклорных героев. Этот способ бесспорно имеет свои преимущества, поскольку позволяет очень тщательно изучить именно функции. Но исследователь не должен забывать, что система функций в повествовании и система повествования не тождественны, даже если и видеть фольклорное повествование только сквозь призму функций¹⁷. Стремлением избежать подобного отождествления и была в значительной степени продиктована эта статья.

¹⁶ В. Я. Пропп. Морфология сказки. Л., 1928.

¹⁷ Ср. В. Я. Пропп. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946. В этой книге много внимания уделено сказочным героям и обстоятельствам, в которых они действуют.

Ю. С. МАСЛОВ

НЕКОТОРЫЕ СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ СЛАВЯНСКИХ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ*

§ 1. На протяжении двух последних десятилетий проблемы морфологической структуры глагольных словоформ славянских языков вновь привлекают к себе внимание исследователей. Разработка этих проблем идет сейчас как в описательно-аналитическом, так и в генеративно-синтетическом плане. В первом случае лингвист, по выражению А. В. Исаченко, опирается «на формы, наблюдаемые в тексте», во втором случае реально существующие формы интерпретируются как результат ряда трансформаций, проделанных по определенным правилам над «цепочками абстрактных морфем» (Исащенко/183)¹. На наш взгляд, оба подхода органически дополняют друг друга. Во всяком случае, порождение реальных форм, их синтез был бы, разумеется, просто невозможен без предварительного (хотя бы и остающегося «за кадром») анализа. Что касается ниже следующих строк, то в них вопросы морфологии славянского глагола рассматриваются в описательно-аналитическом плане на материале современных литературных славянских языков.

§ 2. Каждая глагольная словоформа в славянских языках нормально входит в два перекрещивающихся ряда: а) ряд разноименных словоформ одного глагола, например, *пишу*, *пишешь*, *пишет*, *буду писать* и т. д.— этот ряд, исходя из привычного размещения форм в записанной парадигме, условимся называть «вертикальным» и б) ряд одноименных словоформ разных глаголов, например, *пишу*, *читаю*, *терплю*, *ем* и т. д.— этот ряд назовем «горизонтальным». При сопоставлении в обоих рядах (иногда даже только в одном из них) каждая словоформа членится на две части, или «тмемы» (др.-гр. *τμῆμα* ‘часть’) — формообразовательную основу²

* Доклад к VI Международному съезду славистов в Праге.

¹ Ссылки на работы, упоминаемые более одного раза, даются в следующем порядке: фамилия автора, затем, если нужно, сокращенно год выхода работы («64» вместо «1964») и после косой черты (или в скобках, если вся ссылка не заключена в скобки) страница или страницы. Полные библиографические данные приведены в списке в конце статьи.

² Термин «формообразовательная основа» (чеш. «tvarectvorný kmen»), или «формообразующая основа» встречается у М. Докулила (M. Dokulil. *Tvoření slov v češtině*, I. Praha, 1962, s. 58), а специально его обосновывает В. И. Кодухов (В. И. Кодухов. О формообразующей основе.— Уч. зап. Ленинградского пед. ин-та им. Герцена, т. 248, 1963, стр. 41—49). Хотя соответствующее понятие фактически широко (правда, не всегда достаточно строго) используется в практике лингвистического анализа, термин пока распространен мало. Показательно, что его нет, например, в «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой (М., 1966).

и форматив³. В данной статье рассматриваются только синтетические формы и соответственно формообразовательные основы и формативы только синтетических форм.

§ 3. В результате дальнейших сопоставлений с формами, частично подобными по звучанию и значению, как в составе формообразовательной основы, так и в составе форматива могут быть выделены их «конечные составляющие» — морфемы. В каждой тмеме может содержаться несколько морфем или только одна морфема. По характеру своего экспонента эти морфемы могут быть положительными или нулевыми, причем в составе форматива может вовсе не быть положительных морфем (нулевой форматив, например, в русских формах *режь*, *сох*), а в состав основы должна входить минимум одна положительная сегментная морфема — корень⁴.

Нас будут интересовать здесь только грамматические морфемы, морфемы, связанные со словоизменением глаголов в рамках традиционной парадигмы (т. е. без учета видеообразования) и с морфологической классификацией глаголов (разделением на конъюгационные классы и подклассы). Морфемы эти выступают передатиками или участвуют (вместе с соседними морфемами) в передаче понятийно-грамматической и чисто служебной, формальной информации. Так, окончание *-m'* в укр. *лежить* указывает на 3 л. ед. ч. и (вместе с предшествующим *-u-*) на непрошедшее время и изъявительное наклонение (понятийно-грамматическая информация), а попутно (также вместе с предшествующим *-u-*) на то, что данный глагол принадлежит к определенному парадигматическому классу, так называемому «второму спряжению», так как в «первом спряжении» (в его невозвратных формах) в соответствующей строке парадигмы выступает другое окончание — нуль: *пише* (служебная, или «формально-классифицирующая», или «парадигматическая» информация). Есть в славянском глаголе и такие элементы, функция которых полностью или почти полностью исчерпывается передачей формально-классифицирующей информации.

§ 4. Понятия формообразовательной основы и форматива строго соотносительны и, вместе с тем, подвижны, текучи. В составе многих глагольных словоформ есть элементы, которые могут быть отнесены либо к основе, либо к формативу, в зависимости от избранной точки зрения. Пока не уточнен морфемный статус этих элементов, мы будем называть их не морфемами, а «промежуточными элементами» (ПрЭ) и будем обозначать их не вполне морфологическими терминами — «характерные гласные» и «характерные согласные» парадигматических классов и разрядов (ХГ и ХС). Например, в рус. *дуешь* мы имеем ХС-*j*- и ХГ-*-э-*. Все ПрЭ а) различаются в одноименных формах или группах форм в зависимости от класса или разряда, к которому принадлежит глагол (ср. русские инфинитивы на *-ать*, *-ить*, *-еть*, *-нуть*, *-ить* и без ХГ перед показателем инфинитива), и, вместе с тем, б) нередко различаются в разных группах форм одного и того же глагола (*рвать*, но *рвешь*, *рвут*, а также и *рвите*). По свойству «а» ПрЭ должны быть отнесены к основам как своего рода классификаторы основ⁵, по свойству «б» — скорее к формативам как показатели определенных грамматических категорий. Некоторые авторы (например, Трубец-

³ Формативы синтетических форм нередко просто называют «окончаниями» (в случае явной неодноморфемности форматива говорят о «сложных окончаниях») Р. Якобсон (155) и Л. В. Исаченко (187) используют в этом значении термин *desinence* (в английском тексте), Ч. Бидвэл (64/533) говорит об *inflectional elements*.

⁴ В редчайших случаях этой единственной положительной морфемой является не корень, а (берущий на себя функцию корня) префикс, например, в сербских диалектных формах *dоše* (вм. *dodoš*), *ne roh* (вм. *ne rodoh*, см. Маретич/285), в болгарской архаической форме и infinitива (с нулевым формативом) *oo* (от *oоida*) и т. д.

⁵ Ср. у А. В. Исаченко (186) понятие *verbal classifier*.

кой/14—15, Токарски/150, Конески/153, Халле 113—114) выделяют поэтому в составе тех или иных глагольных словоформ совершенно отдельный, третий компонент, не принадлежащий ни основе, ни формативу. Нам представляется все же более целесообразным исходить во всех случаях из двухчастной структуры, но оперировать некоторыми разными понятиями формообразовательной основы и форматива.

§ 5. На базе учета всех словоформ одного глагола в рамках традиционной парадигмы, т. е. в пределах одного вида⁶, так или иначе выделяется их «единая основа», точнее — их общая формообразовательная основа (ОФО), единая для всех этих форм⁷. На базе учета какого-то меньшего количества словоформ вертикального ряда, объединенных в семантическом или же в чисто формальном отношении, может быть выделена та или иная парциальная (частичная) основа (ПО), например, в болгарских формах *ходех*, *ходеше*, *ходехме*, *ходехте*, *ходеха*, *ходел*, *ходела*, *ходело*, *ходели* — основа имперфекта *хбде-*. Для славянского спряжения издавна используется и действительно чрезвычайно существенно понятие «двух основ» или, как мы назовем их, двух главных парциальных основ (ГПО). Одну из них обычно имеют «презентной», «основой настоящего времени» и т. п., а мы условимся называть «первой» (I ГПО), другую же обозначают разными терминами применительно к разным славянским языкам (иногда и применительно к одному языку), а мы будем называть «второй» (II ГПО).

§ 6. Соответственно различиям при выделении основ по-разному могут быть выделены и формативы. Так, в рус. *пиши*, *пишите* можно выделить императивную ПО *пиши-* и «минимальные», одноморфемные формативы — нуль в единственном числе и *-т'з* (орфогр. *-те*) во множественном, но можно стать на другую точку зрения и считать, что формы императива образованы непосредственно от I ГПО *пиши-* с помощью двухморфемных формативов *-и* + нуль и *-и* + *т'з*. То минимальные, то максимальные формативы выделяются в личных формах презенса, например для чешского языка:

	минимальные формативы ⁸	максимальные формативы ⁹
1 л. ед. ч.	<i>-и</i> , <i>-и</i> или <i>-т</i>	<i>-и</i> или <i>-и</i> <i>-т'з</i> <i>-т'з</i>
2 л.	<i>-s</i>	<i>-eš</i> <i>-iš</i> <i>-áš</i>
3 л.	отсутствие окончания	<i>-e</i> <i>-i</i> <i>-á</i>
1 л. мн. ч.	<i>-те</i> или <i>-т</i>	<i>-em (e)</i> <i>-ime</i> <i>-áme</i>
2 л.	<i>-te</i>	<i>-ete</i> <i>-ite</i> <i>-áte</i>
3 л.	<i>-ou</i> или <i>-i</i>	<i>-oi</i> или <i>-i-i</i> или <i>-ejí</i> <i>-ají</i> <i>-i</i> (<i>éjí</i>)

Некоторые авторы выделяют формативы еще большей протяженности (так сказать, «сверхмаксимальные»), включающие и ХС, стоящий перед ХГ. Так, Т. Маретич (248) членит на основу и форматив сербско-хорватские формы *ću-jět*, *ću-jěš* и т. д., а Э. Паулини (16) выделяет в словацких формах *kirijet*, *stožim* трехморфемные формативы *-j-e-t* и *-j-i-t*.

§ 7. При отождествлении основ и формативов соответственно в вертикальных и горизонтальных рядах, как и при отождествлении составляю-

⁶ По традиционным представлениям парадигма одного глагола всегда (кроме, пожалуй, случаев «двувидности» типа рус. *ранить*) охватывает формы только одного вида. Словоформы, относящиеся к разным видам (например, *подпишу* и *подпишываю*), считаются, как известно, формами двух разных глаголов, и вопрос о выделении формообразовательной основы, общей таким разновидовым формам, вообще не возникает.

⁷ Единая ОФО не может быть выделена только в случаях внутривидовой супплетивности, вроде *иду* — *шел*. Разумеется, термин ОФО применим не только в сфере глагола. Так, у русского существительного *поваренок* в качестве ОФО выделяется отрезок *повар'-*, противостоящий основе ед. ч. *поварен(о)к-* (где *-о-* в скобках обозначает «о беглое») и основе мн. ч. *поварят-*.

⁸ См. Фр. Травиничек. Грамма чешского литературного языка, ч. 1. Перевод А. Г. Широковой. М., 1950, стр. 383—384.

⁹ См. В. Навránek, A. Jelíčka. Česká mluvnice. Praha, 1951, с. 123.

щих их морфем, возникает проблема границ варьирования всех этих единиц. Вопрос о пороге семантического варьирования (т. е. о границах между полисемией и омонимией) мы оставляем в данном случае в стороне. Экспонентное варьирование целесообразно принимать в той мере, в какой наличествует не только тождество функций («омосемия») и отношения дополнительной дистрибуции, но и определенная связь в плане выражения, обычно проявляющаяся, по крайней мере — в отношении грамматических морфем, в закономерных чередованиях фонем, в частности — и в чередованиях с нулем. Если в плане выражения никакой связи между экспонентами нет, целесообразнее — при тождестве функций — говорить не о вариантах одной единицы, одного инварианта, т. е. не об алломорфах или алловариантах основ и формативов, а о разных, хотя и синонимичных, единицах¹⁰.

Приведем пример. Окончание *-у* в рус. *иду* и *-м* в *ем*, несмотря на их полную «омосемию», — разные, только синонимичные морфемы (и формативы), так как в других морфемах русского языка не встречается регулярное фонемное чередование *у ~ м*¹¹. Окончания же *-и* и *-i* в чеш. *neshu*, *kryji* — алломорфемы одного окончания, так как в языке представлено чередование *и ~ i* (ср. в других морфемах: дат. ед. *městu* — *mcři*, вин. ед. *ženu* — *práci* и т. д.).

Аналогичным образом и среди ПО одного глагола следует различать «варианты основ» и «автономные основы». Варианты выводятся применением понятия чередований из других основ как их закономерные фонологически или морфонологически обусловленные видоизменения. Так, в рус. *клал*, *класс* мы имеем, по отсечении формативов, *-л* и *-л'* соответственно, — варианты основы, в которых выступают регулярные исторические чередования *ə ~ нуль* перед *л* и *ə ~ c'* перед *л'*. Вариант основы, отличаясь по своему фонемному составу от других вариантов и от «исходного вида» (исходного варианта) той же основы (в нашем примере *клад-*), не отличается от них по своему морфемному составу (в нашем примере все варианты состоят из одного корня). Напротив, автономные относительно друг друга основы являются фонологически или морфонологически несводимыми: они невыводимы одна из другой с помощью понятия чередования и, очевидно, отличаются от других автономных основ, в том числе и от своих непосредственных производящих, именно морфемным составом. Так, в болгарском языке ПО имперфекта, например, *ходе-* является автономной: фонологически или морфонологически она невыводима ни из какой другой основы, а морфологически производна от I ГПО и отличается от нее тем, что имеет в своем составе специфический суффикс имперфекта, выступающий здесь в виде *-e-*.

§ 8. Синтетические формы славянского спряжения целесообразно сгруппировать так, как показано в табл. 1. В левом столбце приводятся общепринятые (в значительной мере традиционные) названия отдельных форм и групп форм, а правее — объединяющие условные обозначения для более широких групп форм в порядке все большего обобщения слева направо.

¹⁰ Понятие синонимии морфем как явления, отличного от экспонентного варьирования морфемы, соответствует традициям русского и вообще европейского языкоznания. Как известно, в американской дескриптивной лингвистике эти понятия, напротив, обычно не разграничиваются. Во всех случаях, когда наличествуют функциональное тождество (порой даже неабсолютное!) и отношения дополнительной дистрибуции, дескриптивисты склонны говорить об «алломорфах одной морфемы». Так, Ч. Бидвелл (64/535) трактует как алломорфы морфемы 2 л. ед. ч. сербско-хорватские окончания *-s* (в презенсе), *нуль* (в императиве и аорристе) и *-e* (в имперфекте).

¹¹ Связь между, скажем, *дуть* и *надменный* для современного языка вряд ли актуальна. Впрочем, ситуация не является существенно иной и в языках, сохранивших формы вроде укр. *дму* (при инф. *дти*): все равно такие формы находятся в положении одиночных, нерегулярных образований.

Таблица 1

Группировка синтетических форм славянского спряжения

Презенс 2,3 л. ед.; 1, 2 л. мн.; дв. ч. центральные*	} маргинальные*	} личнопрезентные	} формы первой группы
1 л. ед. ч.			
3 л. мн. ч.		зентные	
Активное презентное причастие и деспрличастие		формы	
Пассивное презентное причастие		нелично-презентные формы	
Императив		непрезентные формы I гр.	
Аорист	} формы аористной (или второй-А) группы	} формы второй группы	} формы второй группы
l-причастие аориста и восходящие к нему формы			
v/š-причастие и деепричастие			
Инфинитив	} формы инфинитивной (или второй-Б) группы	} формы второй группы	} формы второй группы
Сулии			
Имперфект	} формы имперфектной группы	} формы имперфектной группы	} формы имперфектной группы
Причастие имперфекта			
n/l-причастие	} формы n/l-группы	} формы n/l-группы	} формы n/l-группы
«процессное» существительное			

* Термины «центральные» и «маргинальные» формы основаны на чисто внешней ассоциации: при обычном расположении образцов спряжения в грамматических справочниках «маргинальные» формы начинают и заканчивают собой парадигму презенса, а «центральные» находятся «внутри» ее.

Маргинальные личнопрезентные формы, вполне аналогичные по структуре и по вокализму (по своему ХГ) центральным (аналогически уподобившиеся им), мы будем называть «унифицированными по вертикали». Таковы формы 1 л. ед. ч. в ряде западнославянских и южнославянских языков, например, словацк. *nesiem, robím, volám* (ср. 2 л. *nesieš, robíš, voláš*), польск. *czytam, umiem* (ср. *czytasz, umiesz*), болг. *викам* (ср. *викаш*), а в некоторых языках и формы 3 л. мн. ч., например, словенск. *nesejo, gorijo, delajo* (ср. 1 л. мн. ч. *nesemo, gorimo, delamo*), болг. *викат*. Унифицированным формам противостоят неунифицированные, например, 1 л. ед. и 3 л. мн. ч. в восточнославянских языках, ср. рус. *несу, несут, горю, горят* (при *несьешь, горишь*). Можно говорить также о маргинальных формах, «унифицированных по горизонтали», т. е. получивших одинаковое оформление в нескольких параллельных типах спряжения, например, 1 л. ед. ч. в македонском: *предам, носам, викам* (ср. 2 л. *предеш, носиш, викаш*).

§ 9. Парадигматические классы глаголов, выделяемые в славянских языках на основании различий в образовании в первую очередь презентных форм, условимся называть конъюгационными классами (спряжениями), а те, которые выделяются с учетом образования форм второй группы, — разрядами. В табл. 2 указаны общие названия главных конъюгационных классов, принятые в дальнейшем изложении.

Термины «общеславянские» и «необщеславянские» спряжения должны пониматься вне диахронических ассоциаций (т. е. не в смысле «праславянские» и «непраславянские»), а исключительно в синхронно-сопоставительном плане (т. е. в смысле «общие всем современным славянским языкам» и «общие не всем современным славянским языкам»). Термин «стяженное спряжение», хотя он окрашен диахронически (как и термин «унифицированные» формы в § 8), кажется удобным и вполне «безопасным»: не думаю, чтоб он в какой-то мере помешал рассмотрению вопросов в чисто синхроническом плане.

Таблица 2
Главные конъюгационные классы славянских языков*

1. Рус. <i>несу, тяну, читаю</i> чеш. <i>něsu, kryjí</i> серб.-хорв. <i>trésem</i> и т. д.	{	общеславянское I, или <i>e</i> -спряжение	{	общеславян- ские спря- жения
2. Белор. <i>хаджу, віджу</i> чеш. <i>trpím, prosím</i> словенск. <i>ridim</i> и т. д.				
3. Словацк. <i>го'ám... го'lajú</i> н.-луж. <i>žélat... žélaſi</i> болг. <i>викам</i> и т. д.	{	стяженное <i>a</i> -спряжение	{	стяженные (необщесла- вианские) спряжения
4. Польск. <i>umiem... umiejsz</i> чеш. <i>umítm... uměji</i> серб.-хорв. <i>umět</i> и т. д.				

* Кроме главных конъюгационных классов, существуют еще другие, в частности, разного рода смешанные и промежуточные группы (рус. хочешь — хотим, в.-луж. *sypam* — *sypjeſ* и т. п.) и пентагрифрованные остатки общеславянского атематического спряжения (рус. *em*, *dam*, макед. *sum*, *ci* и т. д.).

§ 10. Большинство спорных проблем, возникающих при изучении морфологической структуры славянского глагола, так или иначе связано с кратко охарактеризованными выше (§ 4) промежуточными элементами — ХГ и ХС. От различий в трактовке ПрЭ зависят в конечном счете и различия в трактовке парциальных основ и различия в принципах выделения и реальном содержании понятия «единой основы», общей для всех форм одного глагола (в традиционных рамках одного вида). Поэтому именно на рассмотрении ПрЭ мы и сосредоточим сейчас наше внимание.

§ 11. Условимся различать следующие типы ПрЭ.

А. В общеславянских спряжениях:

1. ХГ центральных (и унифицированных по вертикали маргинальных) форм презенса, или тематические гласные (ТГ) например, рус. *-o-* (орфогр. *-ё-*) в *идёшь*, *-u-* в *носишь*, *едим*; ТГ представлены и в некоторых неличных формах, например, *носимый*; ТГ отсутствуют в атематических формах (*ем*, *еши*, *ест*).

2. ХГ прочих презентных форм, или «эквиваленты тематических гласных» (ЭТГ) — в неунифицированных по вертикали презентных формах, личных и неличных, например, рус. *-у-* в *идут*, *идущий*, *-a-* в *слушат*, *слушающий*, *-o-* (без предшествующей мягкости согласного) в *несомый*; нулевой ЭТГ можно выделять в формах вроде *иду*, *ношу*, *ида*, *слуша*.

3. ХГ форм второй группы, или «ХГ разрядов» (ХГР), например, рус. *-a-* в *рвал*, *рвать*, *-u-* в *носил*, *носить*, *-y-* в *гнул*, *гнуть*, серб.-хорв. *-o-* в *rèkoh*, *-e-* в *rèče*, нулевой ХГР в *rèkla*; ХГР обычно представлены и в формах *n/t*-группы (ср. рус. *порваный*, *согнутый*)¹².

4. ХС *-j-* и *-n-* (рус. *и ~ н'*), представленные не во всех группах форм традиционной парадигмы¹³, например в рус. *знаешь*, *знают*, *знаю* (но *знал*, *знать*); *станешь*, *станут*, *стану* (но *стал*, *стать*); *сохнешь*, *сохнут*, *сохну* и *сохнуть* (но *сох*, *сохла*, *сохший*).

¹² В некоторых разрядах в формах *n/t*-группы представлен не ХГР, а ТГ (рус. *пройденный*, *украденный*; болг. *бръснене*, *бъсне* — при *бръснат* с ХГР *-a-* и *бит*, *пън* вообще без ХГ) или особый ХГ (в рус. *прикрепленный*, *выношенный*), который можно рассматривать как ЭТГ или как эквивалент ХГР (поскольку и в качестве ТГ и в качестве ХГР у соответствующих глаголов выступает другой гласный — *-u-*).

¹³ Иногда наравне с этими ХС рассматривают также *-v-*, *-d-* (в *живу*, *буду*) и т. п., но в синхронии современного языка, пожалуй, правильнее включать такие согласные в состав корня в качестве элемента, чередующегося с нулем.

Б. В стяженных спряжениях:

5. ХГ стяженных спряжений (ХГСт), например, *-ā-* в чеш. *dělám*, *-a-* в *dělají*, *dělal*, *dělati*, *-e-* в *dělej*; *-e-* в польск. *umiem*, *umieć*, *-a-* в *umiać*; *-a-* в болг. *викам*, *викай*, *виках* и т. д.

6. XC *-j-*, следующий за ХГСт в формах, не подвергшихся стяжению, например, словацк. *volajú*, *volaj*, *volajís*.

§ 12. Условимся далее, что не подлежат включению в число ПрЭ (хотя иногда их трактуют наравне с ПрЭ) следующие элементы глагольных словоформ:

1. Любые элементы (кроме ХГСт), проходящие вовсе без изменений или же с изменениями, укладывающимися в рамки регулярных чередований, через все формы традиционной парадигмы, например, рус.- *a-* в *мечтаешь*, *мечтают*, *мечтать*; *-n- ~ -n'* - в *махнешь* — *махнут*, *махнуть*; словенск. *-i- ~ -ov-* в *darujem* — *darovati* и т. п. Такого рода элементы не имеют отношения к парадигматике глагола, а являются чисто словообразовательными суффиксами (ср. приведенные примеры), либо суффиксами имперфектива (словенск. *kirovati* рядом с *kiripiti* сов. в.), либо, наконец, частью корня (например, *-a-* в рус. *знать*).

2. Гласные, характеризующие формы императива, например, рус. *-i-* в *rvi*, *носи*, и сегменты, занимающие позицию ХГ в имперфектной группе форм общеславянского спряжения, например, *-e-* в макед. *носев*, *-ija-* в серб.-хорв. *pleti jah*. Эти элементы являются носителями довольно четкой семантической функции; во всяком случае, функция показателя категории решительно превалирует в них над функцией классификатора основ, что для ПрЭ, по-видимому, не является типичным.

3. Гласные, занимающие позицию ХГ в составе форм, последовательно унифицированных по горизонтали, например, *-a-* в макед. *предам*, *посам*, *викам*; очевидно, такого рода гласные лишены классифицирующей функции и стали частью морфемы — окончания.

§ 13. Приступая к определению морфемного статуса ПрЭ, мы прежде всего должны рассмотреть вопрос об их функциях.

Явно имея в виду ПрЭ, А. В. Исаченко (183) писал: «Нелегко, а часто и вовсе невозможно найти объективные критерии выделения морфем, так как многим отрезкам, вычлененным по формальным основаниям, нельзя приписать какое-то определенное „значение“». Я. Горецкий (44) именно потому, что промежуточным элементам «невозможно приписать какую-либо сему», вообще отказывает им в статусе морфемы. Он относит ХГ к «тематическим морфам», а XC *-j-* в словацк. *pracujem*, *vracajú*, *kirij*, *volaj* к «интерфигированным морфам» (*interfigované morfy* — Горецкий/68), причем «морфа» понимается как «часть словоформы, остающаяся по выделении всех морфем, но не соотнесенная с какими-либо элементами значения» (там же/183), т. е. как «empty morph» в терминологии многих дескриптивистов. Н. С. Трубецкой (14) не исключал ХГ, например, *-o-* в *несёшь*, *-a-* в *спать* (там же/19), из числа морфем, но видел в них морфемы особого рода — «*Verbindungsformen*», морфологическая функция которых «состоит только в соединении основы и окончания». Таким же образом и в концепции Э. Паулини (15—16) всякий ПрЭ, кроме ХГСт, рассматривается как «*sprovacia morfema*».

С другой стороны, в литературе были высказаны мнения о наличии у тех или иных ПрЭ вполне определенных семантических, понятийно-грамматических функций, функций показателей некоторых категорий. Так, Р. Якобсон (158) считал, что в русском спряжении ТГ и ЭТГ являются показателями времени, а в формах 3 л. также и показателями числа, поскольку собственно окончание *-t* совпадает здесь для обоих чисел (ср. *пьёт* : *пьют*, *хранит* : *хранят*). «Суффиксами времени» считает ТГ польского язы-

ка Фр. Гладнэй (57). Ф. Пап (62 / 137) в русских глаголах типа *читаю* называет *-j-* «суффиксом настоящего времени», а для глаголов других типов говорит соответственно о нулевом суффиксе. Несколько иначе подходит к вопросу Ч. Бидвэл. Он отмечает семантические контрасты между ХГ отдельных спряжений, в частности, «контрасты по виду» между *-a-* и другими ХГ в польск. *wypiąć : wypięć, rzucić : rzucić, powiadać : powiedzieć* (Бидвэл 60:86), между *ā* и другими ХГ в серб.-хорв. *ārijāt : ārijēt, bācāt : bācēt* (64:536); контрасты «повторительности/неповторительности» в польск. *nosić : niesć* и переходности/непереходности в серб.-хорв. *bēliti : bēleti* (соответственно там же).

Представляется, что по отношению к ПрЭ, выступающим только в презентных формах (личных и неличных), в какой-то мере справедливо говорить о понятийно-грамматической функции: эти ПрЭ, именно ТГ и ЭТГ, очевидно, причастны к выражению «семемы презентности» (в самом абстрактном и широком смысле, охватывающем также то значение одновременности другому событию, которое свойственно презентным причастиям и деепричастиям, и то значение «непропущенного», которое реализуется в будущем времени совершенного вида). Вместе с тем не менее очевидно, что ТГ и ЭТГ выражают «семему презентности» отнюдь не монопольно, а, по крайней мере, совместно с последующими минимальными формативами, поскольку эти формативы не повторяются в непрезентных формах и тем самым тоже оказываются специфически презентными (ср. например, в русском языке минимальные формативы 2 л. ед. ч. *-i*, 3 л. ед. ч. *-t*, форматив активного причастия *-uč-*). Можно сказать, что во всех подобных случаях не ПрЭ и не минимальный форматив в отдельности, а только максимальный форматив как целое является показателем «презентности», и это-то обстоятельство служит **одним** из важных аргументов в пользу выделения здесь максимальных (членимых на морфемы) формативов. С другой стороны, бросается в глаза слабость семантического «заполнения» у противостояния ТГ : ЭТГ (или центральные : маргинальные формы). Функцию различения чисел, отмеченную Р. Якобсоном в формах 3 л., можно приписать этому противостоянию лишь в русском и в меньшей мере в других восточнославянских языках (только во II спряжении и в возвратных формах I спряжения)¹⁴.

Что касается *-j-*, то, как известно, сфера его использования отличается от сферы использования ТГ и ЭТГ: у всех глаголов, имеющих *-j-* в презенсе, он регулярно представлен и в формах императива; вместе с тем у очень многих глаголов *-j-* вообще отсутствует и в презенсе. Поэтому считать его «суффиксом настоящего времени» не кажется правильным. Скорее перед нами элемент, характеризующий I ГПО определенной группы глаголов.

Семантические контрасты, отмеченные Ч. Бидвэлом, не имеют характера всеобщности: отнюдь не во всех случаях ХГСт польск. *-a-*, серб.-хорв. *-ā-* и т. д. являются показателями несовершенного вида (хотя все основы, содержащие суффикс имперфективации, действительно спрягаются по стяженному *a*-спряжению); отнюдь не все глаголы, имеющие ТГ и ХГР *-i-*, являются глаголами ненаправленного движения, как и не все глаголы ненаправленного движения имеют ТГ и ХГР *-i-* (ср. *latać, bie-*

¹⁴ Впрочем, можно себе представить такое описание спряжения ряда славянских языков (например, чешского, словацкого, сербско-хорватского), в котором для 3 л. обоих чисел будет выделяться минимальное окончание пуль, а гласный, выступающий в 3 л. мн. ч., будет трактоваться как ЭТГ. Наиболее веским аргументом в пользу подобной трактовки было бы активное причастие (деепричастие) презента, всегда изоморфное в соответствующих языках в отношении своего ХГ (= ЭТГ) форме 3 л. мн. ч. (как это наблюдается и в русском). В этом случае тезис Р. Якобсона о различении чисел в 3 л. с помощью ХГ распространился бы и на названные языки.

gać, ganić и др.) и т. д. Да Ч. Бидвэл (60/86) и сам признает, что между некоторыми парадигматическими классами глаголов не обнаружено, даже в части случаев, никаких семантических контрастов. В более обобщенной форме можно сказать, что горизонтальные противопоставления в славянском спряжении, противопоставления парадигматических классов и разрядов, как правило, лишены семантического «наполнения». Тем самым ПрЭ выступают как классификаторы глагольной лексики, но классификаторы не семантические, а чисто формальные, как носители парадигматической информации, индикаторы парадигматического класса и подкласса.

Вместе с тем вряд ли стоит приписывать ПрЭ функцию соединительного элемента. О соединительной функции можно говорить в тех случаях, когда *-j-* (или вообще ХС) стоит между основой без ПрЭ, оканчивающейся на гласный, и минимальным формативом, начинающимся с гласного, например, в таких случаях, как *знаю, грею, чеш. kryjū, kryjū* и т. д., или когда ХГ занимает аналогичную позицию между согласными (ср. примеры Н. Трубецкого: *несешь* и *стать*). Но рядом с такими примерами достаточно широко представлены и другие, в которых имеем комбинацию нескольких ПрЭ, гласных и согласных (например, ХС + ХГ в *знаешь, греешь, знают, греют*; или ХГ + ХС в чеш. *dělaji*; или ХГ + ХС + ХГ в серб.-хорв. *ćinajūći*), т. е. с точки зрения соединительной функции наблюдается неоправданная избыточность ПрЭ. Наконец, в ряде случаев ПрЭ попадает в конечную позицию, в положение перед нулевым формативом (например, ТГ в 3 л. ед. ч. в ряде славянских языков, *-j-* в ед. ч. императива), а иногда ХС оказывается в соседстве согласного (*сохну, читайте*)¹⁵.

Итак, наиболее общей функцией, присущей в той или иной мере всем ПрЭ, является функция формального классификатора, носителя парадигматической информации. Наряду с этим, некоторые ПрЭ, в частности ТГ и ЭТГ, участвуют в выражении грамматических категорий; ХГР, обслуживающая семантически очень неоднородную II группу форм, лишены подобной функции так же, как и ХГСт, проходящие (в неизменном виде или с тем или иным фонемным чередованием) через все формы традиционной парадигмы. В определенных морфемных контекстах промежуточным элементам может быть приписана соединительная функция, которая, однако, лишь в редких случаях выступает на передний план.

§ 14. При установлении морфемного статуса ПрЭ существенными являются вопросы их синтагматической делимитации. В литературе нередко встречается объединение в один морфемный сегмент а) тех или иных ПрЭ, соседящих друг с другом, и б) тех или иных ПрЭ — с другими соседними (предшествующими или последующими) элементами в составе словоформы. Приведем примеры.

а) В качестве единого суффикса нередко рассматривают сочетание *-j- +* ТГ, скажем, в словенск. *cijetē* (Баец/180); Бидвэл (60/78 и 64/533) в своих таблицах также включает *-j-* в состав тематического гласного.

¹⁵ В формах императива *-j-* можно во всех случаях рассматривать как показатель наклонения, лишь омонимичный ХС *-j-*. Для такого рассмотрения имеются достаточные основания: 1) *-j-* состоит в отношениях четкой, фонетически обусловленной дополнительной дистрибуции и одновременно в отношениях чередования с гласным — показателем императива (рус. *-u-*, болг. *-u-* в ед. ч.: *-e-* во мн. ч. и т. д.), так что гласный и согласный показатели оказываются алломорфемами одной морфемы; 2) в языках, имеющих стяженное спряжение, *-j-* — несомненный показатель императива, так как здесь *-j-* представлен в императиве и у тех глаголов, которые совсем не знают такого ХС в личных формах презенса или же сохраняют его только в одной личной форме — 3 л. мн. ч. Однако исключение форм императива, содержащих *-j-*, из наших рассуждений ничуть не подрывает тезиса о невозможности свести все функции ПрЭ к одной соединительной функции.

б) В качестве единого суффикса рассматривают также *-ne-* в словенск. *sunet*, *-ni-* в словенск. *suniti* (Баец/180, 183). А многие объединяют ТГ, ЭТГ и даже ХГСт с последующим элементом, т. е. собственно окончанием презентной формы, в одну якобы неделимую единицу, в одну морфему (такой подход является, можно сказать, традиционным в грамматиках ряда славянских языков). В более редких случаях в один морфемный сегмент сливают ХГР с показателем *l*-овой формы, ХГР с показателем инфинитива (Пап 62/137).

Все эти и подобные примеры сегментации на морфемы вызывают возражения. Сфера распространения одного из двух объединяемых элементов не совпадает ни по вертикали, ни по горизонтали со сферой распространения другого. Следовательно, естественно считать, что между этими элементами пролегает морфемный шов. Другой альтернативой могло бы быть только признание фонемных чередований (например, *e~i* в словенск. *sunet* — *suniti*), в частности, чередований с нулем (например, в русском языке — чередование *y~n*оль в суффиксе глаголов типа *толкнуть*, при условии невключчения в ту же морфему ТГ и ЭТГ). Но к вопросу о чередованиях мы еще вернемся ниже. Пока же целесообразно подчеркнуть принцип максимальной дробности морфемного членения, логически вытекающий из самого определения морфемы как мельчайшей, далее неделимой билатеральной единицы языка¹⁶.

§ 15. Парадигматической делимитации ПрЭ, т. е. сведению всего многообразия фонологически различных ПрЭ в какое-то меньшее число морфологических единиц — инвариантов, должно предшествовать установление вертикальных (также и горизонтальных) рядов фонологически различных ПрЭ. Вертикальный ряд ПрЭ соответствует отдельной парадигме (мельчайшему парадигматическому подклассу), горизонтальный ряд — одной «типоформе», т. е. ряду одноименных форм всех (в принципе) глаголов данного языка.

Опыт систематического выделения вертикальных рядов ПрЭ был проделан для словацкого языка Я. Горецким (44—46), для польского и сербско-хорватского Ч. Бидвэлом (60 81—88; 64 536—537). Я. Горецки рассматривает каждый вертикальный ряд как одну «морфу» (члены ряда он именует «субморфами»). Естественно, что у него в рамках одной морфологической единицы часто оказывается ТГ и ХГР, заведомо не связанные фонемными чередованиями, например, *-e-* и *-a-* в парадигме *češem* — *česať*, *-i-* и *-a-* в парадигме *držim* — *držať* и т. д. С такой практикой мы не можем согласиться¹⁷. Ч. Бидвэл объединяет в одну «тематическую морфему» (thematic vowel morpheme) только такие ХГ вертикального ряда, которые он считает связанными чередованием; конкретно (в работе о польском глаголе) — только 1) *-e-* и *-a-* в парадигме *śmieć*, во II группе форм парадигмы *widzieć* и т. д.; 2) *-e-, -o-* и нуль в парадигме *niesć*, в I группе форм парадигмы *pisać*, в части I группы форм и в *n/t*-формах парадигмы *bronić* и т. д.¹⁸ В остальных случаях Ч. Бидвэл говорит о «ком-

¹⁶ Именно такого, очень дробного морфемного членения придерживался и создатель самого понятия «морфема» — И. А. Бодуэн де Куртенэ. Ср. пример в его курсе «Введение в языкокведение» (5-е изд., Пгр., 1917, стр. 51); *š-t-ó ná-p'is-ə-n-á p'er-óš, t-avó p'ě uý-rub'-ə-s t'ərag-óm*.

¹⁷ Впрочем, нужно учесть, что Я. Горецки вообще придерживается необычного употребления терминов, связанных с морфемной структурой: «морфемами» он именует вертикальные ряды морфем в тех или иных рамках, например, в парадигме *nesiem* шестичленный ряд личных окончаний презенса (*-m, -s, нуль, -te, -le, -í*), а то, что обычно называют морфемой, у него называется «субморфемой» (Горецки/41).

¹⁸ «Алломорф» *-e-* Ч. Бидвэл выделяет не только в *nieslesz* и т. д., но и в *niosę, bronię* — [nós-e-ŵ] и т. д., где одно *ŵ*, т. е. назализованное неслоговое *u*, является окончанием; «алломорф» *-o-* — не только в *niesiony, broniony*, но и в *niosq, niosac, pisza, broniq* — [nós-o-ŵ], [nós-o-ns-θ] и т. д.

бинации тематических морфем» в одной парадигме (например, о комбинации морфемы *-i-* и морфемы *e-o-ø* в парадигме *bronič*), о том, что в ряде типов (например, *pisać*, *widzieć* и др.) «презентная и инфинитивная основы обнаруживают несходные тематические морфемы» (Бидвэл 60/87).

Подход Ч. Бидвэла представляется нам в принципе более правильным. Бессспорно, *-e-* в *śmiet*, *śmieć* и *-a-* в *śmiał* связаны между собой чередованием (ср. в других морфемах после мягкого согласного: *biały* — *bielić*, *las* — *w lesie* и т. д.), следовательно, эти ХГ являются алловариантами одной морфологической единицы. Но ХГ *-i-* в *bronič* и ХГ *-o-* в *broniony* или *-e-* в *pisziesz* и *-a-* в *pisać* не состоят в отношениях фонемного чередования и должны, следовательно (несмотря на наличие между ними своего рода дополнительной дистрибуции), рассматриваться как разные морфологические единицы. Вообще можно сказать, что в общеславянских спряжениях чередования между ХГ одного вертикального ряда встречаются лишь в небольшом числе случаев; чаще фонологически различные ХГ (ТГ, ЭТГ и ХГР) являются и морфологически различными, т. е. разными морфемами. Каждая парадигма характеризуется целым набором («гарнитуром» — см. Токарски/ 154) таких морфем. Иное дело — стяженное спряжение. Его основная черта — полная унификация или существенное сближение отдельных ПО и прежде всего двух ГПО. При полной унификации получается вполне единый ХГ для всей парадигмы, например, ХГСт *-a-* в болгарском или в польском (так сказать, «одноместный» или «тавтологический» ряд). При неполной унификации имеем вертикальный ряд, состоящий из нескольких (двух — трех) ХГ, фонемно различных, но связанных бесспорными регулярными чередованиями фонем. Таким образом, на морфемном уровне мы в любой парадигме стяженного спряжения имеем дело с единой для всей данной парадигмы классифицирующей морфемой — показателем спряжения.

Несколько слов нужно сказать о случаях, когда в общеславянских спряжениях ТГ (или ЭТГ) фонемно совпадают с ХГР. Подобные совпадения особенно заметны в глаголах типа *носить* (ср. рус. *носишь* и *носил*). Нам представляется, что вся система отношений в общеславянском спряжении говорит в пользу трактовки таких совпадающих ХГ как разных морфем, морфем-омонимов¹⁹.

Сходные проблемы встают и при рассмотрении горизонтальных рядов. Например, в русском языке ХГР *-э-* в *видеть*, *гореть* и ХГР *-а-* в *слышать* состоят в чередовании (ср. в другой морфеме: *сильнейший* — *крепчайший*) и потому должны считаться алломорфемами одной морфемы, тогда как, скажем, *-э-* в *гореть* и *-и-* в *носить* — несомненно разные морфемы.

§ 16. Дифференцированный подход к разным типам ПрЭ оправдывает себя и при решении вопроса о принадлежности ПрЭ основе или формативу.

В стяженных спряжениях ХГ несомненно принадлежит основе, конкретнее — «единой основе», т. е. ОФО, и должен квалифицироваться как суффикс — видовой (например, в болг. *изпитам* от сов. *изплета*, *изплетеш*) или словообразовательный (глаголообразующий — например, в болг. *викам* при *вик*, словацк. *rozumiel'* при *rozumit* и т. д.). ХС *-j-* там, где он сохранился только в императиве и деепричастии, как в болгарском и маке-

¹⁹ Конечно, факт омонимии ТГ и ХГР в типе *носить* (или — подобие чередования между ними в случае различий долготы) ведет к тому, что в некоторых славянских языках *i*-спряжение оказывается в большей мере, чем *e*-спряжение, восприимчивым к унифицирующему влиянию со стороны стяженного спряжения. Ср. в чешском *proším* (и *trpím*) — как *dělám*, *utmí* (однако в *e*-спряжении *nesu*, *kryjí*); в нижнелужицком в *i*-спряжении имеем в 1 л. ед. ч. презенса только *rđosym*, *palim* и т. д. — как *żětam*, а в *e*-спряжении — параллельные формы *ńasu* и *ńasom*, *ńuknu* и *ńuknót* и т. д.

донском, естественно, включается в состав форматива (либо, если угодно, в состав специальной ПО этих форм). В тех языках, где *-j-* представлен несколько шире, в частности и в З. л. мн. ч., некоторые авторы склонны выделять для соответствующих форм особые ПО, оканчивающиеся на *-j-* (например, для словацкого — Пециар 54/262). Думается, однако, что и в этом случае правильнее включать *-j-* в состав формативов. Кстати, такая трактовка блестяще подтверждается фактом аналогического распространения этого *-j-* по горизонтали: в словенском для всех конъюгационных типов нормальными являются сейчас, как известно, формы З. л. мн. ч. на *-jo*: не только *delajo*, но и *nesejo*, *gorijo* (наряду с уже архаическими *nésó*, *goré*), даже *kiриjejo* (с двумя йотами!) и т. д. Развитие в том же направлении наблюдается в верхнелужицком: *njeseja*, *shuknjeja* рядом с более старыми *njesu*, *shukni*, а также в чешско-моравских говорах.

В общеславянских спряжениях напрашивается включение всех ХГР и ХС в состав соответствующих ГПО (для типа рус. *сохнуть* и т. п. вместо II ГПО приходится оперировать II-А и II-Б основой). В отношении же ХГ в I группе вопрос остается наиболее спорным. Чем полнее вертикальная унификация форм презенса, тем естественнее включать ТГ в состав презентной основы (например, в словенском); наоборот, при слабости или полном отсутствии вертикальной унификации (в восточнославянских языках, в общеславянских спряжениях болгарского) кажется вполне приемлемым включение ТГ и ЭТГ в состав двухморфемного форматива. Функционально-семантические моменты, отмеченные в § 13, и отсутствие во многих случаях однозначных соответствий между ХГ первой группы и ХГР являются добавочными аргументами в пользу отнесения ХГ первой группы к формативам.

Неодинаковая трактовка ХГ в общеславянских и в стяженных спряжениях проводится уже у Т. Маретича. Ср. членение на основу и форматив в его парадигмах: *tđn-ět*, *tđn-ěš* и т. д., *nđs-ít*, *nđs-íš* и т. д., но *čívā-t*, *čívā-š* ... *číva-ju* (Маретич/255, 262, 267). В наше время такой же подход был предложен для болгарского (Маслов 56/197, 205), польского (Гладней/57), македонского (Усикова/68). Неодинаковая трактовка ТГ и ХГР широко распространена в традиционных грамматиках славянских языков и во многих новейших работах (например, у Якобсона, Исаченко, Халле и др.).

§ 17. Одним из важнейших спорных вопросов славянского спряжения является вопрос об «единой основе» (в рамках традиционной парадигмы).

В старых описаниях применительно к материалу большинства славянских языков вопрос об «единой основе» вообще не ставился, и авторы таких описаний оперировали только парциальными основами. В наши дни против выделения единой основы выступил Шт. Пециар (53/281). Он считает понятие «единой основы» фикцией и рассматривает одни только ПО, прежде всего I и II ГПО, как «реально существующие» образования, как параллельные исторически сложившиеся «разновидности глагольной основы», которые объединены общим значением и общими грамматическими категориями и, так сказать, равноправно представляют данный глагол.

Наряду с этим имеется несколько положительных решений вопроса об «единой основе». Одно из них может считаться, по-видимому, традиционным в грамматике словенского языка, различающей (даже для школьного употребления) понятия «osnova» (равное нашему ПО) и «podstava» — «часть глагола, которая является общей всем формам этого глагола» (Баец/182). Но на деле в ряде конъюгационных типов «podstava» не включает всех элементов, общих для всех форм данного глагола. Так, она не включает ХГСт *-a-*, суффиксов *-n-* и *-u-~ov-* (*-ev-*), хотя в словенском языке каждый из этих элементов наличествует во всех без исключе-

чения формах глаголов соответствующего разряда. Фактически «*podstava*» сводится либо к производящей основе данного глагола (*del-* от существительного *deло* как «*podstava*» глагола *delati*), либо к его производящей основе, осложненной фонемным изменением (*plač-* вместо *plat-* от *platiti* как «*podstava*» для *plačevati*). Можно сказать, что понятие «*podstava*» унаследовано от той поры, когда словообразование и формообразование не разграничивались еще достаточно четко. К рассмотренному понятию словенских грамматиков близко понятие «базы» (base) у Ч. Бидвэла, которое, в частности, тоже не включает ХГСт и даже префиксов (Бидвэл 60/140 и др.).

Несколько дальше в этом ряду стоит «општ глаголски дел» Бл. Конесского (153). У глаголов общеславянских спряжений македонского языка «општ глаголски дел» действительно охватывает всю их общую, повторяющуюся во всех формах традиционной парадигмы часть, ничего не упуская и не прибавляя. Однако у глаголов стяженного спряжения «општ глаголски дел» не включает ХГСт, несмотря на наличие этого гласного во всех формах (кроме, по-видимому, 1 л. ед. ч. презенса, где *-a-* принадлежит окончанию, см. выше § 12, 3, а ХГСт *-a-*, в порядке чередования, заменен нулем). При условии включения ХГСт в «општ глаголски дел» это понятие полностью совпало бы с нашим понятием видовой основы, сокращенно ВО (Маслов 63/10 — 11, ср. список ВО на стр. 170 и сл.)²⁰.

Применительно к материалу русского языка почти тождественными оказываются наше понятие ВО и понятие «усеченной основы» (УО), выдвинутое Ф. Папом. Расхождение, по существу, наблюдается только в одном пункте: в глаголах типа *рисовать* Пап (63/101) выделяет в качестве УО отрезок *ris-*, тогда как с нашей точки зрения правильнее было бы включить в единую формообразовательную основу и суффикс, отметив для него «заданные изменения», т. е. чередования (в орфографической записи) *ов ~ у* и (для *танцевать* и т. п.) *ев ~ у* (ср. Маслов 63/11 о глаголе *телеграфирую*).

Иными путями идут при решении вопроса о «единой основе» Р. Якобсон, Х. Лант и некоторые их последователи. Если в рассмотренных выше концепциях «единая основа» получается отсечением элементов, не повторяющихся во всех формах традиционной парадигмы (причем иногда, в частности при недостаточном учете чередований, отсекается и лишнее), то у Р. Якобсона, Х. Ланта и некоторых других исследователей в ранг «единой основы» фактически возводится одна из ПО (иногда даже не ГПО), а другие ПО получаются из нее с помощью расширительно толкуемого понятия чередований или даже с помощью формулируемых *ad hoc* трансформационных правил.

Концепция Х. Ланта сформулирована для македонского языка. В ранг «единой основы» в общеславянских спряжениях возводится I ГПО с включением в нее ТГ, например, *падне-*, *носи-*(Лант/73). ТГ квалифицируется как «*primary stem-vowel*». Все ХГР, а также гласные, характеризующие формы имперфекта, деепричастия и другие, поскольку они фонетически совпадают с ТГ, трактуются тоже как «*primary stem-vowels*» (например, в *паднев*, *венејќи*, *венење*, и в *износив* и т. д.), а поскольку они фонетически отличаются от ТГ, — как «*secondary stem-vowels*», состоящие с примарным гласным в отношениях чередования (Лант/68 и 73—76), например, *e~a* (*падне* — *падна*), *u~e* (*брои* — *броешь*) и т. п. (там же/15). В формах вроде *чув*, *чу* имеем «*zero stem-vowel*». ХС *-j-* (объ-

²⁰ Термин «видовая основа» указывает на функцию: именно ВО является носителем видового значения совершенности/несовершенности.

зательный в македонском, правда, лишь в ограниченном числе форм и парадигм) рассматривается как элемент, автоматически вставляемый по определенным правилам (его морфологический статус не определяется). В стяженном спряжении ХГ трактуется как примарный гласный основы, не подвергающийся чередованиям. В целом описание, данное Х. Лантом, несомненно экономно, компактно и, вероятно, удобно при практическом изучении языка²¹. Однако теоретически неприемлемыми представляются чрезвычайно свободное обращение с понятием чередования, сплошное превращение автономных образований, явно имеющих свои специфические суффиксы, в якобы фонетические варианты исходной основы.

Теоретически значительно интереснее и перспективнее известная концепция Р. Якобсона, сформулированная для русского языка. В отличие от Ланта, Якобсон включает ТГ и ЭТГ в состав двухморфемных формативов презентных форм. Благодаря этому I ГПО у него всегда оканчивается на согласный и у громадного большинства глаголов а) противостоит II ГПО, оканчивающейся гласным, а также б) не равна II ГПО по количеству фонем (оказывается или длиннее на одну фонему, например, у глагола *читај-у* — *чита-ть*, или короче на одну фонему, например, у *пиши-у* — *писа-ть*). В ранг «единой основы», в терминологии Якобсона — «полной» (*«full-stem»*), возводится та ГПО, которая является более длинной (например, I ГПО *читај-* и II ГПО *писа-*), а в некоторых случаях даже вообще не ГПО, а какая-то иная, еще более длинная ПО (например, у глагола *давать* — основа *давай-*, выступающая в императиве; см. Якобсон/160). Более короткие ПО именуются «усеченными» (*truncated stems*) и выводятся из «полной» усечением последней фонемы по определенным морфонологическим правилам (*truncation*), а в некоторых случаях — усечением двух последних фонем (*deeper truncation*). Для *deeper truncation* приходится формулировать специальные правила *ad hoc*, иногда даже (для форм типа *сох*) опирающиеся на семантику, но обыкновенное усечение в основном (кроме форм императива) хорошо укладывается в рамки небольшого числа общих и очень четких механических правил чередования гласного с нулем — перед морфемой, начинающейся гласным, и согласного с нулем — перед морфемой, начинающейся согласным (см. Якобсон/159). Тем самым Р. Якобсону в основном удалось доказать, что во многих конъюгационных разрядах русского языка соотношение I и II ГПО «в сущности представляет собой фонетический параллелизм» (Шенкер/225), или что I и II ГПО являются в этих разрядах вариантами в том смысле, о каком идет речь в § 7. Р. Якобсон не рассматривает вопроса о морфемном статусе и функции ПрЭ, включаемых в состав «полной основы» (ХГР и ХС *-j-*; о *-ну-* в *сохнуть* и под. говорится как о суффиксе, там же, стр. 160). Очевидно, в соответствующих случаях их нужно признать суффиксами, характеризующими не только данную ГПО, а вообще данный глагол (в традиционных рамках одного вида), т. е. не суффиксами ГПО, а (чередующимися с нулем) суффиксами ОФО. Из важных групп глаголов русского языка, собственно, только одна — глаголы типа *рисовать* — не допускает такой интерпретации, так как в ней обе ГПО характеризуются противопоставленными положительными суффиксами *-j-* и *-a-*, никак не связанными фонемным чередованием.

После появления статьи Р. Якобсона некоторые лингвисты применили его подход, с теми или иными модификациями, к материалу других славянских языков, в частности языков, имеющих стяженное спряжение.

²¹ Впрочем, как правильно отмечает Р. П. Усикова (54), в классификации Ланта «слишком много глаголов попадает в число исключений» (например, все глаголы типа *задржи-задржає*; см. Лант/74).

При этом исходной основой у глаголов стяженных спряжений обычно считали основу, оканчивающуюся на *j* (см., например, Гладнэй 56—57, ван Кампен/280, 281, 289 и др., Исаченко/187, Шенкер/225—229). Представляется, что этот *j* правильнее относить к формативу (см. выше § 16) и в синхроническом описании считать исходной основу на гласный (ср. вам Кампен/288), либо неизменный (в болгарском, в польском *a*-спряжении и т. д.), либо подвергающийся определенным фонемным чередованиям (в чешском, словацком, сербско-хорватском, в польском *b*-спряжении). Дифференцированная трактовка общеславянских и стяженных спряжений и в данном пункте кажется нам вполне оправданной.

В общем проблема «единой основы» (ОФО) должна найти и, несомненно, найдет свое положительное решение. Мы думаем, что оно будет найдено на путях синтеза концепции ВО и концепции «полной» и «усеченной» основы. Но выработка такого решения — дело будущей работы. Пока же мы стремились лишь выяснить его предпосылки и некоторые общие принципы.

СПИСОК УПОМИНАЕМЫХ РАБОТ²²

- Баец — A. Bajec, R. Kolarič, M. Rupel. Slovenska slovničica. Ljubljana, 1956.
- Бидвелл 60 — Ch. E. Bidwell. The Polish Verb.— «General Linguistics», v. IV, № 3, 1960.
- Бидвелл 64 — Ch. E. Bidwell. The Serbo-Croatian Verb.— «Language», v. 40, № 4, 1964.
- Гладнэй — F. Y. Gladney. Próba ekonomicznego opisu morfologii czasowników w języku polskim.— «Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego», t. XXII, 1963.
- Горецки — J. Horecký. Morfematická štruktúra slovenčiny. Bratislava, 1964.
- Исаченко — A. V. Isačenko. The Morphology of the Slovak Verb.— «Travaux linguistiques de Prague», 1, 1964.
- Ван Кампен — Дж. ван Кампен. Българското спрежение като проблема на формална и логична езикова икономия.— В кн.: Славянска филология, т. III. София, 1963.
- Конески — Бл. Конески. Граматика на македонскиот литературен јазик, дел II. Скопје, 1954.
- Лант — H. G. Lunt. A Grammar of the Macedonian Literary Language. Skopje, 1952.
- Маретич — T. Maretić. Gramatika i stilistika hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika. Zagreb, 1899.
- Маслов 56 — Ю. С. Маслов. Очерк болгарской грамматики. М., 1956.
- Маслов 63 — Ю. С. Маслов. Морфология глагольного вида в современном болгарском литературном языке. М.—Л., 1963.
- Пап 62 — Ф. Пап. Морфологическая система глагольных основ в современном русском литературном языке.— «Slavica», II, Debrecen, 1962.
- Пап 63 — Ф. Пап. Классификация русских глаголов.— «Русский язык в школе», 1963, № 4.
- Паулини — E. Pauliny. Slovenské časovanie. Bratislava, 1949.
- Пециар 53 — Št. Peciar. Problematika morfológického členenia slovesných tvarov v slovenských jazykoch.— «Slavia», roč. 22, 1953, seš. 2—3.
- Пециар 54 — Št. Peciar. O morfológickom členení slovesných tvarov.— «Jazykovedný časopis», roč. 8, č. 4, 1954.
- Токарский — J. Tokarski. Fleksja polska, jej opis w świetle możliwości mechanizacji w urządzeniu przekładowym. IV. Koniugacja.— «Poradnik Językowy», 1962, z. 4.
- Трубецкой — N. Trubetzkoy. Das morphonologische System der russischen Sprache.— «Travaux du Cercle linguistique de Prague», V, 2, 1934.
- Трубецкой — N. Trubetzkoy. Das morphologische System der russischen Sprache. «Travaux du Cercle linguistique de Prague», V, 2, 1934.
- Усикова — Р. П. Усикова. Морфология имени существительного и глагола в современном македонском литературном языке. Скопје, 1967.
- Халле — М. Халле. О правилах русского спряжения. American Contributions to the V International Congress of Slavists. The Hague, 1963.
- Шенкер — A. M. Schenker. Kilka uwag o koniugacji w języku polskim.— «Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego», t. XXIV, 1966.
- Якобсон — R. Jakobson. Russian Conjugation.— «Word», v. 4, 1948, № 3.

²² Настоящий список отнюдь не является полной библиографией вопроса.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЭПОХИ ПОЛЬСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ И ПРОБЛЕМА ХУДОЖЕСТВЕННОГО МЕТОДА

Польская просветительская литература, оказавшая значительное влияние на русскую, украинскую, белорусскую и западнославянскую литературы, изучена еще сравнительно мало. Это связано в какой-то мере с уничтожением польской государственности (1795) и иностранным гнетом, препятствующим развитию национальной науки и культуры; влиянием католицизма с его нетерпимостью к гуманистическим и реформаторским тенденциям литературы эпохи Ренессанса и Просвещения, а также, в определенной степени, остро протекавшей борьбой литературных школ. Романтики, обрушившись на философию Просвещения и огульно отвергая чуждый, по их мнению, национальному духу классицизм, введенный в польскую литературу просветителями, подвергли резкой критике прежде всего его эстетические принципы. В это время сравнительно редко можно встретить относительно объективные суждения, да и те прежде всего касаются заслуг писателей Просвещения лишь в области формирования литературного языка и стиля (Мидкевич, Мохнацкий, Гощинский).

Интерес к литературе национального Просвещения появляется во второй половине XIX в., когда после поражения шляхетского восстания 1863 г. ведущей политической силой в стране впервые становится буржуазия. Новый класс, формируя свою идеологию, свою концепцию национальной культуры, обращается и к прошлому, воскрешая его исторически прогрессивные тенденции, похороненные шляхетско-католической идеологией. Литературоведческие работы этого периода особенно ценные, так как в них публикуются неизвестные материалы и освещаются интересные факты.

В польском литературоведении нашего времени, вплоть до второй мировой войны, преобладали две тенденции: компаративистское исследование отдельных тенденций, явлений, произведений и фактография. После войны наметилась тенденция к обобщенному синтетическому исследованию эпохи на основе марксистской методологии, появились комментированные издания крупных писателей XVIII в., установлено подлинное авторство многих известных произведений¹. Однако до сих пор еще не создан обобщающий труд по истории литературы этого периода. Достаточно сказать, что до сих пор идут споры относительно периодизации национальной просветительской литературы. Остается еще много белых пятен в изучении теории и эстетики.

¹ В исследовании просветительской проблематики особые заслуги принадлежат «вроцлавской школе», созданной в послевоенные годы проф. Т. Микульским.

Польские просветители 60—70-х годов обращаются к поэтике классицизма, противопоставляя ее литературе барокко, которая в Польше конца XVI — первой половины XVIII в. была связана с контрреформацией и феодальной идеологией.

Классицизм, уже утвердившийся на Западе, проникает в Польшу эпохи Просвещения одновременно с новыми эстетическими тенденциями. Характерно, что в творчестве первого поколения писателей польского Просвещения (60—80-е годы), единых в своих идеологических воззрениях, выступают различные литературные веяния. Классицизм ни у кого не проявляется в «чистом» виде, несмотря на общее к нему тяготение. Так, первый классицистический поэт А. Нарушевич наряду с классицистическими одами и сатирами создает сентиментальные идиллии и эrotические миниатюры в стиле рококо. И на всех этих тенденциях лежит характерный отпечаток барокко (язык, образность, стиль).

И. Красицкий — наиболее классицистически «чистый» поэт. Но и в его поэтических посланиях проступают веяния сентиментализма (эмоциональная окрашенность повествования, обусловленная лирическим, а не исключительно рационалистическим, интеллектуальным типом рассказчика). Это характерно и для некоторых глав его романов — жанр, который вообще не фигурировал в классицистических кодексах. И показательно, что именно с этим, непризнанным классицистической поэтикой жанром связано, по-видимому, рождение просветительского реализма в литературе польского Просвещения — как и с басней, также отсутствующей в кодексе Буало. Но реалистические басни С. Трембецкого соседствуют у него с классицистическими одами, сатирами, описательными поэмами — с одной стороны, и лирикой в стиле рококо — с другой.

С конца 70-х годов в Польше начинает распространяться сентиментализм, который уже в 80-е годы становится ведущим литературным направлением.

В творчестве первых польских сентименталистов (Ф. Карпиньский, Ф. Княжнин) этот метод лишь в отдельных жанрах (идиллии, эrotические миниатюры, комические поэмы) соседствуют с рококо.

Рококо было обусловлено и инспирировано литературным меценатством: писатели первого поколения (Нарушевич, Красицкий, Трембецкий, Богомолец) были связаны с королевским двором, а ведущие сентименталисты (Карпиньский и Княжнин) — с двором А. К. Чарторыйского в Пулавах. Стиль рококо был присущ аристократическому этикету, моде, вкусам, что не могло не отразиться и на литературных произведениях, нередко создаваемых по заказу или по случаю определенных событий в придворной жизни (крупнейшие представители этого направления — Юзеф Шимановский, Игнацы и Станислав Потоцкие, Альберт Миэр).

Одновременно, в 80-е годы, в период расцвета национального театра, получает распространение просветительский реализм — прежде всего в жанрах мещанской комедии и драмы (влияние Дидро, Лессинга, Бомарше, Мерсье).

Свободное и равноправное сосуществование различных эстетических тенденций, объединенных просветительским мировоззрением, нарушается с гибеллю польского государства, что повлекло и закат национального Просвещения. Отказ от просветительских идей и соглашательство определенной части высших сфер с поработителями сопровождалось доктринерством и догматическим насаждением искусственных ограничений в области эстетики, где все строго подчинялось классицистическим канонам в их «чистом» виде (т. е. в соответствии с теорией Горация и Буало). Эти круги (так называемый «Варшавский Парнас») называли своими предшественниками Нарушевича, Красицкого и Трембецкого, ссылаясь

на их авторитет. А так как для этих просветительских писателей были тесны рамки «чистых» классицистических канонов, то их произведения, язык, стиль при переизданиях подвергались своего рода пурификации, которая имела и идеологический характер: устранилось все, что не соответствовало идеям и морали новой политической обстановки.

Таким образом просветительское стремление к свободному эстетическому развитию, выразившееся в сближении и сосуществовании классицизма, сентиментализма, рококо и просветительского реализма, было уничтожено путем декларирования мертвых эстетических схем.

Литературные эпигоны, названные впоследствии «псевдоклассиками», отказавшись от просветительских идей во имя мертвой эстетической догмы², дискредитировали в глазах современников и потомков национальную литературу второй половины XVIII в., чем, в частности, объясняется резкая реакция романтиков на просветительскую литературу, из которой они, не отдавая себе в этом отчета, вышли. Понимал это в какой-то степени Мицкевич, что отразилось в его комментариях к поэме Требецкого «Зофьювка» и в цикле парижских лекций о славянских литературах.

В старом польском литературоведении национальная литература эпохи Просвещения называлась классицистической³. Неправомерность подобного определения в свете вышеизложенного очевидна. В послевоенном польском литературоведении распространялось определение «Литература эпохи Просвещения» — термин более объемный, но лишенный эстетической определенности. И не случайно некоторые исследователи, определяя художественный метод литературы второй половины XVIII в. как «просветительский реализм», отождествляют тематику, проблемы, жизненные детали и подробности, взятые из реальной действительности, с художественным принципом их воссоздания. В этом случае исчезает специ-

² Знаменательно, что в эти годы носителем прогрессивных идей стало сентименталистское направление, представленное творчеством литературной молодежи, развивающей традиции своих предшественников-просветителей. Однако при гнетущем авторитете «Варшавского Парнаса» это направление оставалось в тени.

³ Подобная трактовка выступает в работах Я. Сынядецкого, М. Мохнацкого, Л. Огинского, А. Мицкевича (20—30-е годы XIX в.), А. Бэлчиковского, П. Хмелевского, С. Тарновского (вторая половина XIX в.), И. Хшановского, Р. Пилята, Т. Грабовского, С. Добжицкого, Ю. Клижановского, В. Борового и др. (XX в.).

В конце XIX — первой четверти XX в. вместе с развитием неоромантических тенденций в польской литературе среди исследователей обостряется интерес к эстетике национального Просвещения (в отличие от преимущественно идеино-философских интерпретаций позитивистского периода), причем если Хшановский (не без влияния эстетики Вёльфлина) подчеркивал самобытность классицистической литературы XVIII в., то Хмелевский, Грабовский и Войчеховский делали упор на те явления, которые выходили за рамки классицистической поэтики. Именно здесь видели они источник нового, предвещающего рождение подлинно национального искусства, воплощением которого был по их убеждению романтизм. Расширяя и углубляя проблематику литературы национального Просвещения, эти ученые в то же время отдавали дань (может быть, не сознавая этого) односторонней концепции тех, кто видел в просветительской литературе лишь «чистый» классицизм. И Хшановский, и Грабовский, и Войчеховский за исходный пункт своих исследований приняли «классицистичность» национальной литературы второй половины XVIII в.; искали и находили элементы деструкции этой «классицистичности», деструкции, таящей в себе зародыши нового. Нередко удачно и тонко подмечая рождение новой литературной эпохи, эти исследователи не видели, что целостный образ польской литературы Просвещения не укладывается в рамки классицизма (и сентиментализма), а сам классицизм этой эпохи зачастую уже не был тождествен ни кодексам, ни художественной практике эпохи расцвета этого течения в Западной Европе минувшего столетия. Таким образом, вскрывая рождение нового, исследователи не видели сущности подлинных его истоков (специфика классицизма второй половины XVIII в. в Польше, сентиментализм, рококо и просветительский реализм). Именно поэтому, открыв в национальной просветительской литературе истоки национального романтизма, они не заметили другой глубокой и более длительной эволюции — эволюции просветительского реализма в критическом реализме XIX в.

фики просветительской литературы, растворяется само понятие реализма как метода, низведенное до «реализма» в обыденном, не литературно-эстетическом аспекте. Характерно, что эти исследователи, обходя или упрощая проблему литературных направлений, игнорируют (сознательно или бессознательно — это уже иной вопрос) саму специфику литературно-теоретических взглядов и трактатов просветительского периода⁴.

Для польской просветительской литературы наиболее характерным, популярным и авторитетным был кодекс «Искусство поэзии» (1788) Ф. К. Дмоховского, основанный на «Поэтическом искусстве» (1674) Буало. Здесь излагаются основные принципы классицистической поэтики и в то же время фигурируют положения, отсутствующие в трактате Буало, свидетельствующие об эволюции теории классицизма.

В этот классицистический кодекс проникли драматургические воззрения Дицро, в нем сформулировано характерное для тенденциозной, ангажированной просветительской литературы требование использовать для сюжетного построения не только античную тематику, но и актуальные события, насущные проблемы, вводить современный типаж. И весьма знаменательно для эпохи рационализма, интеллектуальных дерзаний и реформ — утверждение, что для гения не существует теоретических правил, он сам их творит.

Это не первое покушение на мертвенные каноны — уже в 40-е годы В. Жевуский критиковал литературные шаблоны. Выход за рамки классицистических взглядов ознаменовался интересом к драматургии Шекспира в статьях «Монитора» (1765—1766), у Дмоховского в указанном трактате и в труде Красицкого «O grymówstwie i grymówcach». Полемика с классицистическими правилами появляется также в драматургической декларации А. К. Чарторыйского⁵, в публицистике П. Свитковского и ряде других выступлений⁶. С другой стороны, отход от общих классицистических принципов усиливается с распространением в польской литературе сентименталистских тенденций⁷.

В 80—90-е годы отец польского театра, режиссер, актер, драматург, педагог и теоретик В. Богуславский впервые на польской сцене ставит шекспировского «Гамлета», адаптирует наряду с Мольером и Бомарше — Мерье и Дицро. Знаменательно, что Богуславский переводит и ставит произведения, где уже не соблюдалось классицистическое правило трех единств («Эмилия Галотти» Лессинга, «Отшельник», «Повторенная свадьба» и др. Коцебу, «Школа злословия» Шердана и др.). Эта тенденция проявляется и в некоторых веяниях самого Богуславского: «Генрих VI на охоте», «Краковяне и горцы», «Изкахар».

⁴ J. Kott. O nową syntezę polskiego Oświecenia. — «Pamiętnik Literacki», r. XLI, 1950, z. 3—4. Его же. Trwałe wartości literatury polskiego Oświecenia. PIW, 1951. Wstęp; S. Trembecki. Pisma wszystkie, t. 1, Warszawa, 1953; J. Keleera. Poezja Jakuba Jasińskiego. Wrocław, 1952; S. Ziółkowski. Rozwój badań literatury polskiej w latach 1944—1954. «Pamiętnik literacki», r. XLV, 1954, z. 4.

После 1956 г. проявляется тенденция к конкретно-историческому, свободному от априорных схем и заранее выработанных идеологических концепций исследованию художественной специфики литературы польского Просвещения. В этом отношении особого внимания заслуживают работы С. Петрашки — прежде всего «Литературная доктрина польского классицизма» (1966), где автор вскрывает специфику польской классицистической теории, а сам классицизм рассматривает как одну из тенденций в литературе польского Просвещения.

⁵ См. вступление к: «Panina na wydaniu», Warszawa, 1777.

⁶ См. «Magazyn Warszawski», R. 1, cz. 2, Warszawa, 1784; «Pamiętnik Historyczno-Polityczny», 1786, t. 1—II; «Zabawy Obywatelskie», 1792, № 1.

⁷ См. M. Mniszech. O geniuszu, 1779; F. Karpiński. O wymowie w prozie albo wierszu, 1782.

Знаменательно, что даже в учебнике Ф. Голяньского были пересмотрены некоторые принципы классицистической поэтики. F. Golański. O wymowie i poezji, 1786.

Характерно, что эти эстетические новшества связаны с насыщением классицистических жанров взятым из жизни национальным материалом, актуальной проблематикой и типажом современной действительности. Однако эстетические нововведения (в отличие от проблемно-тематических) не имели кардинального характера, были спорадичны и касались лишь некоторых аспектов классицистической поэтики, не отвергая ее в целом.

Поэтика классицизма в поэзии и драматургии не была вытеснена ни сентиментализмом, ни рококо, ни просветительским реализмом. Она не существовала и как явление герметичное, что ознаменовалось взаимопроникновением отдельных элементов разных литературных методов. В этом плане лишь сентиментализм, как явление синхронное по отношению к западноевропейской литературе, выступает в относительно «чистом» виде, лишь в отдельных жанрах (лирика, драматическая пастораль, идиллия) соприкасаясь с рококо. Отмирающий же на Западе классицизм приходит в Польшу одновременно с расцветом в западноевропейской литературе новых направлений (сентиментализм, рококо, просветительский реализм). Это, наряду с актуальной общественно-политической и бытовой проблематикой, обусловленной требованиями времени и борьбой за просветительские преобразования, наложило характерный отпечаток на польскую классицистическую литературу. Знаменательно, что ведущими в эти годы были не «высокие», согласно классицистической иерархии, жанры — трагедия, эпическая поэма (обычно с античным сюжетом, отображающим современные идеи), а «низкие» — комедия, героикомическая поэма, сатира, басня, насыщенные обыденной, реально-бытовой и этической тематикой, несущей актуальные социально-политические идеи. Поэтому о польском классицизме, по-видимому, следует говорить осторожно. Может быть, в свете вышеизложенного более применимым будет определение «просветительский классицизм» (или — классицизм эпохи Просвещения), что отображает и хронологию и идейно-эстетические особенности этого метода.

Таким образом, польская литература эпохи Просвещения знает разные художественные методы. Объединенные просветительским мировоззрением, общностью тем и проблематики, различные литературные направления отображали действительность с одинаковых идейных, но с разных эстетических позиций.

Со существование разных направлений не могло не сказаться на их своеобразии и особенностях, обуславливающих национальную эстетическую специфику польской просветительской литературы. Однако исследование подобного рода взаимодействий и взаимосвязей в границах общего мировоззрения — по-видимому, дело будущего.

Вышеизложенные факты приводят к мысли об исследовании метода и взаимосвязей методов — по жанрам.

Каждый жанр был связан с определенной поэтикой, и ведущие писатели, выступая одновременно в разных жанрах, творили соответственно в границах разных поэтов. Так, например, героикомические поэмы, трагедии, комедии, сатиры, оды и поэтические послания развивались преимущественно в классицистическом русле; идиллии, песни, любовная лирика — в сентиментальном⁸.

Рождение и развитие просветительского реализма связано прежде всего с неклассицистическими жанрами — романом, басней, мещанской комедией и драмой. И если с закатом национального Просвещения вполь-

⁸ Речь идет о ведущих тенденциях; несомненно, литературная действительность обуславливает и ряд явлений, не укладывающихся в общую схему, например классицистические басни Красинского и реалистические басни Трембецкого. Но это лишь исключения, которые подтверждают общую закономерность.

ской литературе на определенный период прерывает развитие реалистической драматургии и басни⁹, то роман, испытывая сильное влияние сентиментализма, продолжает жить (Немцевич, Скарбæk) наряду с романом готическим, сентиментальным, романтическим, чтобы затем в произведениях Ю. И. Крашевского («Волшебный фонарь», ч. I, 1843, ч. II, 1844) войти в сферу реализма XIX в. Здесь, в творчестве этого польского писателя, национальный просветительский реализм в результате более чем полувековой эволюции сомкнулся с реализмом критическим.

Эпоха «интеллиектуального переворота», став источником многих философских, политических и экономических тенденций, дав начало многим направлениям в польской науке XIX—XX вв., была и эпохой рождения нового национального искусства, во многом предопределив его последующую эволюцию. Это искусство продолжает инспирировать определенные процессы нашей современности (неоклассицизма в современной польской и других зарубежных литературах — один из характерных примеров).

«Полнее сознавая прошедшее, мы уясняем современное; глубже опускаясь в смысл былого — раскрываем смысл будущего; глядя назад, — шагаем вперед...»¹⁰. Такое видение минувшего, исследование его под таким углом зрения помогает воссоздать объективную связь настоящего с прошлым, понять истинное соотношение и роль традиций и новаторства вечно живом процессе художественного созидания.

⁹ Одновременно прерывается и процесс равноправного, творческого сосуществования и взаимодействия разных литературных направлений.

¹⁰ А. И. Г е р ц е н. Собр. соч. в тридцати томах. М., 1954, т. 3, стр. 24.

Р. Ф. ДОРОНИНА

ПОЭЗИЯ ДЕСАНКИ МАКСИМОВИЧ

Имя Десанки Максимович известно в Югославии людям разных поколений. Поэт, прозаик, переводчик, автор великолепных книг для детей, Д. Максимович отдала литературе почти полвека своей жизни. Талант художника сочетается в ней с высокой гражданской активностью человека, крепко спаянного с жизнью своего народа. Поэтесса избрана членом Сербской академии наук и искусств. Ее труд неоднократно отмечался литературными премиями Югославии.

У Десанки Максимович — давние симпатии к нашей стране и нашей культуре. По ее собственным признаниям, русской литературе принадлежит важная роль в ее духовном и эстетическом формировании. Максимович — видный популяризатор и переводчик русской и советской поэзии. Книга ее переводов «Пятнадцать советских поэтесс» (1963), в которую вошли стихи Ахматовой, Цветаевой, Алигер, Капутикан, Ахмадулиной, была оценена югославской критикой как «подвиг в области поэтического перевода»¹. Накануне 50-летия Октября Д. Максимович в числе видных переводчиков русской литературы других стран была награждена Советским правительством орденом «Знак почета».

Стихи Д. Максимович привлекают всех, кто ценит в поэзии правдивость, душевность, искреннюю, деятельную любовь к человеку, в ком простота и ясность реалистического стиха будит ощущение подлинной поэзии. В критике, в общем доброжелательной и верной в ряде своих суждений², сложилась несколько облегченная оценка творчества поэтессы. В Д. Максимович до последнего времени склонны были видеть представителя «женской» поэзии, которой не подвластны глубина раздумий и тревог³. Ей не отказывали в высоком мастерстве, и все-таки ее традиционность рождала снисходительное отношение некоторых знатоков и любителей поэзии.

А между тем творчество Д. Максимович — это один из тех примеров в литературе (и, видимо, не только югославской), который позволяет судить о том, какой глубокой, современной, зрелой по мысли и чувству может быть традиционная поэзия, если она «в руках» настоящего художника.

Десанке Максимович в этом году исполнилось семьдесят лет — она родилась в 1898 г. в семье сельского учителя. Ее детство и юность прошли в деревне Бранковина, близ Валева. Онаросла среди природы, песен,

¹ Л. Захаров. Петнаест совјетских песникиња. «Књижевност», 1964, св. III, стр. 217.

² Здесь следует упомянуть прежде всего работы М. Богдановича, Й. Кршича и др.

³ «Мне думается, что сложилось предубеждение в отношении поэзии Десанки Максимович... Предубеждение в том, что это поэзия неглубока и, говоря упрощенно, женски сентиментальна», — пишет акад. Велибор Глигорич (В. Глигорич. Портрети. Београд, 1965, стр. 94).

в атмосфере доброжелательного, сердечного отношения к людям. Но мир рано повернулся к ней своими заботами. Умер отец, и Десанка, как старшая, стала опорой многочисленной семьи, еще в гимназии начала зарабатывать частными уроками. Она сумела кончить Белградский университет и на полученную стипендию уехала для продолжения образования во Францию, в Сорбонну. А вернувшись на родину, стала преподавать родной язык в гимназиях, сначала провинциальных городов, затем Белграда.

Первая книга ее стихов вышла в 1924 г. Мир в его огромности и тревожной новизне стоит в стороне от ранней лирики Д. Максимович, контакты молодой поэтессы с действительностью замкнуты интимно-личной темой. Но эмоциональный строй и поэтическая система первой книги отмечены тягой к жизни. Это, собственно, «основное поэтическое чувство» ее ранних стихов о любви и природе. Оно лежит «на поверхности» — в том ощущении земной красоты, которое оставляют, например, образы природы. Но этому чувству свойственны и более глубинные проявления, в чем полнее сказывается своеобразие Д. Максимович, яркая индивидуальность ее поэтического голоса. Это — столь заметная в ее стихах человечность, безыскусственность чувств, доверчивая устремленность на встречу миру, какая-то особая, интимная близость к природе. «Она подходит к природе не как к чему-то очень сильному, а как к чему-то очень дорогому», — писал Милан Богданович. Сопричастность окружающему — эта драгоценная особенность зрелого дарования Д. Максимович,— может быть, раньше всего проявилась именно здесь, в стихах о природе. Лес, птицы, травы составляют стихию поэтического характера молодой поэтессы. Они входят в ее поэзию как живые существа, как соучастники ее радостей и горестей. Ей близка природа меняющаяся, движущаяся, озаренная светом: ветер, таящий снег, весна, вода, трепещущие листья, птицы — особенно птицы — ее любимые образы. В одухотворенности природы проступает значительная для поэтического развития Д. Максимович народная песенная традиция. Обращение к этому животворному поэтическому источнику — одно из выражений столь характерного для нее стремления к истинности чувств.

Ранняя лирика позволяет заметить в Д. Максимович художника психологического склада, который умеет с удивительной легкостью выразить чувство в его полутонах, в его оттенках.

О, не приближайся. Есть очарованье
в сладостном томленье страха и мечты.
То, чего ты ищешь, лучше в ожиданье,
лучше то, что знаешь из предчувствий ты.

(«Страх». Перевод А. Ахматовой)*

Поэтесса приносит в поэзию интонацию сокровенного, интимного разговора, интонацию, обращенную к сердцу. Она продолжает традицию музыкальности стиха, столь отчетливо выраженную у поэтов начала века. Удивительная ясность ранней лирики Максимович не может, однако, скрыть тех глубинных процессов духовных исканий, которые нарастают со временем в ее поэтическом характере, как бы подчеркивая его связь с современностью. Более сложный этап внутреннего развития поэтессы отражен в книге «Зеленый витязь» (1930). При всей сосредоточенности молодой Максимович на темах любви и природы, ей не удается уйти от

* Здесь и далее стихи цитируются по Д. Максимович. Запах земли. Гослитиздат, 1960.

внепшнего мира — он входит в ее стихи вместе со столь органичной для нее тягой к жизни отголосками неясных тревог.

Утром пришли великаны
в царство цветов и травы,—
каждый тяжел, неловок...
Мертвыми пали нежданно
тысячи пестрых головок.
Стройные стебли мертвые,
Сложены в конны... Увы,—
кончилось царство травы.

(Перевод Н. Стефановича)

Это строки из «Скошенного луга» — одного из самых примечательных стихотворений Д. Максимович 20-х годов. Реквием по погибшим цветам и травам, оно несет и нечто значительно большее: боль по грубо разрушенной гармонии и красоте мира. Недосказанные, туманные, эти тревоги рождают в поэзии Д. Максимович романтическое неприятие действительности, бегство в «мир рос» и одиночества. Образ беглянки с «руками, простертymi в незнаемое», символичен в лирике молодой поэтессы. Схваченная жизнью на взлете («на планинском стромом пути»), она спущена на землю. Все в ней противится этому принуждению. И в то же время она тянется к жизни, к людям:

О, кад бих могла сам једном ја
некуда иза брегова
побећи од себе . . .

У живот бих се загњурила,
Сваком бих руку пружила.
(«Ja p ja»)

О, если бы я могла хоть однажды
куда-нибудь за холмы
убежать от себя . . .

В жизнь бы я окунулась,
Каждому бы руку протянула.
(«Я и я»)

Приход к людям — закономерное развитие поэтического характера в ранней лирике Д. Максимович. «Собственного сердца я ловец», — скажет она в «Рассказе о поэте», определяя назначение своего творчества. Она не считает себя «поверенным в делах человеческих». Задача ее как будто более скромная. Но в том-то и дело, что рассказать о себе — это для нее значит отдать свое сердце людям.

О, без страха свое сердце принесла
я на торг бурлящих площадей!

(Перевод В. Виноградова)

На фоне поэзии изломанного чувства и вычурной формы, каким было творчество молодых поэтов 20-х годов, лирика Д. Максимович подкупала своей безыскусственностью и человечностью. Наследуя поэтическую традицию до 1918 г., она заставляла вновь ощутить обаяние цельной человеческой личности, красоту мира в его извечных ценностях — любви и природе. Но ей в ту пору еще не хватало широты дыхания. В поисках своего стиля Максимович не избежала глубоко чуждой ей по духу книжно-декоративной образности (что особенно ощутимо в стихах в прозе, собранных в книге «Пир на лугу», 1932). В этом выразилось не только своеобразие индивидуальной творческой эволюции — сказался и более общий процесс известного кризиса традиционных поэтических форм в сербской литературе 20-х годов. И когда в дальнейшем, в 30-е годы, расширяются творческие задачи писательницы, углубляется реалистическое начало в ее поэзии, идет освоение новых пространств — в повороте к гражданским, социальным темам, к жизни трудового крестьянства, это тоже оказывается связанным с общественной и литературной атмосферой в стране — с ростом сопротивления прогрессивных слоев сербского общества реакционным силам, с укреплением революционно-пролетарского

лагеря в литературе, с возникновением «социальной литературы». Эволюция Максимович в 30-е годы — убедительный пример развития литературы этих лет в сторону жизненной, социальной правды. Эта эволюция отвечала всему опыту поэтессы — и как бы вытекала из него. Здесь сказались впечатления детских и юношеских лет, проведенных в деревне («Я детство провела среди крестьян, и мне естественно писать о них», — скажет она позднее), дух семьи, в которой она выросла (и мать и отец запечатлены ею в стихах как беззаветные труженики, люди большого и доблестного сердца), демократическая срела трудовой интеллигентии, с которой она была связана и воспитанием, и профессией. Это слилось с такими свойствами характера самой поэтессы, как отзывчивость, готовность и потребность помочь человеку («Я рождена, чтобы жить для другого», — напишет она о себе, и это не будет фразой, в общем контексте ее поэзии это прозвучит естественно, без малейшего призыва саморекламы).

Центральной книгой поэтессы в 30-е годы стали «Новые стихи» (1936). Интимный мир ее лирики расступился под натиском жизни — в ее поэзию вошли люди. Картина мира, ранее такая легкая, поэтичная, прозрачная, как бы оседает под тяжестью земного содержания. Поэтическое зрение Д. Максимович обогащается социальными чертами — она видит то, чего не замечала раньше: бедность, тяжелый труд, попранные человеческие права и надежды («Мои земляки», «Песня о покинутом ребенке», «Городские влюбленные» и др.). Еще недавно один из поэтичнейших образов ее лирики — образ скошенного луга — выражал протест против абстрактных сил зла. И вот теперь схожий образ — срубленный лес в стихотворении «Мои земляки» — становится горестным свидетелем социальной драмы людей, олицетворением тяжелой борьбы крестьян за жизнь. В социальном осмыслении действительности поэтесса использует предельно конкретные формы. Она исходит из фактов ей хорошо известных по собственному опыту или опыту близких — тружеников родного края.

Знаю жизнь всех тропинок, камней, деревьев,
знаю, когда серпы или косы точат,
знаю, чем в доме, отстроенном только что, двери
vasильком или вишней крестьянин украсить хочет.

(Перевод В. Тушновой)

Так рассказывает Максимович о родине («Воспоминание о родине»). Один из самых «обжитых» в сербской поэзии, образ родины создавался поэтами в разную пору по-разному, чаще (что обусловлено всем историческим развитием народа) в традиции возвышенно-трагедийной. Десанке Максимович близка иная традиция — у нее этот образ возникает в знакомых ей до мелочей, милых приметах родного края — его природы, быта и труда деревни. Вот в этом ключе предельной слитности с тем, о чем рассказывают стихи, в сопричастности переживаниям героев звучит у Д. Максимович социальная тема. И, может быть, от того, что о серьезном и важном для своих современников поэтесса говорит как о своем личном, она избегает словесных эффектов. Ее социальные стихи написаны просто и строго.

Сербская поэзия 30-х годов была знакома с более острой постановкой вопросов, с более глубокими социально-историческими обобщениями, но, пожалуй, не знала такой меры тепла и сердечности к людям, какая чувствуется в стихах Максимович. Здесь вспоминается традиция Алексы Шантича. Максимович наследует эту традицию в своем беспредельном сочувствии «... всем, кто угнетен и оскорблена».

В 30-е годы идет важный для духовного формирования Максимович процесс осознания ею своего места в общественной жизни. Всем строем своего мировосприятия и своих чувств она ощущает себя частицей простого народа. У нее с ним духовная связь, общность нравственного идеала, основа которого так ясно выражена в «Пассажире третьего класса». «Люблю я ездить в третьем классе», — начинается это стихотворение. Здесь, среди трудового люда своей страны, в атмосфере демократизма, сердечности,уважительного отношения к человеку, поэтессы чувствует себя своей. Вот почему, когда жизнь ставит перед ней вопрос о подлинных духовных ценностях в современном обществе, она связывает их именно с простым народом, со средой, которой органически чужды фальши, позерство, суетность. Незадолго до войны, словно улавливая потребность времени («века безумия, пороха и огня»), — как скажет она в одном из своих стихотворений), Максимович приходит к более общим размышлениям о национальном характере и истории своего народа. В «Жителе Балкан» поэтессы поднимается на высокую и новую для нее ступень гражданственности, которая позволяет ей уверенно и спокойно вести спор с невидимым оппонентом, утверждать душевную широту, мужество, достоинство как особенность характера своего народа. К истории народа обращается она в «Повстанцах» и выделит в ней как самое примечательное борьбу за свободу, а в своих предках — готовность стоять за свою землю насмерть. В этом стремлении к более широкому осмыслению действительности — еще одно проявление неустанного процесса творческого роста Максимович.

30-е годы чрезвычайно существенны для поэтессы тем, что они рождают в ней отклик на общественные явления жизни, что у нее формируется социальная оценка времени, складываются первые опыты гражданской поэзии. Вместе с тем значительную сторону творческого развития поэтессы этих лет представляет лирика, связанная с ее внутренней душевной жизнью. В сравнении с 20-ми годами восприятие мира Д. Максимович уже осложнено утратами, внутренней борьбой, разочарованиями.

Довольно жизни!
Мне знакома, как село родное,
как напев, похожий на стенанье,
эта жизнь.

(«Усталость». Перевод А. Ахматовой)

Но горечь потерь и поражений не определяет взгляда Максимович на мир. Ее поэтический характер — хрупкий, женственный — обладает редкой жизнестойкостью. Один из источников этой его особенности — умение поэтессы с какой-то детской непосредственностью и самозабвением радоваться жизни. Ее поэзия словно повернута к свету.

Прости, что я снова, как прежде, пишу о ветках.
Нужно совсем о другом — я сама понимаю —
говорить в этот век безумия, пороха и огня.
И все-таки я сегодня буду говорить о ветках,
потому что они своим счастьем заворожили меня.

(«Письмо». Перевод М. Ваксманера)

Тревожные тени неотступно сопутствуют ее восприятию времени — здесь образ времени, может быть, впервые в ее стихах появляется с такой силой обобщения. И как символ неодолимости жизни, ее гармонии встает полный прелести образ родной природы («Весна вьет гнездо», «Праздник осени», «Листья», «Серебряные плясуньи» и др.).

Если все вокруг нас уйдет и пройдет безвозвратно, —
все равно останется в мире песня ветвей.

(«Письмо». Перевод М. Ваксманхера)

Жизнестойкость поэтического характера Д. Максимович проявляется и в ее стихах о любви. Личные утраты не оседают в ее душе усталостью, разочарованием. Ей доступна радость самопожертвования, готовность помочь другому (*«Женщина»*).

Война застала Десанку Максимович в Белграде. Все, о чем думала поэтесса, чем она жила в это трагическое время, отразилось в ее стихах, напечатанных уже после освобождения. То, что опубликовала она в годы войны, предназначалось детям (сборники «Пестрая корзиночка», «Колыбельная паука», 1943). Детям несла поэтесса свою любовь, к ним обращала она родное слово и в этом сказалась не только ее человеческая, но и гражданская забота о поколении будущего своей родины.

Первая послевоенная книга стихов Д. Максимович — «Поэт и отчизна» (1946), включившая в себя и новые и уже известные ранее произведения, раскрыла мир человека, познавшего трагедию войны.

В стихах Д. Максимович о войне возникает образ земли не только порабощенной, но и протестующей, борющейся, в них схвачен дух сопротивления народа. Глубинная духовная связь с тружениками земли помогает поэтессе почувствовать со всей остротой истинно народный характер освободительной борьбы. Передать это в стихах — одно из главных ее стремлений.

Сербия — великая тайна:
не знает день, что ночь кует,
не ведает ночь, что заря рождает,
не знает куст, что снится кусту в стороне,
не ведает птица, что нарастает
в лесной глубине.

(Перевод В. Луговского)

Так начинается «Воспоминание о восстании», одно из тех стихотворений Д. Максимович, о которых М. Богданович сказал, что они словно высечены из камня.

Таинственной, завораживающей атмосферой заговора незримо, негласно спаяны люди, земля, природа. Могучая стихия коллективного отпора врагу таится в каждом шорохе, за каждым поворотом... А когда наступает срок и всыхивает восстание — дети, матери, вдовы преображаются в армию мстителей, земля мгновенно оживает, «ощеривается» спрятанным в ней оружием:

И вихрь восстания дунул орлиный,
Снес этот вихрь кров из соломы —
из-под него показалось дуло;
ель подняла доломан зеленый —
на тропинке оружье блеснуло;
бросил кору дуб толстокорый —
в открытых порах дымится порох;
дуло высунула стремнина
и могила крестьянского сына.

(«Сказка о повстанческом ружье». Перевод В. Виноградова)

Нетрудно заметить, что в поисках формы художественного выражения Максимович прибегает к народной поэтической традиции. Это чувствуется и в свободном сближении образов из разных жизненных пластов (человек — природа — вещи), и в приеме одухотворения природы как союзника человека, и в построении стихотворения на вопросах без ответов, на отри-

цианиях (не знает день, что ночь кует, не ведает ночь, что заря рождает) и т. д. Обращение к народной поэтической традиции для Максимович не ново. Но совершенно новым становится ее использование. Народная поэтическая традиция в стихах об освободительной борьбе помогает осмысливать какие-то особенности времени. Как бы сближая современность и прошлое, она передает исконность духа сопротивления в народе, его свободолюбия. Она помогает ощутить могучую силу протesta земли, размах борьбы за свободу. Обычным как будто образам она сообщает обобщенность, символичность народного величия, высокого героизма.

Лирика о военном времени — еще один пример расширения творческих задач Д. Максимович, ее неустанного поэтического обогащения в соприкосновении с жизнью. Поэтесса стремится полнее рассказать о годах борьбы, передать не только пафос народного протesta, но и запечатлеть время в конкретных исторически достоверных чертах (фактах). Этой тенденцией отмечена «Кровавая сказка», одно из широко известных произведений Д. Максимович — не только в Югославии, но и за рубежом. Стихотворение посвящено школьникам Крагуевца, расстрелянным в 1941 г. фашистами (строки стихотворения выбиты на мемориальном памятнике в городе)⁵. С документальной строгостью рассказано в «Кровавой сказке» о последних минутах жизни школьников — об их нехитрых детских мыслях и желаниях, об их страшной смерти. Расстрелян светлый, беззаботный ребячий мир... Трудно, пожалуй, найти более верную форму, чем этот предельно конкретный поэтический рассказ, для того чтобы дать ощущить — во плоти и крови — всю тяжесть совершенного преступления.

Это случилось в одном государстве [балканском,
в горном, крестьянском].
Горькое там приключилось злосчастье
с группой ребят —
целым классом пали они в однечасье
смертью героев.

(Перевод Б. Слуцкого)

Этим зажином в народно-песенной традиции, которая проходит в дальнейшем как рефрен стихотворения, начинается «Кровавая сказка». Всплывший в поэтически конкретный рассказ, этот рефрен придает строго, документально изложенному факту — эпический характер, подчеркивает трагедию происшедшего, величие маленьких героев.

Тема войны еще не раз войдет в поэзию Д. Максимович как взволнованный призыв к человеческой памяти. Не соблазняясь чужими, хотя, может быть, и эффектными, звучными интонациями, поэтесса всегда остается самой собой. Война входит в судьбы тех, кто ей особенно близок, — детей, женщин. Ужас войны она заставит пережить своим рассказом о детской косичке — среди штабелей волос в Освенциме («Детская косичка в Освенциме»). Страстный протест против войны и утверждение жизни она вольет в призывный, «нутренний» крик погибших женщин:

— Вы, что дождались света и воли,
рожайте миру детей, рожайте!

⁵ Словно поясняя, почему именно этот образ был выбран как символ трагедии войны, Д. Максимович пишет в предисловии к одному из своих сборников, что ей, дочери учителя и самой учительице, — ребячий гомон сопутствовал всю жизнь с естественностью птичьего пения. «Поэтому во время войны я, может быть, яснее, чем крики матерей, у которых убивали на их глазах детей, чем вопли людей, которых бросали в ямы и печи, слышала, как топот вражеских солдатских сапог навсегда заглушает юные голоса школьников» (Д. М а к с и м о в и ё. Ђаћки жагор и песма птица. В кн. Песме, 1963, стр. 6).

Максимович напишет лирическую поэму «Отчизна, я здесь!» (1951), посвященную участнице народно-освободительной борьбы, расстрелянной гитлеровцами. Она проследит становление героического характера в человеке отнюдь не героического склада, но необычайной душевной цельности, чистоты, глубоких патриотических чувств. Защита мира станет одной из центральных тем ее гражданской лирики послевоенных лет.

Победа, создание новой Югославии отзывается в творчестве Д. Максимович радостным подъемом. Поэтесса пишет две поэмы: «Освобождение Цветы Андрич» (1945) — о моральном и правовом раскрепощении женщины-крестьянки — и «Родина в первомайской демонстрации» (1949). Своего рода отклик «на тему дня», оба эти произведения подчинены стремлению автора запечатлеть конкретные черты новой действительности. Вместе с тем Д. Максимович не избежала свойственного поэзии тех лет риторизма, некоторой поверхностности в освещении современной темы. Выбранная ею форма не отвечала природе ее дарования. Она ищет себя в дальнейшем освоении лирически концентрированного стиха — именно здесь ее произведения оставляют ощущение подлинной поэзии. Одно из них — стихотворение «Хлеб месят». В очень конкретном его содержании нет как будто непосредственных примет эпохи — это лирический рассказ о том, как женщины-крестьянки месят хлеб.

Они забыли о скорби вчерашней,
о всей суете желаний мелких.
Словно пахарь, когда он на пашне,
словно мельник, когда он мельник.

(Перевод Б. Слуцкого)

Стихотворение несет образ чистый, цельный в своей первозданности, в своем соприкосновении с сутью жизни, образ какой-то возрожденческий в своем полнокровном, жизнеутверждающем начале.

В море хлебного запаха канув,
они смеются пьяно, счастливо,
словно не тесто минут руками,
а минут руками цветущую ниву.

И, может быть, отсюда, от этого соприкосновения с сутью жизни, расширяется значение стихотворения. Простой и ясный разговор о крестьянском труде вырастает в утверждение жизни — свободной, радостной, в утверждение мира, за который пришлось платить столь дорогой ценой.

Оживление споров о путях литературного развития, наступившее к концу 40-х годов, возвращает Д. Максимович к осмыслению труда поэта-лирика и его места в жизни народа. Убежденно отстаивает она равноправие лирической поэзии, ее нужность людям:

Кто сказал, что поэта от жизни народной уводят
молодые стихи о любви, о цветах и весне?
Пусть вдоль строгого строя поэм о труде и народе
пробегут босоногие строки о милой головке в окне,
о садах при луне!

(«Поэт и весна». Перевод М. Ваксмахера)

И словно утверждая пафос этих полемически заостренных строк, поэтесса выпускает новые книги лирики — «Запах земли» (1955), «Пленник снов» (1959). Они появляются тогда, когда поэзия, захваченная модернизмом, отталкивается от человека, уходит в мир отвлеченных категорий — и борьба в ней за истинное чувство едва ли не более остры и значительна, чем в конце 40-х годов. С новой силой влечет поэтессу к себе душевный мир женщины, источником вдохновения и раздумий становится природа.

Время умеряет порывистость Максимович, ее «легокрылость» — оно ставит перед ней неумолимую тему уходящей жизни, приближающейся старости. Чаще появляются в ее стихах образы осени, колца лета, тема воспоминаний. Любовь сопрягается с перенесенными бурями, незалеченными ранами, ей сопутствует горечь разрыва, непонятости, неосуществленности.

На Северном полюсе твоего сердца льдистые
стынут десять певцов-дроздов — моих вестников;
На Северном полюсе твоего сердца мглистые
бродят вёсны мои, за тобой увязавшиеся.

(«Лед твое сердце быстро сковывает».
Перевод Л. Мартынова)

Поэтичность натуры художника обогащается душевным опытом человека, которого жизнь все крепче связывала с заботой и мыслями о других. Отсюда ее углубленные, задумчивые пейзажи Словении. Отсюда — столь неожиданно, столь по-новому понят ею традиционный образ весны в стихотворении «Вино весны»: в извечном символе любви, молодости, радости Д. Максимович открывает источник сил для тех, кого сломила жизнь,— для разочарованных, страдающих, изверившихся, обессилевших. Каждый новый сборник, новый цикл свидетельствуют о внутреннем росте поэтессы, о неуклонно идущем в ней процессе душевной зрелости, обогащения, расширения внутренних контактов с миром. Жизнь входит в ее стихи все более сложными своими сторонами, мыслями, тревогами о человеке, его будущем. Один из примеров лирики 50-х годов — цикл «Пленник снов на Зеницком металлургическом заводе». Поэтесса подходит к характерной для современной поэзии (и так по-разному в ней выраженной) проблеме столкновения природы, «естества» и — цивилизации. Все подчиняющее себе наступление техники передано в «Сказке о кузнеце» из этого цикла:

Вокруг земли кует железный мамонт
мощный обруч экваториальный,
словно прут сгибая ось земную,
солнц железных блеск рождая небывалый.

(Перевод Л. Мартынова)

Наступление нового завораживает своим размахом. И оно отдается в сердце поэтессы тревогой — новое смещает привычные (и дорогие) представления о человеке, о его ценности. Уходит мир бранковинского кузнеца из эпохи детства, человека доброй силы, одухотворенного труда, гармонически слитого с мирозданием. Будущее смущает поэтессу господством строгого рационализма, эмоциональной упрощенностью, гибелью поэтического начала («Кому пожалуюсь?»). Не случайно в ассоциации стройки с природой («Говор железа») природа теряет свое добре начало, оборачивается несвойственной ей ранее зловещей, враждебной человеку стороной. («Сады из металла», «Зяблик железный», «Грозно гадюка медная зазвенела», «Мыши стальные прячутся между трав», «Зажужжали злобно стальные пчелы» и т. д. — перевод Н. Стефановича).

В этих тревожных раздумьях испытывается значительность, прочность связей поэтессы с миром и человеком, с современностью. Их неодолимость, их истинную силу обнаруживает новая книга стихов Д. Максимович «Прошу о помилованье». Эта книга вышла в 1964 г. и с тех пор выдержала несколько изданий. Это одна из лучших книг югославской поэзии последнего времени. Книга своеобразна по мысли и построению. Это цикл белых стихов, представляющих собой лирический спор поэтессы с государем Сербии XIV в. Гефбаном Душаном, автором знаменитого

свода законов. Все здесь как будто повернуто в прошлое. На страницах книги оживают исконная народная мудрость и дикие средневековые нравы, ереси, апокрифы, богумилы. Поэтическая ткань книги проткана историческими реалиями, эпоха возникает в живой плоти. Но на материале прошлого идет разговор о современности — о проблемах войны и мира, о гуманизме и значимости человека, о справедливости на земле. Лирик, отличительной особенностью которого до сих пор была удивительная непосредственность реакции, Д. Максимович приходит к иным формам осмыслиения действительности — к социально-философским размышлениям о жизни и судьбах человеческих. Обращение к прошлому, словно соединяя век нынешний и век минувший, помогает глубже ощутить извечную значимость поднятых проблем, их историзм и философичность.

Уже на первых страницах книги возникает дорогой поэтессе образ земли — щедрой, ласковой, созданной для труда и мира:

Земля — она такова,
она просит, чтобы хоть раз в году
как следует ее миля,
она любит, чтобы в нее семена кидали,
чтобы овсом и рожью пропахали дали,
она любит весной просыпаться в цвету
черешень и яблонь, словно бы под снегами...

(«... для земли». Перевод Ю. Левитанского) *

Поэтесса и раньше говорила о земле. Достаточно вспомнить «Урожайный год» или «Праздник осени», чтобы встал образ яркий, праздничный, нарядный. И вот здесь этот знакомый образ ее поэзии, словно высвобожденный от украшений, предстает в своей первозданности, в своем существе. В нем высвечено лишь самое главное. Отсюда — его обобщающий смысл, хотя сам по себе образ предельно конкретен. Этот образ очень характерен для стиля книги, для направленности таланта Д. Максимович. Поэтесса становится лаконичнее, строже в отборе деталей — отбираются лишь те, которые помогают выразить суть образа. Усиливается концентрация поэтического слова — свидетельство новой ступени зрелости таланта.

А рядом — второй образ, тоже словно врезанный в поэзию Д. Максимович, — образ крестьянина.

Прошу о помилованье
для крестьянина твоего,
который рождается и умирает, как трава и растенья
в забвенье переходя из забвенья,

— начинается стихотворение «... для крестьянина». Поэтесса просит за безвестного, обездоленного, грешного, как все смертные — потому что на нем держится земля, на его преданности ей, на его трудолюбии, жизнестойкости. В нем — сила и опора земли:

Для крестьянина
издревле верного своей судьбе,
любящего солнце на небесах.
Если жизнь предаст и жаворонок полевой,
И, певунья запахов, бузина в осенних лесах,
и ящерица, греющаяся на камнях
солнечным летом,—
для крестьянина,
ибо он, мужик, не предаст,
для крестьянина, что тянет воз на себе
и десять своих сыновей
ведет за собой следом.

(Перевод Ю. Левитанского)

* Переводы из книги «Прошу о помилованье» цитируются по ж. «Новый мир», 1967, № 5.

И снова неожиданный в своей краткой и предельной концентрированности образ. И снова непередаваемое обаяние интонации, как бы возвращающей к строкам древнего текста и как бы заставляющей соприкоснуться с сутью жизни. Это стиль книги — простота, ясность, предельная концентрированность мысли и образа.

Законом предопределено крестьянину трудиться, не зная отдыха, на других (... для земледельца). И сколько раз в той или иной форме возникает в книге мысль о несправедливости и неравенстве в мире, о притеснении и бесправии слабых и власти сильных (... для богов», «Идут царским шляхом», ... для слов» и др.). Встанет трагедия молодых солдат, погибших на чужой земле — за чужие интересы. Раздастся отголосок острых социальных столкновений («Идут царским шляхом»). Мечта о мире, о справедливой доле для народа, для труженика, который в сущности и есть «соль земли», — вот один из главных идейных аспектов книги, делающий ее остро современной, сообщающей ей высокое гражданское звучание.

Не менее созвучен современности разговор о ценности человека. Поэтесса неоднократно возвращается к мысли о том, что признанная ценность еще далека от ценности истинной. Ложно, жалко величие вельмож, отгородившихся стеной благополучия от простых смертных (... для важных). Страшно одиночество свергнутых правителей, в которых фальшивый блеск власти убил человечность (... для свергнутых). В книге выносится приговор конформизму, суетности, мещанской морали, всему крикливоречью, поверхности и все еще живучему. Идет разговор о главном, о смысле жизни, о ее принципах — с той же предельной прямотой, с той способностью и небоязнью быть самим собой, какая доступна человеку подлинной жизненной мудрости. В этом отношении «Прошу о помилованье» как бы венчает собой принцип истинной правды чувств, к воплощению которого стремилась Д. Максимович на протяжении всего своего творчества. Может быть, больше чем когда-либо этот принцип в «Прошу о помилованье» потребовал от автора душевных сил, твердости, гражданского мужества.

В книге идет суд. Судит, однако, человек, наделенный неистощимой душевной добротой. Здесь вновь возникает близость Максимович к традициям сербской поэзии XIX в., к традициям Шантича. Отсюда — это «прошу о помилованье», проходящее как зачин многих стихотворений сквозь всю книгу и подчеркивающее и как бы заостряющее ее гуманистический пафос. Это не всепрощение: добро и зло в книге — понятия конкретно социальные. Поэтесса всегда стоит на стороне угнетенных, бесправных, ее герои — это люди труда, народ. Но Максимович никогда не спешит осудить человека, зачеркнуть его — даже в тех крайних случаях, когда ее жизненные нормы противоречат всему его существу, как, например, в стихах о зазнавшихся вельможах или поверженных правителях. Поэтесса и здесь готова бороться за человека, она и здесь не отказывается испытать силу человеческого слова и убеждения. Книга написана с мыслью о человеке — и, может быть, никогда раньше в творчестве Д. Максимович образ человека не был так многогранен, так психологически объемен. Дело не в том, что на страницах «Прошу о помилованье» возникает пестрая галерея представителей разных сословий, разных общественных положений, тогда как раньше в стихах Максимович доминировал образ ее лирической героини. Поэтесса приходит к созданию образа из плоти и крови — живого, смертного, грешного.

Максимович знает сильные, дерзкие, смелые характеры. Но знает и тех, кто сбился с пути, кто подвержен искущению, кто не понят и осужден. С неистощимой душевной щедростью она жалеет бедных душой

(«... для насмешников»), вступается за «чудаков», за идеалистов, забывающих о себе, за лжецов — из милосердия, за дерзкую мысль первооткрывателей и непризнанных творцов («... для апокрифов», «... для ереси»). Не только душевная щедрость помогает поэтессе, но и мужество быть самой собой в запите человека непризнанного, отвергнутого, дерзнувшего идти своим путем против всех. Она раскрывает их людям, поворачивает к свету. С ними связывает она ценность человеческой личности, за нее борется. Не менее значительным источником в этом смысле оказывается для нее, как и раньше, покоряющий своей целостностью народный характер («... для женитьбы сына», «... для крестьянских жен»).

В своем стремлении к открытию душевного богатства человека Д. Максимович наследует традицию психологического реализма. Думается, значительная роль в формировании этой черты ее таланта принадлежит русской литературе. Знаменательно в этом смысле ее признание в одном из интервью: «Книга Хемингуэя «Старик и море» прекрасна. Но когда я хочу найти человека и проблемы, которые его мучат, я беру Чехова, Толстого»⁷.

Большой поэтический опыт Д. Максимович, зрелость ее таланта определили мастерство построения книги «Прошу о помилованье». Целостность отдельных, вполне самостоятельных стихов, из которых она составлена, достигается глубоким внутренним единством ее социально-философского содержания, единством мысли. Книга покоряет искусством отбора материала, неожиданностью поворота мысли, ее динамикой — и неожиданностью образов там, где казалось бы, неизбежна монотонность (в неоднократном повторе, например, зачина «прошу о помилованье»). Одна из причин удивительного поэтического обаяния этой книги заложена в работе поэтессы над словом, над поэтическим образом. Д. Максимович возвращается к слову в его точном, первоначальном значении. И, наконец, бесспорная притягательная сила «Прошу о помилованье» — в смелости ее автора, не боясь показаться старомодной, «непринятой», говорить о серьезном просто.

⁷ Grozdana Olujić. Pisci o sebi. Beograd, 1959, s. 105.

Е. П. ЛЬВОВА

В. Д. ПОЛЕНОВ В БОЛГАРИИ

События, происходившие в Болгарии в конце 70-х годов прошлого столетия, глубоко взволновали русское общество. Они отражены в литературе, публицистике, в переписке и воспоминаниях современников, а также и в изобразительном искусстве¹. Непосредственными участниками русско-турецкой войны были многие известные русские художники — В. Верещагин, В. Поленов, П. Соколов, Е. Макаров, Н. Каразин, М. Малышев и десятки других живописцев и графиков, оставивших богатейшее наследие — картины, этюды, зарисовки с натуры, путевые альбомы и заметки. Русские художники отразили события русско-турецкой войны правдиво и разносторонне, они проделали вместе с русской армией трудный и славный путь — под палящим летним зноем и в суровые зимние холода, в боях под Плевной и на Шипкешли художники вместе с русской армией, освобождавшей Болгарию. Они изображали подлинные события, реальных людей, а также природу и быт Болгарии. Наряду с большими батальными картинами, портретами, жанровыми произведениями, посвященными наиболее значительным событиям русско-турецкой войны, большой познавательный и эстетический интерес представляют малоизвестные, мастерски выполненные графические и живописные этюды, зарисовки, передающие образы людей и атмосферу событий тех лет.

В открытом письме офицерам русской армии, сражавшейся в Болгарии, В. Стасов писал: «А нам ли еще не интересоваться художественной, то есть интеллектуальной жизнью болгар, когда они нам такая близкая родня, когда у нас с ними столько общего и по племени, и по быту, и по вере? Нам ли еще не оценить раньше других то, что у них может быть оригинального, своеобразного, изящного или значительного в созданиях всяческого искусства, все равно — крупного, монументального, общественного или же мелкого, домашнего, бытового»². Эти слова Стасова чрезвычайно ясно характеризуют взгляды демократической интелигенции, ее отношение к болгарской культуре.

Призываю собирать, изучать все, что связано с культурой Болгарии, Стасов особо обращал внимание на народное творчество в различных его

¹ Вопросы об участии русских художников в русско-турецкой войне касались авторы книг о творчестве В. Верещагина (см., например, монографию А. Лебедева «В. Верещагин», М., 1958); батальные картины нескольких художников, побывавших на фронтах русско-турецкой войны, см. в книге В. Садовения «Русские художники-баталисты XVIII—XIX вв.» В Болгарии были опубликованы специальные работы, посвященные произведениям русских художников — участников русско-турецкой войны; Е. Львова, А. Божков. По вопросу за отражение на руско-турецката война 1877—1878 гг. в творчеството на руските художници. «Изкуство», 1957, № 4; М. Кончева. Руско-турската война през 1877—1878 гг. в изобразителното изкуство. В сб. «Освобождението на България от турско иго», София, 1958.

² Г. Стасов. Письмо к офицерам папией Дунайской армии. «Новое время», 1877, 3 января.

видах. Призыв Стасова не остался без ответа. Многие русские художники — профессионалы и любители (среди них были офицеры, врачи, журналисты) — оставили десятки работ, отразивших интерес к болгарской архитектуре, народному творчеству, быту. В произведениях русских художников запечатлены старины болгарские города, монастыри, крестьянские дома, народные костюмы. Ярким примером такого рода работ являются произведения В. Д. Поленова. До начала событий на Балканах Поленова не увлекала военная тематика; тем более интересны произведения, созданные им в Болгарии, свидетельствующие о многообразном даровании художника, о широте его взглядов.

События на Балканах привлекли Поленова еще до начала русско-турецкой войны. В 1876 г. он отправился добровольцем на сербско-турецкий фронт, за участие в сражениях получил черногорскую медаль «За храбрость» и Таковский крест. В Сербии и Черногории художник сделал зарисовки с натуры³.

Оказавшись в Болгарии⁴, Поленов продолжал работать. Он писал: «Вы спрашиваете, напел ли я сюжеты для картин. И да и нет. Сюжеты мирные, т. е. бивуаки, стоянки, передвиженья, хотя и интересны, иногда очень живописны, но мало рисуют войну, сюжеты же человеческого изуродованья и смерти слишком сильны в натуре, чтобы быть передаваемы на полотне, по крайней мере, я чувствую еще в себе какой-то недочет, не выходит у меня того, что есть и в действительности, там оно так ужасно и так просто...»⁵ Однако было бы неправильно, основываясь на словах художника о своем творчестве, не учитывать значения этих его картин. Среди них чисто батальных сцен немного. Гораздо больше работ Поленова связано с бытом, нравами и природой Болгарии. Поленов, в силу специфики своего дарования, правдиво показал те события, которые не отразили другие его современники.

В дневнике офицера Ю. Арсеньева сохранилась следующая заметка о работах Поленова: «Он показывал нам свои талантливые эскизы масляными красками, которые он делает очень быстро, на ходу, набрасывая на тонких дощечках, по примеру французских баталистов, например, известного Neuville, у которого Поленов учился. Между этими набросками чрезвычайно живописны виды реки Янты и окружающих горных балок. Поражает богатство и разнообразие тонов, которыми отличаются эти горные виды. Особенно хорош небольшой набросок дальней панорамы снежного хребта Балкан при полуденном освещении и на фоне яркого голубого неба. Весьма удачны также типы пленных турок из последнего дела у Тростника»⁶.

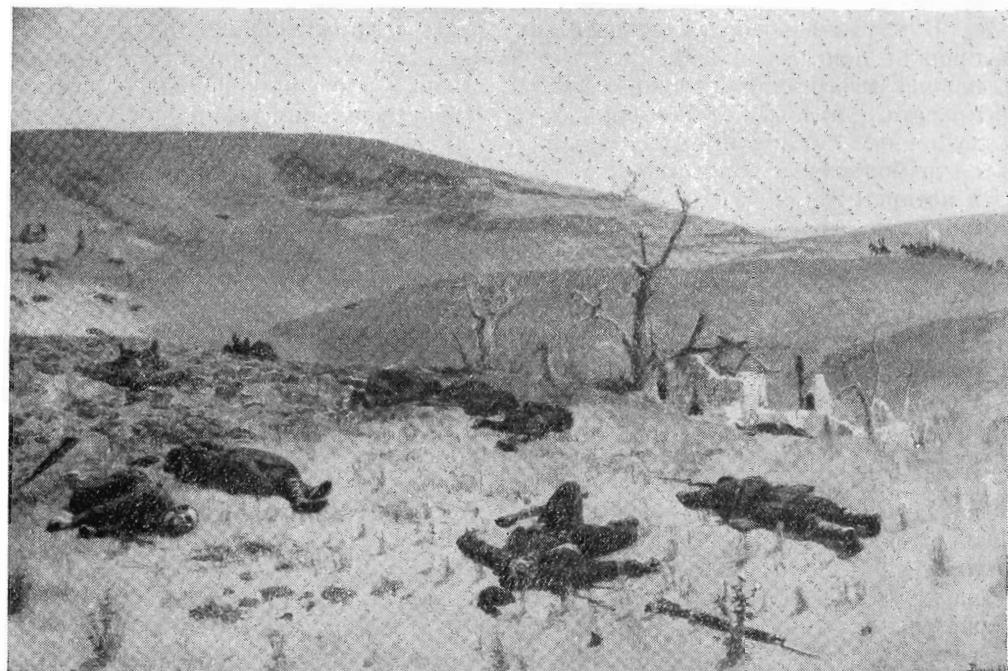
Говоря о работах Поленова, непосредственно связанных с военной тематикой, хочется прежде всего отметить их близость к Верещагину. От отдельных образов и типов Поленов переходит к большим обобщениям, к публицистичности, которые так характерны для балканских работ Верещагина. Правда, в отличие от него, Поленов почти не изображает многофигурных сцен боя или подготовки к нему. Но зато в изображении результатов сражения, горькой участи солдат, оставшихся на поле боя, Поленов продолжает верещагинскую обличительную линию (картины «Убитый солдат», «После боя. Трупы турок у сожженной деревни»).

³ См. Т. Юрова. В. Поленов. М., 1961; Дневник художника см. в кн. «Василий Дмитриевич Поленов. Елена Дмитриевна Поленова. Хроника семьи художников». М., 1964.

⁴ Сообщение о том, что Поленов едет в действующую армию в Болгарию появилось в журнале «Пчела», 1877, № 41.

⁵ В. Д. Поленов. Письма, дневники, воспоминания. Под ред. Е. Сахаровой. «Искусство», 1950, стр. 159.

⁶ Там же, стр. 157.

В дневниках и письмах из Болгарии Поленов упоминает о том, что он не раз бродил по полю боя и делал там зарисовки с натуры. Он видел героизм и страдания людей и запечатлел их как в живописных полотнах, так и в акварелях. Художник не показывает, как это делали многие придворные живописцы, батальных сцен, где вслед за представителями царской фамилии, под барабанный бой и под шелест развернутых знамен выступают офицеры и солдаты в начищенных мундирах. Такая парадность была чужда Поленову. Войну он видел и понимал как событие всенародное, полное героики, трагизма, самопожертвования и повседневных усилий многих тысяч простых людей.

В картине «Убитый солдат» мы видим долину смерти, где недавно прошли бои, оставившие после себя разрушения и трупы. В картине важное место занимает типичный балканский пейзаж, передана суровая красота природы, которая словно застыла в печальном безмолвии. Здесь художник, останавливаясь лишь на отдельном типичном факте, поднимается до большого философского обобщения. Мастерски написанный пейзаж, в котором путем многогранных нюансов цвета достигается большая глубина и пространственность, придает этой кебольшой по размеру картине подлинную монументальность.

Следует особо подчеркнуть значение пейзажа в батальных работах Поленова. Именно через пейзаж передано в картине «Убитый солдат» настроение трагизма, безысходности. Художник усиливает это настроение, показывая отдельные детали переднего плана — белые камни с сидящими на них зловещими черными воронами и небольшую фигуру солдата, ничком лежащего на земле, которую он словно обнимает широко раскинутыми руками.

Весь первый план выхвачен на мгновение ярким лучом солнца, вырвавшегося из-за туч. Но тучи надвигаются со всех сторон, скрывая вершины синеющих горных хребтов, они неотвратимо надвигаются и на поляну смерти, покрытую бурой сожженной травой. В этой картине можно наблюдать все богатство цветовых оттенков палитры Поленова, где тяжелые, влажные тона, сине-лиловые и кое-где ржавые оттенки органически связаны с красками пологих горных склонов, покрытых зеленью, перекликающихся в то же время с красками переднего плана. Художник использует прием наложения красок первых планов более плотным густым мазком, в то время как далекий горный пейзаж написан легко и прозрачно.

Не менее важную роль играет пейзаж и в картине Поленова «После боя. Трупы турок у сожженной деревни» (1883). В этом большом по размеру полотне как бы продолжена начатая тема «Убитого солдата», но раскрыта с особой остротой через контраст радостного солнечного пейзажа с картиной смерти и разрушений, которая на переднем плане картины.

В этой картине, однако, художник показал не только молчаливое поле боя, но и тех, кто продолжает жить — так, в левой части картины он изобразил русских солдат, передвигающихся с ранеными на руках, а справа — освещенные ярким солнцем, вступающие в долину войска русской армии. В этой картине больше подробностей, повествования.

В картинах «Позиция», «Артиллерия в горах» и др. Поленов повествует о буднях войны, о судьбе русского солдата, выполняющего свой долг и в тяжелую осеннюю распутьцу, и в палящий зной, и в зимнюю стужу.

Прежде чем создать свои картины, Поленов долгое время суммировал впечатления, отбирал самое важное, рисовал с натуры. Живописные наброски Поленова отличаются конкретностью и реалистичностью образов. Симпатии художника к русскому солдату сказались в работе «Солдат на часах», где показан русский человек, выполняющий свой воинский долг. Поленов не приукрашивает облик солдата и рисует его таким, каков он есть: с обветренным открытым лицом, в грубой солдатской шинели и сбитых сапогах. В сильной руке, крепко держащей ружье, во всей фигуре столько спокойствия и доброты, и этим поленовский образ перекликается с образами русских солдат в картинах Репина, Верещагина и Савицкого. И хотя в этом этюде пейзаж играет роль фона, значение его несомненно: показывая каменистую равнину, освещенную палящим солнцем, и синеющие вдали горы, художник как бы повествует о трудной дороге русского солдата, которую он прошел и по которой ему еще предстоит шагать.

Поленов правдиво повествует о судьбе русского солдата. Будни войны запечатлены также в картинах «Позиция», «Артиллерия в горах», «Болгарское селение» и др.

Кроме этюдов, выполненных масляными красками, Поленов создал замечательные рисунки и акварели, посвященные событиям на Балканах и в Болгарии. Так, в «Пчеле» (1877, № 44, стр. 696) был опубликован рисунок Поленова «Болгарские отцы и дети». Две композиции, объединенные общей темой, составляют единое смысловое целое. Слева изображен частокол с головами убитых болгар на шестах (что опять-таки ассоциируется с некоторыми этюдами Верещагина), справа — двое детей-сирот, в упор глядящих на зрителя. Этот рисунок — один из ярких обвинительных документов турецким палачам в Болгарии. Если головы убитых в рисунке Поленова выглядят как страшные силуэты, символы турецких казней, то двое детей — мальчик и девочка — изображены художником реалистически-конкретно. Дети, лица которых искажены мукой страдания и ужаса, молчаливо взывают к отмщению. Их фигурки, сжатые и стиснутые, прижавшиеся друг к другу, кажутся еще более беспомощными оттого, что художник изображает их на фоне темного угла, куда они как будто бы насильно загнаны. Контрасты белых костюмов детей с черными резкими силуэтами фона и головами убитых слева придают еще большую драматичность этому рисунку Поленова.

Последовательный реалист и подлинный гуманист, Поленов с возмущением отвергал насилие, казни и языком искусства утверждал красоту и поэзию жизни, природы, простых человеческих чувств и радостей. Именно этими качествами отличаются замечательные акварели, созданные художником в Болгарии⁷.

⁷ Хранятся в фонде рисунка Государственного Русского музея.

Небольшие по размеру болгарские акварели Поленова представляют целое поэтическое повествование о «чудесной и плодородной Болгарии», как сам художник называл эту страну. В акварелях Поленова сочетается большой эпический размах в показе суровых горных пейзажей с тонкой лиричностью акварельных миниатюр, изображавших жизнь болгарского крестьянства. В этих акварелях все детали пейзажа, архитектуры, человеческие фигуры, предметы очерчены с предельной точностью, документальностью и вместе с тем удивительно поэтично. Таковы акварели «Село Брестовец, Болгария 1877 г. ноябрь», «Вид из села Брестовец на Балканы, ноябрь 1877 г.», «Сельская церковь в Брестовцах 1878 г.» и др. Необычайно тонкие по цвету акварели Поленова раскрывают красоту и разнообразие болгарской природы. В акварели «Зима в Болгарии» Поленов рисует зимнюю дорогу, по которой тягнется обоз. На переднем плане — болгарский крестьянин, с большим посохом шагающий перед упряжкой. Все здесь типично для Болгарии: и голубоватый пейзаж зимнего уходящего дня, и тяжелая поступь немолодого сурового крестьянина, ведущего по трудной дороге покрытых полосатой домотканной попоной волов. Это жизнь народа без прикрас, увиденная художником-гуманистом. Акварели и рисунки Поленова говорят о том, что он не был равнодушным наблюдателем жизни болгарских крестьян. Художник понял и почувствовал весь характер этой жизни, ее темп, своеобразие, стиль и особенности. Он наблюдал людей в дни их повседневного, обыденного труда и забот, в их лишениях и в борьбе.

Художник стремился к созданию типичных образов и характеров. Об этом можно судить хотя бы по группе его работ, связанных с изображением семьи болгарского крестьянина. Поленов неоднократно изображал тесный угол крестьянского дома, где у печки разместились болгар-

ские дети и девушки, которые занимаются своим обычным делом — прядкой.

На маленькой деревянной дощечке 4 ноября 1877 г. Поленов сделал небольшой этюд маслом с изображением девушки («Болгарка Дана»)⁸. Это как бы общая наметка образа — краски полутемного крестьянского жилища, потемневшие от копоти глинобитные стены, на фоне которых мягкими красками мерцает смуглое полудетское лицо Даны, ее тонкие руки, тянувшие бесконечную нитку, красная повязка на темных волосах. Здесь найден облик болгарской девушки, которая станет действующим лицом будущей картины и акварелей Поленова⁹. В поисках наиболее ясной композиции художник делает ряд живописных набросков — общих наметок маслом на деревянных дощечках. Это также поиски цветного решения, движения фигур, их расположения; в них мастерски использована золотистая поверхность дерева, которая вместе с тонкими градациями серых и серебристых оттенков цвета интерьера создает впечатление мерцания света.

Поленовшел от фиксации отдельных наблюдений к созданию законченной жанровой сцены, и даже там, где можно было бы дать «чистый пейзаж» или «чистый интерьер», не мыслил их без людей, деятельно участвующих в жизни. В акварели «Внутренность болгарской хижины, 1877 г.» мы снова видим фигуру прядущей болгарской девушки. Сидящие вокруг девушки дети, белье, висящее тут же на печи, корзина с шерстью, посуда — все это наблюдено художником в жизни и правдиво передано в этой сцене. Акварель поражает удивительным благородством тонких цветовых оттенков, найденных в костюме девушки, — от нежно-розовых до темно-красных, от голубоватых до темно-оливковых. Поленов с любовью передал тончайший узор старинных болгарских вышивок, под-

⁸ Этюд хранится в Государственной Третьяковской галерее.

⁹ Две акварели «Внутренность болгарской хижины» находятся в фонде рисунка Государственного Русского музея, живописные наброски на эту же тему — в фонде живописи Государственной Третьяковской галереи.

черкнув в них особое своеобразие и прелесть¹⁰. Характерной чертой болгарских акварелей Поленова является то, что он подчеркивает красоту обыденной простой жизни, а не парадной ее стороны — такова акварель «Село Брестовец. Декабрь 1877 г.», где показана деревушка в горах, засыпанная снегом. Казалось бы, холод, идущий от синеватых гор в морозной голубой дымке, и массы снега загоняют человека в его жилище, подавляют его. Но вот с порога одного из домов спускается девушка с ведрами, прямо по сугробам, увязая в снегу, шагает к дороге кряжистый крестьянин.

В этих жанровых сценах и акварелях у Поленова много общего с болгарским художником Я. Вешином, как в подходе к болгарскому пейзажу, так и в самой трактовке жизни и быта крестьянства.

К картине «Болгарское селение» Поленов сделал несколько эскизов маслом и акварелью. Художник сохранил в картине ощущение непосредственности первых живописных набросков, сделанных им с натуры в Брестовце («Грязь в Брестовце» и «Кухня атаманцев в Брестовце»). Он ввел в картину фигуры конных офицеров и болгарского крестьянина, что в значительной степени оживило сцену.

Небольшие картины Поленова тех же лет, изображавшие придворную штабную жизнь, главную квартиру в Рущуке, интерьер кабинета командующего, резко отличаются от остальных работ художника. На них лежит печать холодности. Совсем в другой манере выполнены картины на близкие ему темы. В них добросовестность в изображении конкретных деталей пейзажа или интерьера не являлась самоцелью, а была подчинена творческому методу — от накопления данных конкретных впечатлений к созданию обобщения в картине, воплощающей вдохновенный замысел художника.

Подводя итог краткой характеристике болгарских работ Поленова, следует сказать о том месте, которое они занимают в его творчестве. Выдающийся русский художник в этих произведениях продолжил линию реалистического пейзажа, жанра и батальной темы. Эмоциональность, особая сердечность и лиризм в передаче крестьянских образов и пейзажа, гневное обличение, правдивость и трагизм батальных сцен говорят о разностороннем даровании Поленова-художника и мыслителя, обогатившего русское реалистическое искусство своими работами периода 1877—1883 гг.

¹⁰ Поленов с восхищением писал о красоте болгарского женского костюма в одном из своих писем. В. Д. П о л е н о в . Письма, дневники, воспоминания. Искусство, 1950, стр. 125. Интересно отметить, что в отношении к болгарскому народному искусству Поленов перекликается со Стасовым. То же внимание мы находим в зарисовках костюмов болгарских крестьянок у П. Ковалевского и Е. Макарова, а также в путевых заметках А. Верещагина «Дома и на войне», СПб., 1886, стр. 270.

В. И. ЗЛЫДНЕВ

А. М. СЕЛИЩЕВ И ЕГО БОЛГАРСКИЕ СВЯЗИ

В декабре 1967 г. исполнилось 25 лет со дня смерти видного советского славяноведа Афанасия Матвеевича Селищева (1886—1942). За истекшие годы советская наука шагнула далеко вперед в теоретическом и методологическом отношении. Появились новые исследования в разных областях славистики. Однако то, что было достигнуто советскими учеными старшего поколения, не теряет своего значения. В высшей степени поучительным представляется многообразный опыт творческой деятельности ученых, закладывавших основы советского славяноведения. В этом отношении для нас, безусловно, интересен опыт А. М. Селищева — ученого разностороннего, большая часть научной и педагогической деятельности которого проходила в московских учебных заведениях — Университете, Педагогическом институте им. В. И. Ленина и Институте истории философии и литературы (МИФЛИ).

Посмертные издания работ А. М. Селищева — «Старославянский язык», ч. 1 и 2 (1951—1952), «О языке „Русской правды“» (1957), а также выходящие в этом году «Избранные произведения» ученого неоспоримо свидетельствуют о важной роли его работ для настоящего времени. Вклад ученого в различные области языкоznания достаточно широко освещен в специальном выпуске «Докладов и сообщений филологического факультета МГУ», посвященном А. М. Селищеву¹. Отдельные стороны деятельности ученого характеризует в своих статьях Е. А. Васильева², о значении А. М. Селищева для развития нашей славянской филологии 20—30-х годов рассказывает С. Б. Бернштейн³.

Авторы этих специальных работ обращают преимущественное внимание на лингвистическую и филологическую сторону деятельности Селищева. Безусловно, в этой области наибольше ощущим вклад ученого в науку. Но не следует забывать, что научные интересы Селищева были более широкими. И без этих других его интересов трудно себе представить весь облик ученого. Поэтому цель нашей статьи состоит в том, чтобы дополнить портрет исследователя-славяноведа на основе малоизвестных или совсем забытых фактов его научной биографии. При этом мы стремимся показать широту его общественно-научных интересов к зарубежным славянским народам и значение длительных и весьма плодотворных его связей с болгарскими учеными, литераторами и писателями.

Октябрьская революция и две мировые войны, с которыми связаны начальный этап и конец научной деятельности советского славяноведа, — не просто рубежи, определившие его творческий путь, это и те общественные явления, которые во многом формировали характер его научных поисков, гражданский пафос и широту творческих устремлений ученого. Именно в годы первой и второй мировой войны проблемы

¹ «Доклады и сообщения филологического факультета МГУ». М., 1947.

² Е. А. В а с и л' е в а. Профессор А. М. Селищев как лингвист и его статья о языке «Русской правды». Уч. зап. Моск. Гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина. М., 1958, т. 132. Кафедра рус. яз. Вып. 8; «Архив проф. А. М. Селищева». Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз. 1959, вып. 1.

³ С. Б. Б е р н ш т е й н. Советской славянской филологии 50 лет. «Советское славяноведение», 1967, № 5.

судеб славянских народов привлекли внимание всей мировой общественности, причем славянская проблематика оказалась весьма актуальной не только в научном, но и в политическом отношении.

В этих условиях славист не мог быть только кабинетным ученым, занимающимся частными и узкими вопросами, изолированными от всей общественной проблематики. Перед каждым славистом со всей остротой возникала задача определения своих идеологических позиций. Как складывавшийся учений, Селищев, может быть и робко на первом этапе, по все же достаточно определенно становится на позиции демократические, а затем и революционные. В этом он существенно расходился со своими коллегами старшего поколения. Кроме того, с самых первых шагов Селищева на поприще славистики проявилась широта его творческих интересов к судьбам славянских народов. Наряду с интересом к языкам западных и южных славян он проявляет большое внимание к историческим судьбам народов, находившихся под гнетом Австро-Венгерской монархии или под оттоманским игом. Его также глубоко волнуют проблемы межславянских взаимоотношений — исторических, культурных и литературных.

Еще будучи студентом Казанского университета, Селищев в 1908 г. помещает в газете «Камско-Волжская речь» одну из первых своих заметок под названием «Славяне в Австрии»⁴. Эта заметка возникла как отклик на лекцию проф. А. Л. Погодина, опубликованную в «Московском еженедельнике». Автор не только давал информацию о содержании лекции, но и высказывал по этому поводу свои суждения, заслуживающие внимания. «Отношение австрийских славян к России, — писал А. М. Селищев, — не заключает в себе того панславизма, к которому издавна стремились некоторые русские панслависты. Австрийские славяне весьма интересуются Россией, питают к ней, к своей „будущей мстительнице за их обиды“ самые искренние, горячие симпатии, но при всем этом нисколько не стремятся к соединению с ней в одно государственное целое». Здесь суждения будущего слависта существенно отличаются от взглядов представителей официальной науки и весьма далеки от панславизма.

Придавая большое значение межславянским взаимоотношениям, молодой славист посвящает свои первые работы русско-чешским литературным связям. В 1912 г. публикуется его статья об отношении Карла Гавличка Боровского к русской литературе⁵, а в следующем году отдельным изданием выходит работа «Взгляды Карла Гавличка на Россию»⁶. Оценивая этот труд, И. А. Бернштейн пишет, что в нем «на большом материале дается объективная оценка взглядов Гавличка, высоко ставившего русский народ, но ненавидевшего самодержавие. Эта книга уточнила вопрос об отношении Гавличка к России даже по сравнению с его трактовкой в Чехии»⁷.

Одновременно с этим в переводе с чешского языка и с предисловием молодого слависта появляется статья Антонина Ирака «Учебное дело у славянских народов». Первые публикации Селищева свидетельствуют о его широких взглядах на культуру и литературу зарубежных славянских народов, о его стремлении — и не безуспешном — внести свой посильный вклад в освещение межславянских литературных взаимоотношений.

В начале первой мировой войны внимание русского слависта было поглощено событиями у южных славян. Немалую роль здесь сыграли его научные занятия македонскими диалектами, а также его недавняя поездка в Болгарию. Выражением беспокойства за судьбы сербского народа явилась его заметка в газете «Камско-Волжская речь» под названием «Помогите сербам». Ссылаясь на разные печатные источники, он с душевной болью писал в 1916 г. об истреблении сербского народа австро-германскими оккупантами. «С огнем и мечом, — писал он, — прошли вражеские войска

⁴ «Камско-Волжская речь», Казань, 1908, 3 декабря.

⁵ «Карл Гавличек о русской литературе и „Славяно-православной церкви“». В кн. Сборник в честь Д. А. Корсакова. Казань, 1912.

⁶ «Взгляды Карла Гавличка на Россию. К истории славянских взаимоотношений в половине XIX в.». Казань, 1913.

⁷ И. А. Бернштейн. Чешская литература в русской критике второй половины XIX века. В кн. Из истории связей славянских литератур. Изд-во АН СССР, 1959, стр. 45.

по сербской земле. Проникли они и в орлиное гнездо — в Черную Гору... Цель австро-германских вандалов — истребление сербского народа»⁸. Ссылаясь на свои личные впечатления 1914 года, Селищев рассказывал о симпатиях сербов к России. «С искренней благодарностью, с детской преданностью, — отмечал он, относится сербское население к „майке“ России». Заметка завершалась следующими словами: «В дни страданий сербского народа помочь ему — паш долг».

По преподавательству лингвиста, диалектолога и этнографа, Селищев ни в своей научной и педагогической практике, ни в организационной деятельности не ограничивался рамками одной научной дисциплины. Будучи профессором Московского университета (с 1922 г.), он читал ряд курсов по славянским языкам, введение в славяноведение, а также курсы лекций по болгарской литературе. В 1927 г. в докладной записке в Этнографическое отделение он писал: «Я пишу в малейшей степени не отрицаю и не уменьшаю значения изучения как славянских литератур, ни славянской истории. Я первый и единственный предлагал при составлении плана славянского отделения ввести, кроме цикла этнолого-лингвистического, циклы литературоведческий и общественно-исторический. Но мне было указано, что эти два последних цикла открывать пока несвоевременно, следует осуществить сперва план первого цикла, этнолого-лингвистический, подготовить лиц, хорошо осведомленных в славянских языках и в современном состоянии славянских народов. Я вполне присоединяюсь к этому положению»⁹.

С началом второй мировой войны широкие славистические интересы А. М. Селищева еще больше возросли. Он выступал теперь не только за ускоренную подготовку кадров филологов-славистов, за образование славянских кафедр, но и за создание научного славистического центра в нашей стране, за организацию специального журнала для славистов. В докладной записке директору Московского Государственного педагогического института им. В. И. Ленина, где в то время А. М. Селищев возглавлял кафедру русского языка, он писал: «Наша страна является центром освободительного движения славян. Она должна быть центром и славистических изучений. Не связанные никакими предвзятыми иенаучными тенденциями, советские филологи могут дать образцовые труды в этой области знаний. До недавнего времени славистические изучения энергично велись в Праге. По политическим соображениям принимались меры к усилению этих связей в Париже и Берлине. С разгромом Пражского университета, одного из старейших университетов в Европе, замерли там славистические изучения. В Парижском институте славяноведения (*Institut des etudes slaves*, при Парижском университете), который поддерживался субсидиями славянских государств, прекратились занятия в области славистики. Остались кафедра и институт славяноведения при Берлинском университете (*Slavisches Institut an der Fr. Wilh. — Universität, Berlin*). Но в условиях фашизма занятия славистикой ведутся там в извращающем истину аспекте.

Только в нашей стране филологи-слависты располагают условиями свободного развития своих изучений.

В связи с значением и положением славистики необходимо принять организационные меры к усилению занятий по славянской филологии в наше время. Академия наук не выполняет в действительности своей задачи быть центром славистических изучений. Такой центр нужно создать при Московском университете или при Государственном педагогическом институте им. В. И. Ленина. В одном из этих вузов должна быть открыта кафедра славянской филологии, около которой будут сосредоточены занятия по славистике... Работа по этой кафедре будет заключаться в преподавательской и исследовательской деятельности... Кафедре необходимо располагать возможностью иметь свой журнал, в котором отражалась бы ее научная деятельность. Вместе с тем он объединит вокруг себя и других работников по славянской филологии»¹⁰.

После нападения гитлеровской Германии на Советский Союз еще в большей степени активизировалась общественная деятельность Селищева, что нашло выражение

⁸ «Камско-Волжская речь», 1916, 17 мая.

⁹ ЦГАЛИ, ф. 2231, оп. 1, ед. хр. 136, л. 12.

¹⁰ ЦГАЛИ, ф. 2331, оп. 1, сд. хр. 136, л. 56—58.

в его публичных и печатных выступлениях и, в частности, в его последних небольших статьях, опубликованных в журнале «Славяне»: «Извечная борьба славян против немецких варваров»¹¹ и «Культура западных и южных славян и ее вклад в мировую культуру»¹². Последняя вышла уже посмертно, с траурной рамкой. В обеих статьях проявились широкие познания советского слависта в области языков, истории и литературы зарубежных славянских народов.

С начала творческой деятельности и до последних дней жизни А. М. Селищев интересовался общеславянскими проблемами. Он был ученым-гражданином с разносторонними интересами. А его специальные исследования в области славянских языков, македонской диалектологии, балканстики и этнографии отличались не только тщательностью в отборе фактов, обоснованной системой доказательств, но и привлечением разностороннего материала всего комплекса славяноведческих дисциплин. Не случайно работы Селищева привлекают к себе внимание наших и зарубежных славистов разных школ и направлений.

В течение всей своей творческой деятельности А. М. Селищев переписывался с учеными разных стран. Наиболее тесные связи у него сложились с языковедами, историками и литераторами Болгарии. Это было обусловлено характером и содержанием его работ, их публикацией в болгарских изданиях. Связи Селищева с болгарскими учеными были весьма интенсивными, особенно в период 20-х и начала 30-х годов. Далеко не все из его переписки сохранилось сейчас. Однако и то, что имеется в нашем литературном архиве (ЦГАЛИ, фонд А. М. Селищева), в архиве Болгарской академии наук, а также у частных лиц в Болгарии, в значительной мере освещает эту еще не прочитанную страницу в научной биографии ученого.

Обращение к материалам такого рода позволяет полнее и лучше представить интересы советского слависта, его взгляды на некоторые спорные вопросы, его отношение к культуре и литературе болгарского народа. С другой стороны, письма зарубежных ученых проливают свет на отношение к нему болгарских коллег, показывают, как они содействовали и помогали ему в научном поиске. Словом, эти связи были взаимно плодотворны и составляют интересную и самостоятельную страницу наших советско-болгарских научных и славистических взаимоотношений.

Начало непосредственных контактов А. М. Селищева с болгарскими коллегами относится к 1914 году, т. е. ко времени его первой и единственной командировки в Болгарию. Как сообщал молодой славист в опубликованном отчете, цель поездки состояла в «собирании материала для изучения говоров северной Македонии и истории болгарского литературного языка писателей первой половины XIX века»¹³. В Софии и Македонии А. М. Селищев работал с начала июня до середины августа 1914 г. Продолжительность командировки составила два с половиной месяца. В Софии он занимался преимущественно в Народной библиотеке, пользовался книгами и советами отдельных ученых. Судя по отчету, а также по последовавшей за командировкой переписке, А. М. Селищев лично познакомился с видным болгарским историком В. Н. Златарским, лингвистом Ст. Младеновым, историком древней болгарской литературы Й. Ивановым, писателем Ст. Чиплингировым, работавшим в то время в Народной библиотеке, а также рядом других лиц. Уже в отчете содержались предварительные результаты научных исследований говоров Тетовского округа (Долни Полог): описание существительных, глагола, разных форм устной речи и памятников письменности различных периодов. Эти же материалы легли в основу первой крупной работы А. М. Селищева «Очерки по македонской диалектологии» (Казань, 1918), за которую ему было присвоено звание профессора.

Следует заметить, что условия работы русского слависта в Болгарии оказались необычными. Через две недели после его приезда в страну началась первая мировая война. Общественное сознание слависта сразу обострилось: здесь были раздумья о

¹¹ «Славяне», 1942, № 4 (сентябрь).

¹² «Славяне», 1943, № 3 (март).

¹³ «Отчет о занятиях за границею в летнее вакационное время 1914 года». Казань, 1915, стр. 2.

родине, судьбах южных и западных славян. Тревожные настроения военных лет отразились и в его газетных заметках. В личном архиве ученого сохранились различные газетные вырезки. Одни из них подписаны полным именем Селищева, а другие — псевдонимом или инициалами. Такие заметки составители архива, уже после смерти ученого, лишь предположительно относят к Селищеву. Нам представляется, что об его авторстве заметок с псевдонимом можно говорить с большей определенностью. Во-первых, они помещались в той же газете «Камско-Волжская речь», в которой молодой славист сотрудничал и до войны; во-вторых, в заметках чувствуется хорошее знание различных общественных кругов, политических партий в славянских странах. Вряд ли такую осведомленность мог проявить рядовой казанский журналист. Наконец, в заметках военных лет ставятся те же вопросы, которые волновали слависта и ранее, — отношение славянских народов к России, взгляды на их объединение, обращение к историческим примерам.

Среди таких корреспонденций примечательна заметка «Россия и Болгария», опубликованная в упоминавшейся газете 3 сентября 1914 г., т. е. через две недели после возвращения А. М. Селищева в Казань, и вышедшая за подписью «Чично». Основная цель автора заметки состояла в том, чтобы познакомить читателя с положением в Болгарии на основе материалов периодической печати. «Единение в отношении к воюющим державам, — говорится в заметке, — отсутствует у болгар. В то время как одна часть общества, без сомнения большая часть, всецело на стороне России, другая часть во главе с кабинетом, явно и решительно примкнула бы к Австро-Германии, если бы не парализовалась первой частью»¹⁴. Далее автор приводит примеры антируссских выступлений газет «Камбана», «Воля», называя их «близкими к министерским сферам», характеризует настроения демократических слоев, выраженные в разных изданиях. Из газеты «Заря» приводится такое высказывание: «Теперешнее правительство самое негодное и самое опасное для блага и будущего Болгарии»; из «Земеделско знаме»: «Самые глупые и самые бесчестные люди управляют в этот критический момент Болгарией», а в заключении излагаются доводы крупного болгарского писателя Ст. Михайловского о необходимости нейтралитета для Болгарии (газета «Балканско знаме»). Обилие приводимых печатных источников и хорошая осведомленность в их политической ориентации не оставляют сомнения в том, что автор обзора очень хорошо представлял всю сложность общественно-политической ситуации в стране в момент начала первой мировой войны. Вряд ли кто другой в Казани, кроме Селищева, мог так хорошо ориентироваться в обстановке в Болгарии. Приведем и еще один довод в пользу авторства Селищева. Рядовой журналист без всяких опасений мог бы поставить свою подпись. Молодой же славист, недавно возвратившийся из страны и намеревавшийся в следующем году ехать во вторую командировку, естественно, не мог раскрывать своего имени, опасаясь встретить отказ со стороны официальных правящих кругов. Надо полагать, так и возник псевдоним «Чично».

О предполагаемой новой поездке А. М. Селищева в Болгарию мы узнаем из открытки историка В. Златарского от 15 июля 1915 г. На вопрос русского слависта, найдутся ли в Софии такие же благоприятные условия для его работы, как в минувшем году, В. Златарский писал: «Меня даже удивляет то, что подобная мысль могла зародиться (в оригинале „породиться“.— В. З.) у Вас. Я бы, наоборот, сказал, что в прошлом году условия были неблагоприятнее, чем в этом году. Поэтому, не вдаваясь в подробные объяснения, я бы Вас просил немедля приехать к нам, и все мы будем Вам рады, как и в прошлом году. Недавно, на днях, приходил ко мне г. Васев, бывший студент Казанской Духовной Академии, и мне задал тот же самый вопрос относительно Вашего приезда. Я ему ответил, что тут и речи не может быть о таком вопросе и просил его написать Вам как можно скорее, чтобы Вы приезжали. А я Вас давно ожидаю, потому что Э. А. Волтер писал мне месяц тому назад, что Вы собираетесь к нам. Я, может быть, ко времени Вашего приезда в Софию не буду там, так как думаю (по пока еще думаю) удалиться куда-нибудь в горы, чтобы отдохнуть и

¹⁴ «Камско-Волжская речь», Казань, 1914, 3 сентября.

собраться с силами на зиму, но это не должно Вас никак сколько стеснять. Госп. Чилингиров здесь остается, так что Вы пожалуйте прямо к нему, я его предупрежжу. Итак, до скорого свидания»¹⁵.

Это письмо представляет интерес в двух отношениях. Во-первых, оно позволяет говорить, что во время командировки Селищева в Болгарию у него сложились добрые и сердечные отношения со своими коллегами-учеными и писателями, а, во-вторых,— научная и творческая болгарская интеллигенция была очень расположена к русским славистам, к России в целом, несмотря на начавшуюся мировую войну и германофильские настроения в среде правящих кругов. Отметим еще раз, что письмо отправлялось за два с половиной месяца до вступления Болгарии в войну на стороне Центральных держав. По-видимому, сложность политической обстановки на Балканах явилась главной причиной того, что поездка в Софию так и не состоялась.

Возвратившись в середине августа 1914 г. в Казань, Селищев целиком погрузился в педагогическую и научную работу в университете. Он стал больше уделять внимания болгарскому языку, его истории и диалектам. В письме Стилиану Чилингирову, занимавшему в то время должность помощника директора Народной библиотеки в Софии, Селищев сообщал: «Сижу за составлением маленького болгарского сборника (около 40 страниц)¹⁶ для ознакомления слушательниц курсов (речь идет о Высших женских курсах в Казани.— В. З.) с болгарским языком. Сделал небольшую выдержку из „Песен за селяка“¹⁷. Перед чтением того или иного отрывка я, обычно, характеризую автора того сочинения, откуда взят отрывок»¹⁸. Следует заметить, что традиция литературного комментирования лингвистических текстов сохранилась у Селищева до конца его педагогической деятельности. Имению с такими литературными комментариями он проводил свои занятия и в конце 30-х годов в МИФЛИ.

Два месяца спустя после первого письма русский славист более подробно рассказывал С. Чилингирову о своих занятиях болгарским языком. «Кроме лекций в Университете и на Высших женских курсах,— писал он,— занимаюсь разработкой собранного летом материала. Недавно я делал в Обществе археологов, истории и этнографии при университете доклад по македонскому вопросу: дал очерк его развития и современного положения.

...В этом году я читаю историю и диалектологию болгарского языка на Высших женских курсах. Количество слушательниц огромное, около 450 человек. Если бы Вы слышали и видели, как усердно мы занимаемся болгарщиной! Во все уголки Болгарии мы заглядываем, прислушиваемся к говорам болгарского народа... Несколько недель тому назад я писал Вам открытое письмо (открытку.— В. З.) с просьбой не отказать прислать мне рассказ «Письмо на баба Неда». Он помещен, кажется, в сборнике Андрейчина «Вечеринки и утра». Дело в том, что у меня имеется несколько болгарских граммофонных пластинок. На одной из них записан рассказ. Мне хочется демонстрировать эту декламацию перед слушателями и слушательницами, чтобы они несколько ознакомились с болгарской интонацией. Нужен текст, а его у меня нет. Если можно, пе откажите распорядиться переписать этот рассказ и прислать его мне»¹⁹.

В следующем письме Селищева к Чилингирову от 5 февраля 1915 г. содержатся уже сведения об интересе русского слависта к болгарской литературе новейшего времени. «Недавно,— сообщал он,— я отыскал в редакции одного журнала перевод статьи Орешкова (о болгарской литературе за время войны) — перевод, сделанный

¹⁵ ЦГАЛИ, ф. 2231, ед. хр. 89, л. 1.

¹⁶ Упоминаемый сборник вышел в Казани в 1914 г. под названием «Сборниче за езикъ».

¹⁷ Поэма «Песня о крестьянине» (1914 г.) С. Чилингирова была удостоена премии Болгарской академии наук.

¹⁸ Это письмо, как и другие письма А. М. Селищева к С. Чилингирову, хранится в архиве его сына Добромира Чилингирова. Пользуюсь случаем выразить Д. Чилингирову благодарность за возможность ознакомиться с ними и разрешение на их опубликование.

¹⁹ Письмо А. М. Селищева от 20 ноября 1914 г.

одной из моих слушательниц. К статье я приложил заметку о [поэме] „Песен за селянка“. Когда будет отпечатана, пришлю Вам немедленно». Статья Павла Орешкова — одного из работников Народной библиотеки в Софии — впервые появилась в Болгарии в журнале «L'Echo de Bulgarie». С французского статью перевела А. Лаптева. У нас она вышла под названием «Болгарская лирическая поэзия войны 1912—1913 года»²⁰.

Приведенные письма А. М. Селищева относятся к казанскому периоду его деятельности. Они показывают, как у слависта рос интерес к Болгарии, к болгарской культуре, языку, истории и литературе. В последующие годы эти интересы еще более расширились и углубились. После Октябрьской революции Селищев обратился к переводу большой статьи В. Златарского по истории средневековой Болгарии. Прежде чем сдать ее в печать, он решил выяснить мнение автора. В сентябре 1921 г. В. Златарский ему ответил: «На Вашу просьбу разрешить перевод моей статьи я откликаюсь с величайшей готовностью, так как этим Вы мне делаете большую честь. Но относительно внесения каких-либо изменений я должен Вам сообщить следующее. Обнародованная под известным Вам заглавием статья была главой вышедшего в 1919 году первого тома „История на Българската държава през средните векове“, именно первая часть „История на първото Българско царство“ (до князя Бориса). Эта глава в этом своем втором издании претерпела уже изменения и получила новые дополнения и прибавления. Ввиду этого я бы посоветовал сделать Ваш перевод именно по этому новому изданию. Как видно, эта моя книга Вам неизвестна»²¹. В следующем году перевод был опубликован в Казани под названием «В. И. Златарский. История болгар со времени появления их в Европе до основания болгарского царства на Балканском полуострове». По сообщению Селищева, напечатано лишь четыре авторских листа, «прочее осталось в рукописи».

После переезда А. М. Селищева в Москву (1922 г.), связи его с болгарскими учеными, литераторами снова возобновились и приобрели более деловой характер. Особенно оживленной была переписка с Стилианом Чилингировым и Любомиром Милетичем — профессором Софийского университета, директором Македонского научного института, а с 1926 по 1937 г. и президентом Болгарской академии наук. Кроме того, в личном архиве А. М. Селищева сохранились письма к нему профессоров — М. Арнаудова, Й. Иванова, Ст. Младенова, С. Романского и других. Благодаря поддержке болгарских коллег ему удалось сразу же после мировой войны войти в курс научной славистической мысли Болгарии тех лет, систематически получать выходящую научную литературу по истории болгарского языка, фольклору, литературе, а также по македонской проблематике. Из всех советских славистов в 20-е годы Селищев располагал наиболее значительной научной библиотекой, систематически пополнявшейся новыми болгарскими изданиями. Не случайно во второй половине 20-х годов акад. П. А. Лавров писал ему: «Вы получаете много из Болгарии, чего у нас нельзя достать»²².

Укрепившиеся контакты советского слависта позволили ему с 1925 г. систематически публиковать свои оригинальные работы в болгарских научных сборниках, в журнале «Македонски преглед». Как издания Македонского научного института в Софии вышли и монографии Селищева «Полог и его болгарское население» (1929), «Славянское население в Албании» (1931), «Македонские кодики XVI—XVIII веков» (1933). В среде болгарских языковедов, фольклористов и историков авторитет Селищева был высок. Признанием его вклада в славистику явилось избрание советского ученого членом-корреспондентом Болгарской академии наук в 1930 г. В том же году Македонский научный институт избрал его своим Почетным членом. Но все это факты официального признания, а письма болгарских коллег позволяют нам полнее представить их отношение и к отдельным работам Селищева и в целом к нему как к человеку.

В мае 1922 г. Стефан Младенов, в то время уже профессор Софийского университета, писал Селищеву: «Глубокоуважаемый коллега, как я обрадовался Вашей от-

²⁰ «Филологические записки». Воронеж, 1914, вып. 5—6.

²¹ ЦГАЛИ, ф. 2231, оп. 1, ед. хр. 89, л. 2. На рус. языке.

²² ЦГАЛИ, ф. 2231, оп. 1, ед. хр. 101, л. 1.

крытие, посланной из Москвы 9 апреля! Это первые слова из России, которые я получаю с 1915 года. Получил я и Ваш „Диалектологический очерк Сибири“, вып. 1 (Иркутск, 1921). Большое спасибо за интересную книгу, которую Вы с полным правом посвятили А. А. Шахматову. Я прочитал Вашу книгу с величайшим удовольствием и нашел в ней массу чрезвычайно важных и ценных указаний. Радует меня и обстоятельство, что Вы никогда не забываете болгарских параллелей... Сегодня я Вам посыпаю некоторые из моих работ²³. В своих письмах Ст. Младенов всемерно поддерживал советского слависта в его работе над «Пологом», одобрял его научные позиции. В самой Болгарской академии наук он не раз выступал за издание в Софии «Введение в славянское языкознание», которое было подготовлено Селищевым, но так и не было по разным причинам издано. Один из доводов Ст. Младенова в защиту работы советского слависта состоял в том, что аналогичный курс Ф. Миклошича очень устарел и работа Селищева будет своевременной (из открытки 20 января 1932 г.).

Интересные данные содержит и письмо проф. М. Арнаудова — видного болгарского историка литературы, культуры и фольклора. В 1927 г. он писал Селищеву: «Я давно слежу за Вашими цепкими исследованиями по изучению Македонии в языковом и этнографическом отношении и радуюсь, что наши научные интересы соглашаются. Вы не знаете, что по счастливому совпадению я мог обойти Горпи и Долни Полог в 1917 году по Вашим следам и даже расспрашивать тех же людей, с которыми раньше разговаривали Вы. В течение двух летних месяцев я обошел все, почти все болгарские села Полога и записал много лингвистических и фольклорных материалов (особенно народных песен — лирику и эпос), которые готовлю издать в одном томе, как только освобожусь от других тем, поглощающих сейчас мое внимание. Теперь о другом: кроме той легенды о Крали Марко, я ничего не печатал, но у меня есть некоторые старые сведения о дедушке Кирилле Пейчиновиче. Позавчера я встречался с проф. Романским и просил, чтобы он переснял в Народной библиотеке рукопись Кирилла для Вас»²⁴.

Наиболее содержательной и длительной была переписка Селищева с проф. Л. Милетичем. Она длилась с начала 1928 г. до февраля 1937 г. В ЦГАЛИ в фонде Селищева сейчас хранится 39 писем и две открытки болгарского ученого. В них затрагиваются большей частью вопросы, связанные с публикацией работ Селищева. Кроме того, в них мы находим мнение Милетича по конкретным исследованиям советского слависта, сведения о положении Болгарской академии наук, его соображения о современном состоянии славистики. Эти письма проливают новый свет на отношения двух ученых и вскрывают тот круг вопросов, которые волновали обоих.

После выхода «Полога», в январе 1930 г., Л. Милетич писал Селищеву: «У нас печать высказалась очень положительно о Вашей книге, используя при этом повод сказать много добрых слов о Вас лично как ученом и друге болгарского народа... Примите и с моей стороны выражения искренней радости в связи с Вашим ценным для славистики трудом, не говоря уже об особой ценности, которую он имеет для болгарской филологии»²⁵.

Получив из Москвы рукопись книги Селищева «Славянское население в Албании» Л. Милетич спешил поделиться своим мнением: «О самом сочинении я скажу, что оно безусловно очень важно и интересно, поэтому Институт (имеется в виду Македонский научный институт.— В. З.) издаст его так же, как и Ваш „Полог“, только печатать его начнут с осени, самое позднее — в ноябре»²⁶. После ознакомления с рукописью книги о македонских кодиках Л. Милетич снова высказал свое отношение. Он считал их «весома интересным для науки вкладом относительно прошлого болгарского элемента в Македонии. Я удивляюсь Вашей работоспособности, дорогой коллега, и по этому случаю желаю Вам еще долгих лет крепкого здоровья и такой же плодотвор-

²³ ЦГАЛИ, ф. 2231, оп. 1, ед. хр. 110, л. 1. Письмо на рус. яз.

²⁴ ЦГАЛИ, ф. 2231, оп. 1, ед. хр. 70, л. 1. Письмо на болг. яз.

²⁵ ЦГАЛИ, ф. 2231, оп. 1, ед. хр. 109, л. 38. Письмо на болг. яз.

²⁶ Там же, л. 51, письмо от 1 VI 1930 г.

ной научной работы, которой Вы отлично поддерживаете славное репоме русской славистики прошлого»²⁷.

В 1927 г. в пражском журнале «Slavia» Селищев поместил рецензию на журнал «Македонский преглед», а с 1929 г. стал в нем регулярно сотрудничать. Здесь, вплоть до 1936 г., систематически публиковались его рецензии, научные сообщения и статьи лингвистического, исторического и историко-литературного характера. Отметим как наиболее характерные — «О переселении македонских болгар в Россию и греко-болгарский спор в Битольской и Охридской областях (из консультских донесений 1861—1874 гг.)», «Семья Д. Миладинова. Из донесения консула М. Хитрово (1864)», «Говор области Скопье», «Из биографии Станиславы Балкановой (страница по истории болгарского образовательного и национального движения в Македонии)», «К изучению македоно-болгарских записей», «Хаджи Иоаким и язык его книг». Как редактор журнала, Л. Милетич высоко ценил активное участие советского слависта в этом издании. «Для нас,— писал он в апреле 1932 г.,— Вы так много сделали своими статьями, которые мы публиковали в последние 2—3 года, что я и не знаю, как Вас благодарить за ценное сотрудничество»²⁸.

Через Селищева Л. Милетич намеревался расширить круг постоянных авторов в журнале, особенно путем приглашения советских ученых. Прежде всего он на негоился на помощь академику М. Н. Сперанского. В одном из писем болгарский ученый сообщал: «Сегодня написал и Михаилу Несторовичу Сперанскому, чтобы он любезно согласился прислать нам что-нибудь, что найдет интересным для нас — из книг Верковича, возможно сам напишет по поводу некоторых материалов, касающихся Македонии или вообще Болгарии. Сотрудничество русских ученых в нашем „Прегледе“ очень ценно для нас, и я бы радовался, если бы среди них был и уважаемый мной г. Сперанский, с которым у меня связаны приятные воспоминания личного знакомства и дружбы»²⁹.

В письмах Л. Милетича представляются интересными и его суждения о современном состоянии славистики. Они возникли в связи с первым конгрессом славистов, проходившим в Чехословакии в октябре 1929 г. За несколько дней до поездки в Прагу болгарский ученый писал Селищеву: «Не знаю, прибудут ли на конгресс слависты из России, из Москвы. Как было бы приятно, если бы мы встретились с Вами в Праге! От самого конгресса я не ожидаю многого и не только потому, что это первый конгресс славистов. Славистика сейчас в упадке, что видно и из программы. Примечательно, что в ней исключены вопросы славянской этнографии, а отведено широкое место фольклору и еще больше литературной истории. Оправдание, что славянская этнография фигурирует в программе славянских историков (где фольклор также представлен), никого не удовлетворяет. Славянскую этнографию нельзя отделять от славянской филологии, а если при всем этом она сейчас отстранена в предстоящем конгрессе, то это сделано по совсем другим, непаучным соображениям, что лучше всего знает господин проф. Мурко»³⁰.

В этих суждениях болгарского ученого не все бесспорно. Если с ним можно согласиться, что в конце 20-х годов славистика, действительно, переживала кризис, находилась на невысоком уровне, то тезис о непременном соединении славянской этнографии и филологии в какой-то мере отражает представление о славистике, характерное для периода конца XIX и самого начала XX в. В период развития филологических наук, как нам представляется, славянская этнография уже не играет столь важной роли в славяноведении, особенно при изучении явлений XIX и XX вв.

Впечатление ученого от самого конгресса, несмотря на критическое отношение к некоторым участникам, все же было более оптимистическое. «В Праге,— писал Милетич сразу после конгресса,— я видел из участников конгресса делегатов из Советской России и проф. Державина из Ленинграда. Из Москвы был, мне кажется, один

²⁷ ЦГАЛИ, л. 99, письмо от 8 II 1933 г.

²⁸ ЦГАЛИ, ф. 2231, оп. 1, ед. хр. 109, л. 89.

²⁹ Там же, л. 41, из письма от 2 III 1930 г.

³⁰ ЦГАЛИ, ф. 2231, оп. 1, ед. хр. 109, л. 24.

делегат, но я не успел с ним поговорить. Если бы Вы приехали на конгресс, Вы бы встретились со многими славистами-филологами со всего мира. В личных встречах, которые дали возможность обменяться мнениями о славистике, состоит главный успех конгресса. В самой научной работе конгресса очень мало было людей с солидными познаниями; преобладали рефераты молодых людей, больше посвященные историко-литературным изучениям (включая и обыкновенные статьи о беллетристических произведениях), а языкознание было очень, очень слабо представлено. Чехословацкое государство на этот раз оказалось очень щедрым, чтобы показать свое славянское гостеприимство, как редко когда, поэтому было много приемов, поездок по стране, чтобы можно было увидеть культурный прогресс чешского народа. Возвращались мы через Брно и Братиславу, где также были заседания конгресса»³¹.

Если переписка Селищева с Л. Милетичем и Ст. Младековым касалась больше проблем языковых, этнографических, нередко связанных с македонской проблематикой, то его связи с С. Чилингировым, как это было и в казанский период, поддерживались общим интересом к проблемам болгарской литературы. А эта сторона деятельности советского слависта совсем не освещалась в нашей науке и потому она представляет специальный интерес.

Уже в первом письме С. Чилингирову из Москвы, от 9 апреля 1922 г., Селищев писал: «Часто, очень часто вспоминаю Вас и наши беседы в Софии летом 1914 года. Много воды утекло — воды бурной, светлой и мутной. Я все тот же, с теми же взглядами и симпатиями! Живу в мечтах снова поработать на Балканах, в Македонии многострадальной. Получили ли в Софии I том моих „Очерков по македонской диалектологии“, вышедших в 1918 году? О втором volume я писал В. Н. Златарскому. Но духом не падаю. Что нового в болгарской литературе? Угнетает меня неосведомленность в ней. Очень прошу Вас написать мне и прислать общие обзоры болгарской литературной жизни за последние годы. Эта присылка меня весьма ободрила бы. Жду ее с нетерпением»³².

Итак, уже первое письмо Селищева после революции указывает на его серьезные намерения заняться болгарской литературой. Этим вызвана и просьба прислать соответствующую литературу. После 1922 г. интерес к литературе у слависта усиливается в связи с началом чтения им курса по истории болгарской литературы в Московском университете. Сведения об этом мы находим в его письме от 8 марта 1923 г. «В этом году,— писал Селищев,— читаю курс истории болгарской литературы. Для проектируемого словаря писателей сдал пачку заметок, энциклопедических статей болгарских писателей, в том числе и Вас. Теперь мне хочется написать очерк Новой болгарской литературы. Но вот беда: я не имею никаких сведений о болгарской литературной жизни за последние годы. Очень прошу Вас для нашего общего дела — пришлите мне номера журналов с обзором болгарской литературы за последние годы (1914—1921). Бандероли по почте теперь доходят... Попросите и других помочь мне. Мы ничего не знаем о вас. Сообщите, когда умер И. Яворов? П. Тодоров? Сердечно приветствую Вашу семью».

Благодаря помощи болгарских коллег и поддержке отдельных издательств Селищеву удалось в короткое время освоить основную проблематику болгарской литературы XIX—XX вв. В результате этого он не только читал общий курс лекций по болгарской литературе, но и писал о ней статьи, рецензии, сотрудничал в энциклопедиях (БСЭ, первое издание; Энциклопедический словарь Граната). То, что им опубликовано или сохранилось в рукописи, позволяет говорить, что в 20-е годы Селищев был наиболее компетентным советским славистом по болгарской литературе. (Напомним, что М. Н. Сперанский ограничивался проблематикой связей на материалах древних южнославянских литератур, П. А. Лавров занимался изучением периода древней болгарской письменности, связанной с деятельностью Кирилла и

³¹ ЦГАЛИ, л. 31, из письма от 20 X 1929 г.

³² Письмо из личного архива Д. Чилингирова (София).

Мефодия, а Н. С. Державин обратился к историко-литературным работам лишь в начале 30-х годов.)

Небольшие энциклопедические заметки А. М. Селищева о Х. Ботеве, И. Вазове, опубликованные в 1927 г. в Большой Советской Энциклопедии (т. 7 и 8), выгодно отличались от ранее публиковавшихся заметок П. А. Лаврова в справочных изданиях. В период 1928—1930 гг. в словаре Граната появились заметки Селищева о П. Тодорове, Н. Райнове, Г. Райчеве, И. Шишманове. Возможно, не все, что им было подготовлено, вошло в энциклопедический словарь (нет, в частности, и упоминавшейся им в письме заметки о С. Чилингирове), но то, что было напечатано, сделано добротно по фактическому материалу и историко-литературным оценкам. Кроме того, в словаре Граната были помечены подготовленные им заметки о некоторых сербских писателях (Б. Радичевич, М. Ракич). Впрочем, обращения слависта к сербской литературе носили более эпизодический характер.

В ноябре 1923 г. Селищев снова писал Чилингирову: «Я кое-что подрабатываю по болгарской филологии. Написал небольшой очерк болгарской литературы³³. Недостает материала для последних лет. Мало также времени для научной работы. Не найдет ли возможным Народная библиотека прислать мне описание болгарских печатных изданий, сделанных В. Погореловым?» Упоминаемая «Опись» проф. В. Погорелова, вышедшая в Софии в 1923 г., была выслана Селищеву, и он откликнулся на нее рецензией в пражском журнале «Slavia». «Изучающему различные стороны болгарского возрождения,— писал он в своем отзыве,— необходимо самым тщательным образом собрать небогатые, уцелевшие материалы, как бы ни были они отрывочны и детальны, по отношению к состоянию болгарского народа во второй половине XVIII и в первой половине XIX столетия»³⁴. Здесь, как и в ряде других работ, советского слависта интересуют памятники письменности как явление общекультурного процесса в жизни болгарского народа. Исследователь сам находился как бы на стыке наук — исторической и филологической.

Собирая по крупицам дополнительные сведения о Долни Пологе и Кирилле Нейчиновиче, А. М. Селищев одновременно интересуется собственно болгарской литературой, а в письмах все чаще появляются просьбы выслать сборники, книги писателей. Так в январском письме 1924 г. мы находим: «Я опять к Вам с просьбой. Болгарское Министерство народного просвещения издало ряд книг по болгарской литературе: 1) Български белетристи. Нареди В. Иорданов; 2) Български поети. Под ред. на Хр. Цанков; 3) А. Страшимиров. Антология. 1922. Эти антологии чрезвычайно нужны мне для курса лекций и для практических занятий по новой болгарской литературе. Прошу Вас, обратиться от моего имени в Министерство народного просвещения с просьбой прислать мне эти издания». Летом того же года указанные книги были им получены, что подтверждается письмом Селищева от 25 октября 1924 г. В другом письме он дополнительно просит: «Приобретите, пожалуйста, вторую часть книги Б. Ангелова „Българска литература“ (София, 1924) и пришлите мне. Она очень нужна мне». Вскоре эта книга была выслана Селищеву в Москву, а в январском номере журнала «Slavia» за 1926 г. появилась на нее развернутая рецензия советского слависта.

Работа Божана Ангелова представляет собой собственно историю болгарской литературы со времени Паисия Хилендарского до современности (до начала 20-х годов). В целом Селищев называет книгу «лучшим из существующих общих курсов по болгарской литературе». И в этом с ним нельзя не согласиться. Характеризуя освещение литературы после национального освобождения, советский славист выделяет три основных этапа, как они определяются в книге: 1) Литература 80—90-х годов во главе с И. Вазовым; 2) Период новейшей литературы во главе с Пенчо Славейковым и Крыстевым-Миролюбовым и 3) Характеристика литературной деятельности последних лет.

³³ Видимо, это был самый первый рабочий вариант статьи, в печати она не появлялась и в архиве среди рукописей не сохранилась.

³⁴ «Slavia», 1926, № 2, стр. 253.

В целом А. М. Селищев высоко оценивает два первых раздела, хотя и вступает в полемику с историком болгарской литературы. «Мы не можем только вполне принять,— пишет он,— такое резкое обособление культурных идеалов Вазова и его последователей и современников, с одной стороны, и Пенчо Славейкова и его круга — с другой... И. Вазов и его современники не замыкались только в одной болгарщине; они не были чужды и культурно-художественных ценностей других европейских народов. С другой стороны, Пенчо Славейков и лучшие представители его круга связаны неразрывно с болгарской жизнью, с болгарским бытом, с болгарской поэзией»³⁵. Далее рецензент иллюстрирует свою мысль на ряде примеров из творчества Пенчо Славейкова, П. Яворова, П. Тодорова. Эта полемика свидетельствовала о самостоятельности суждений Селищева по принципиально важным вопросам болгарского историко-литературного процесса. Она показывает его способность остро ставить узловые вопросы развития национальной литературы. Интересно отметить, что поднятая в рецензии Селищева проблема и до настоящего времени остается в науке одной из спорных и недостаточно освещенных. Когда же он ее поднимал на страницах научной славистической печати, она была во многом новаторской.

Наиболее слабым разделом книги Селищев считал современный, так как здесь, по мнению рецензента, «автору не удалось справиться с личными настроениями в отношении к современным писателям». Он, например, считал совсем несправедливым резкий отзыв о деятельности Антона Страшимирова. Заметим, кстати, что в данном случае Селищев оказался первым советским славистом, высоко оценившим творчество крупного писателя—демократа и реалиста. Далее рецензент упрекал Б. Ангелова за неудачный отбор произведений для анализа, проявив при этом хорошее знание литературных произведений и умение оценить их в контексте литературного процесса. В высшей степени интересны суждения рецензента о разносторонних связях болгарской литературы. Селищев не склонен все новое в литературе объяснять проблемой связей, но он выступает и против их недооценки. По его справедливому мнению, «изучение этих воздействий поможет надлежащим образом выяснить те или иные болгарские литературные явления»³⁶. То есть изучение литературных связей и взаимодействий способствует выявлению национального и своеобразного. Мысль во всех отношениях плодотворная.

Мы привели эти оценки Селищева, чтобы еще раз подтвердить научную значимость его литературоведческих суждений, прекрасное владение материалом, смелость в постановке вопросов и несомненное эстетическое чутье исследователя. Знакомство с его оценками литературоведческих работ, заметками о творчестве писателей позволяет говорить, что и курс его лекций по болгарской литературе, который он совершенствовал из года в год, был насыщен в должной степени материалом, а по своим концепциям был на уровне достижений науки тех лет.

До конца 20-х годов проблемы болгарской литературы продолжали его интересовать в разных аспектах. Об этом мы можем судить по ряду его писем к С. Чилингию. В марте 1925 г. он сообщал: «В этом году я занимаюсь со студентами между прочими предметами и новой болгарской литературой (по понедельникам). Прошлый понедельник и завтра разбираем Антона Страшимирова, которого так беспощадно выругал Б. Ангелов в своей книге. Скоро доберемся и до Вас. С просьбой к Вам: не откажите прислать Ваши произведения 1915—1922 годов, и еще прошу о присыпке „Известия на Народния етнографски музей в София“. Там имеется ряд весьма важных статей по этнографии».

Из письма 1927 г.: «С большим удовольствием читал Ваш наставительный „Хлеб насущный“ (роман 1926 г., одно из наиболее запечатленных произведений Ст. Чилингию.— В. З.). Стараюсь отгадать, где *Wahrheit*, а где *Dichtung*? Стилиан — это Стилиан Хаджи Добрев Чилингию? К моему прискорбию п этим летом нельзя было поехать за границу».

³⁵ «Slavia», 1926, № 1, стр. 165.

³⁶ Там же, стр. 166.

Из письма 1928 г.: «Не имею никаких информации о болгарской литературной жизни. Мне нравятся стихотворения, простые и искренние, молодого вашего поэта Стубела³⁷. Не вышел ли отдельный сборник его стихотворений? Я очень хотел бы иметь такой сборник». И еще из письма 1929 г.: «Давно уже я получил Ваш роман (речь идет о романе „Шинель без погон“, 1928 г., из жизни русской эмиграции.— В. З.), внимательно прочитал его, но сообщить свои замечания я не могу».

На этом практически прекратилась переписка Селищева с Чилингировым. Объясняется это тем, что с начала 1928 г. советский славист целиком погружается в языковедческую и историко-этнографическую проблематику. Времени для занятий болгарской литературой не остается. Впрочем, это не единственная причина.

Если мы присмотримся к тому, какими писателями, какими произведениями из болгарской литературы интересовался Селищев, то не трудно обнаружить его основные литературные привязанности. Он занимался прежде всего периодом после национального освобождения Болгарии, т. е. концом XIX и началом XX в., вплоть до начала 20-х годов. В этом периоде наибольшее внимание слависта привлекали писатели круга И. Вазова, а также Н. Тодорова и Пепчо Славейкова. В поле зрения его литературоведческих интересов не входила современная пролетарская и революционная литература Болгарии. Методологически он был ближе к культурно-исторической школе. Между тем во второй половине 20-х годов в советском литературоведении утверждались принципы марксистского литературоведения. Пробивали они себе путь и в области изучения зарубежных славянских литератур, что выразилось, в частности, в социологическом анализе литературных явлений. Основные методологические принципы Селищева не соответствовали этому новому направлению в литературоведении.

К такому заключению нас приводят печатные выступления слависта и оставшаяся в рукописи его статья о Стояне Михайловском. До настоящего времени принято было считать, что в Советском Союзе к творчеству крупного болгарского сатирика Ст. Михайловского впервые обратился Н. С. Державин. Известна его статья «Стоян Михайловский как сатирик», опубликованная в Трудах Института славяноведения в 1932 г. Сейчас в это положение мы должны внести некоторую поправку. Ознакомление с архивом А. М. Селищева показывает, что московский славист еще в 1927 г. написал первый очерк о Михайловском, который, правда, так и не был издан. Рукописный текст его, объемом в половину авторского листа, хранится в архиве³⁸. Первая часть статьи переписана начисто, вторая — представляет первоначальный вариант с несколькими пропусками для цитат. Собственно же авторский текст слависта здесь дается полный, и мы можем говорить о нем как о законченной статье.

Очерк Селищева о Ст. Михайловском носит научно-популярный характер. Можно предположить, что статья готовилась для советского читателя. Но так как в то время у нас не было специальных славистических изданий, а для широкого круга читателей одно имя болгарского поэта еще ничего не говорило (ведь произведения его не переводились), автор так и не смог ее опубликовать. Сейчас это один из фактов творческой биографии ученого, — факт, имеющий отношение к нашей литературоведческой мысли 20-х годов. Потому работа заслуживает внимания. Отдельные положения статьи имеют определенное значение и в наше время. Если упоминавшаяся статья Н. С. Державина о Михайловском привлекла внимание новой, пусть даже спорной и не всегда убедительной, постановкой вопроса о мировоззренческих позициях болгарского писателя и творчество его рассматривалось на основе социологического анализа, то статья А. М. Селищева, написанная с пытками методологических позиций, интересна наблюдениями над стилем, особенностями тональности, господствующими настроениями в отдельных поэтических циклах и жанрах Михайловского. В то же время оба слависта, независимо друг от друга, обратили пристальное внимание на связь поэта с окружавшей его действительностью и на общий обличительно-критический пафос его произведений.

³⁷ Стубел Йордан (1897—1952) — болгарский поэт, автор сборников стихотворений «Судьба» (1925) и «Сиротские песни» (1934).

³⁸ ЦГАЛИ, ф. 2231, оп. 1, ед. хр. 11, л. 1—19.

Уже в самом начале статьи, характеризуя общий облик поэта, Селищев писал: «Мрачный тон его поэзии и наставительных речей вызван был недугом его родной страны и общим сумрачным миросозерцанием поэта. Михайловский чуток был ко всем больным вопросам дня в общественной и политической жизни Болгарии и отзывался в них с свойственной ему проникновенностью — отзывался как писатель и как народный трибун»³⁹. На эти стороны литературной деятельности писателя мы и сейчас обращаем внимание, правда, с некоторой оговоркой. Мы говорим о них применительно к его произведениям конца XIX и самого начала XX в. Позднее у писателя наступил творческий кризис, и он оказался в стороне от демократического движения своего времени.

К зрелому и творчески активному периоду деятельности Михайловского следует отнести и такую оценку, которую мы находим в статье советского слависта: «Произвол и насилие болгарских властей запечатлены в разных формах во многих произведениях... Не только тирания власти, но и тупость толпы и в особенности беспринципность и продажность болгарской журналистики были предметом самых энергичных обличений Михайловского. Изливая свое негодование по отношению к этим язвам болгарского общества, Михайловский является писателем-борцом неустрешимым»⁴⁰. В своей статье Селищев характеризует вклад поэта в развитие болгарской басни, высоко оценивает такие крупные произведения, как «Книга о болгарском народе», «Книга об оскорбленах и бесправных». Глубокопоэтичным он называет стихотворение «Лама Сабахтани», в котором, по мнению слависта, переданы «некоторые мотивы личной исповеди одинокого старого поэта Болгарии». Большое впечатление произвели на Селищева и произведения поэта с восточными мотивами. «Красотой, колоритностью и проникновенностью мысли, — писал он, — отличаются стихотворения Михайловского с подражанием восточным мотивам. Такова, например, легенда „Той, о которой не следует говорить“. Или вот еще его „Турецкая песня“ с типичным восточным мотивом севдалии. Очарованный красотой Фатмы, молодой турок невольно сделал великий грех: в благоухании розы, в дыхании Магомета ему почудилось дыхание его возлюбленной Фатмы»⁴¹.

Очерк Селищева «Стоян Михайловский» — одна из последних литературоведческих работ советского слависта.

Подводя итоги, отметим еще раз: цепное в научной и педагогической деятельности А. М. Селищева состоит в том, что он был славистом широкого профиля. Это находит свое подтверждение и в его связях с болгарскими учеными и литераторами. Как исследователь, автор работ по лингвистике, этнографии, диалектологии и литературе, он не замыкался в пределах одной научной дисциплины, а всегда стремился по мере своих сил содействовать развитию всего комплекса славяноведческих дисциплин. Он хорошо понимал те тяжелые условия, в которых складывалась национальная культура славянских народов, и стремился содействовать их сближению и национальному развитию.

Весь научный и педагогический опыт А. М. Селищева служил делу становления советского славяноведения, которое после второй мировой войны уже силами его учеников и последователей вступало в новый этап своего развития.

³⁹ ЦГАЛИ, ф. 2231, оп. 1, ед. хр. 11, л. 1

⁴⁰ Там же, л. 5—6.

⁴¹ Там же, л. 18

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

В. В. ЗЕЛЕНИН

К БИОГРАФИИ ДУНДИЧА

Имя героя гражданской войны, отважного серба-интернационалиста О. Дундича овеяно легендарной славой. Однако если о боевых подвигах Дундича в рядах героической Первой Конной армии знает, как говорится, и стар и млад, то в целом его биография до самого последнего времени оставалась загадкой. Где, когда, в какой семье родился Дундич? Как сложилась его жизнь до первой мировой войны и во время нее? Как он попал в Россию? Где, когда, при каких обстоятельствах началась его служба в Красной Армии? Ответить на все эти (и многие другие) вопросы на основании существовавшей литературы о Дундичеказалось невозможным, ибо в ней либо ничего не говорилось о ранних годах жизни героя, либо именно в описании этих лет имелись такие серьезные противоречия, что разрешить их было невозможно без новых абсолютно достоверных источников.

В этой обстановке стало возможным появление разнообразных версий биографии Дундича, построенных на предположениях и домыслах и опирающихся не на документы, а лишь на воспоминания, ценность которых, как правило, обратно пропорциональна количеству лет, прошедших со времени событий.

На протяжении десяти последних лет активные поиски материалов о Дундиче развернулись на родине героя — в Югославии. Многие югославские газеты стремились проникнуть в «тайну» рождения и ранних лет жизни знаменитого Красного Дундича. Наиболее упорными «следопытами» были журналист Миодраг Ашанин и инженер Лазарь Чолич, выдвинувшие предположение, что имя «Олеко Дундич» является псевдонимом серба Милутина Чолича, пропавшего без вести в 1915 г. во времена оккупации Сербии австро-германскими войсками¹.

Югославская печать широко откликнулась на все, что связано с именем Дундича. Много писалось и о гипотезе Ашанина—Чолича. Со страниц югославских газет эта гипотеза перекочевала в советские газеты и журналы и даже на страницы 2-го издания Большой Советской Энциклопедии (т. 51). Несдавно М. Ашанин и Л. Чолич выпустили книгу «Алекса Дундич — сабля над степью»², в которой в наиболее полном виде изложена концепция Олеко Дундич — Милутин Чолич, выдвинутая ими впервые в 1956 г., причем в этой книге в качестве доказательства фигурируют и все газетные и прочие статьи, появившиеся в советской печати в 1956—1965 гг., основанные на югославских газетных материалах и некритически воспринявшие гипотезу Ашанина—Чолича.

Между тем в материалах советских архивов, в газетах и журналах периода гражданской войны, содержащих немало документов и материалов о Дундиче, нет ничего, что бы хоть в малейшей степени подтверждало версию Дундич — Чолич. Более того, обнаруженная недавно биография Дундича, опубликованная еще при жиз-

¹ Гипотеза Ашанина — Чолича основывается на том, что в советской литературе 30-х годов упоминается фамилия Чолич как фамилия Дундича. Инженер Лазарь Чолич является племянником Милутина Чолича.

² Миодраг Ашанин, Лазарь Чолич. Алекса Дундич — сабля над степом. Титово Ужице, 1967, 174, стр. + 20 илл.

ни героя в газете «Воронежская коммуна»³, позволяет восполнить имеющийся до сих пор пробел в источниках о жизни легендарного Красного серба Дундича и ответить на большинство поставленных нами выше вопросов. Дополненная другими материалами (архивные документы, свидетельства современников, статьи из газет времен гражданской войны), она позволяет воссоздать настоящую биографию Красного Дундича.

* * *

«Товарищ Дундич родился в 1896 г. в Далмации близ города Имацки в деревне Гробово⁴ в крестьянской семье. Двенадцатилетним мальчиком т. Дундич уехал в Америку к своему дяде⁵. Здесь он побывал и в штатах северной Америки, и в Аргентине, и в Бразилии, где был одним из отважнейших наездников при перегоне скота. После 4 лет жизни в Америке по требованию отца мальчик Дундич вернулся домой и стал работать на отцовских виноградниках, пахать землю и вести другие крестьянские работы.

Но вскоре разыгралась кровавая бойня мировой войны, и юноша Дундич поступил добровольцем в ряды сербской армии. Здесь в боях с болгарами и австрийцами началась его военная карьера.

Когда сербская армия была разбита и оттеснена в горы Албании, т. Дундич[а] вместе с другими перевезли на французский фронт, откуда вскоре их перевезли в Россию и бросили на австрийский фронт. В боях под Луцком т. Дундич был сильно ранен в ногу, и после двухсуточного лежания в лесу с перебитой голенью его подобрали и увезли в Австрию в плен.

Чуть оправившись от болезни, т. Дундич задумал бежать, но неудачно, его поймали, избили и засадили в тюрьму. Тут он встретился с одним русским пленным, сообщившим т. Дундичу сведения о русской революции, о возникновении Советов, о большевиках и т. д. Новый побег, и т. Дундич на Украине, где попадает на работу на рудник около Бахмута.

Наступление Каледина и немцев заставило т. Дундича приняться за организацию партизанского отряда. Нашли на военный обоз, разграбили оружие и патроны, вооружили шахтеров, рабочих, крестьян, и начался ряд боевых выступлений на Белой Калитве, на Лозовой, в Кременчуге. После захвата Украины немцами т. Дундич со своим отрядом переправился на Царицынский фронт к «большевикам», где его по оговору одно время арестовали, но товарищи по отряду напали на тюрьму и освободили своего начальника...»⁶

Дальнейший путь Дундича полностью прослеживается по другим материалам, в которых также содержатся и некоторые важные факты, освещающие самые первые шаги молодого интернационалиста в рядах защитников Советской власти.

В дни борьбы против калединского мятежа судьба свела Дундича с членом большевистской военной организации, одним из руководителей разгрома калединщины прaporщиком Р. Ф. Сиверсом, возглавившим группу красногвардейских отрядов.

«Отдельно надо упомянуть об отряде товарища Дундича (150 человек), входившем в группу товарища Сиверса, — писал соотечественник Дундича серб Данило Сердич,

³ «Воронежская коммуна», 1919, 18 ноября. Эта газета была обнаружена М. М. Сумароковой. Ею и автором этих строк опубликована статья «Легенды и действительность. Факты из биографии Красного Дундича». — «Прометей», т. 5, М., 1968. Здесь содержится подробный историко-биографический анализ всех известных биографий Дундича и сообщается о других находках документальных материалов о нем.

⁴ Правильно — Имотски, однако до самого последнего времени жители этого города и округи произносили название города именно так, как записал его корреспондент газеты со слов Дундича. Название села написано неточно. Должно быть: Грабовац.

⁵ Именно из Далмации в XIX в. шел наиболее интенсивный поток экономической эмиграции за океан.

⁶ «Воронежская коммуна», 1919, 18 ноября. Статья озаглавлена «Красный Дундич», автор подписался как Арх-ский. До этого газета уже дважды знакомила своих читателей с Дундичем (1 и 9 ноября).

активный участник Октябрьской революции и гражданской войны.— Это был один из самых героических отрядов. Пробившись к Царицыну, он впоследствии влился в Морозово-Донецкий отряд, которым руководил товарищ Щаденко».⁷

В конце мая — начале июня 1918 г. Дундич в Царицыне, геройски отражающем бешеные атаки белоказачьих полчищ Краснова. Здесь он встречает немало своих соотечественников-югославян, в составе других отрядов отступивших с Украины под патиском врага. Вскоре в Царицыне оказались: объединенный красногвардейский отряд под командованием Д. Сердича и С. Димитриевича, принявший название сербско-советский батальон⁸, югославянский отряд под командованием Николы Груловича и некоторые другие. Вскоре сербско-советский батальон и югославянский отряд объединились, образовав 1-й Югославянский коммунистический полк, насчитывающий около 1000 бойцов. Командиром полка стал Д. Сердич, комиссаром — Н. Грулович⁹. Местом расквартирования полка был назначен Черный Яр¹⁰.

Хотя в 1-м Югославянском коммунистическом полку находилось большинство югославянских интернационалистов, оказавшихся в то время в Царицыне, Дундич в этот полк не попал. Одной из причин этого был инцидент с Царицынской федерацией иностранных коммунистов, нашедший свое отражение в документах, которые играют большую роль в выяснении ряда моментов в биографии Дундича.

Как известно, весной 1918 г. под влиянием Октябрьской революции и в результате неутомимой организаторской работы ленинской партии наиболее революционные элементы из рядов военнопленных (а плених в России к осени 1917 г. было около 2 млн.) стали объединяться в коммунистические группы. Группы иностранных коммунистов при РКП(б) создавались в основном по национальному признаку. Так, в марте — мае 1918 г. в Москве были созданы венгерская, румынская, чехословацкая, немецкая и южнославянская коммунистические группы, объединившиеся в Федерацию иностранных групп РКП(б). На местах, в зависимости от обстановки, создавались либо отдельные национальные коммунистические группы, либо местные федерации, подчинявшиеся соответствующей национальной группе в Москве и Центральной федерации иностранных групп. Местные группы и федерации работали под непосредственным руководством губкомов и горкомов РКП(б). Одной из важнейших задач интернационалистских организаций была агитация за вовлечение бывших военнопленных в ряды Красной Армии, которая первоначально создавалась на добровольной основе. Этот принцип особенно строго соблюдался по отношению к «иностранным пролетариев», как во многих местах России после Октября стали называть бывших военнопленных. Иностранные коммунистические группы в тесном контакте с советскими военными и партийными органами и под их руководством формировали интернациональные воинские части из бывших военнопленных, добровольно изъявивших желание защищать дело Октября.

Летом 1918 г. в Царицыне имелась Федерация иностранных коммунистов, руководящую роль в которой играла немецкая коммунистическая группа. Председателем Царицынской федерации был немец Гильберт Мельхер. Югославянскими представи-

⁷ Д. Сердич. Балканские рабочие и крестьяне в коннице Буденного. «Огонек», 1935 (спецномер). Неизвестно, каким был отряд Дундича — пешим или конным. Но очень скоро Дундич перебрался в конницу. Как сообщает видный деятель интернационалистского движения югославский коммунист Н. Грулович, Дундич прибыл в Царицын в составе кавалерийского дивизиона из группы Сиверса (Н. Грулович. Югославия в рату и Октябрьской революции. Београд, 1962, стр. 227).

⁸ Отряд Д. Сердича (около 700 бойцов) отступал от Екатеринослава, отряд С. Димитриевича (около 150 бойцов) — от Одессы. В Котельниково оба огryда слились в один. Димитриевич был избран командиром, Сердич — начальником штаба. Вскоре Димитриевич заболел, и во главе сербско-советского батальона стал Д. Сердич (Н. Грулович. Указ. соч., стр. 224—225; ЦГАСА, ф. 28361, оп. 2, д. 167, л. 25—30. См. также: Д. Сердич. Балканские рабочие и крестьяне в коннице Буденного. «Огонек», 1935, спецномер).

⁹ Н. Грулович. Указ. соч., стр. 227 и сл.

¹⁰ Д. Сердич. Указ. соч.; Н. Грулович. Указ. соч., стр. 240 и сл.

телями в Исполкоме Федерации были Лазарь Вукичевич и Лазарь Райкович¹¹. В состав Федерации входили также венгерские, румынские и болгарские коммунисты.

В июне 1918 г., в разгар непрекращающихся атак белоказачьих отрядов на Царицын, Федерация иностранных коммунистов вела среди бывших военнооплененных активную агитацию за вступление в Красную Армию. Под руководством Царицынской федерации началось формирование интернационального батальона. Пост командира батальона было предложено занять Дундичу. Однако он отказался от этого предложения. Отказался он и тогда, когда ему был предложен пост командира 2-й роты¹². Почему? По очень простой причине: он не умел... читать и писать¹³.

Молодой интернационалист прекрасно понимал, что пока он командовал небольшим партизанским отрядом, это обстоятельство не играло большой роли. Другое дело — командование батальоном или пусть даже ротой в регулярной Красной Армии, а особенно в многоязычном интернациональном батальоне. Здесь нужна была грамотность. Кроме того, как страстного кавалериста, Дундича не устраивала служба в пехоте, и он обратился с просьбой перевести его в кавалерию¹⁴.

Но при этом Дундич совершил серьезное нарушение революционной дисциплины: стремясь перейти в кавалерию, он начал агитацию среди бойцов интернационального батальона за переход в кавалерийский отряд, обещая им повышенные оклады и тем самым мешал делу формирования батальона. Федерации пришлось принять меры: было назначено расследование, опрошены бойцы батальона, которых Дундич уговаривал перейти в кавалерию. На заседании, состоявшемся 27 июня 1918 г., Федерация решила исключить Дундича из состава батальона и добиваться того, чтобы его не принимали в другие части Красной Армии¹⁵. Это было серьезным уроком для молодого интернационалиста.

Вскоре разразились новые события. В самые тяжелые дни августовского наступления красновцев на Царицын в городе был вскрыт контрреволюционный заговор. В нем приняли участие некоторые контрреволюционно настроенные сербские офицеры из бывшего Сербского добровольческого корпуса, окошавшиеся в сербской караульной роте. Раскрытию заговора содействовали югославянские интернационалисты из сербско-советского батальона, бойцов которого заговорщики пытались привлечь на свою сторону. В ходе операции по ликвидации заговора Царицынская ЧК произвела аресты, и в том числе в сербских частях. Среди арестованных оказался и Дундич¹⁶. После того как ЧК расследовала дело о заговоре, все невиновные в контрреволюционных действиях были выпущены, а сербско-советскому батальону была объявлена благодарность за помощь в разоблачении заговорщиков¹⁷. Выпущен был из-под ареста и Дундич.

Вскоре настойчивое желание Дундича служить в кавалерии было удовлетворено. По ходатайству югославянской секции Царицынской федерации иностранных коммунистов Дундич был направлен в кавалерийскую бригаду под командованием Ивана

¹¹ Н. Грулов и др. Указ. соч., стр. 228.

¹² Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (далее ЦПА ИМЛ), ф. 549, оп. 1, ед. хр. 78, л. 56.

¹³ В этом нет ничего удивительного, если мы вспомним о детских годах Дундича. Неграмотность сельского населения югославянских провинций Австро-Венгрии (за исключением Словении) была в те годы скорее нормой, чем исключением. Но если он даже и окончил начальную школу, то за четыре года, проведенные вдали от родины в бескрайних прериях и пампасах Америки, в чужой языковой среде, без какой-либо литературы на родном языке, он легко мог растерять скучный запас знаний, дававшийся в школе.

¹⁴ В архиве сохранилась запись (на немецком языке) о том, что Дундич, «который из-за неумения читать и писать оказался неспособным занять доверенный ему пост командира батальона, а позднее командира 2-й роты, по своей инициативе явился к товарищам Мельхеру и Вадашу с заявлением о своем отказе от должности командира и просьбой перевести его в кавалерийский дивизион». (См. там же).

¹⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 549, оп. 1, ед. хр. 78, л. 52.

¹⁶ Н. Грулов и др. Указ. соч., стр. 234—238.

¹⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 549, оп. 6, ед. хр. 211, л. 6—об.

Крючковского, сражавшуюся в то время на Донском фронте¹⁸. Было это в конце августа — начале сентября 1918 г. С этого дня началась служба Дундича в красной коннице.

Как известно, зародышем будущей прославленной Первой Конной армии явился созданный С. М. Буденным в феврале 1918 г. красногвардейский кавалерийский отряд, выросший к концу августа в полк, а несколько позднее — в бригаду. В октябре 1918 г. бригада Буденного объединилась с бригадой Булаткина, и они составили Особую Донскую кавалерийскую дивизию. Вскоре в бригаду Булаткина влилась немногочисленная по своему составу кавалерийская бригада Ивана Крючковского¹⁹, в рядах которой к тому времени уже находился Дундич.

О первых шагах Дундича в красной коннице ничего неизвестно, но, видимо, сражался он хорошо и вскоре был назначен помощником командира 19-го кавалерийского полка 4-й кавалерийской дивизии²⁰. За время всей своей службы в Красной Армии Дундич выше этой должности не поднимался. Думается, что главной причиной этого было отсутствие образования. Из всей литературы о Дундиче видно, что он был не столько командиром, сколько мастером кавалерийского боя, внезапного стремительного налета. Именно это его мастерство принесло ему поистине легендарную славу.

Выдающиеся качества бойца-кавалериста, которыми обладал Дундич, особенно ярко развернулись в буденновской коннице. Можно без преувеличения сказать, что Дундич был словно рожден для нее.

На протяжении всего 1919 г. красная кавалерия, действовавшая на Южном фронте, и в первую очередь в районе Царицына, уступала кавалерии белых и в численности, и в вооружении, и в снаряжении. Но, как правило, из столкновения красной кавбригады с белой кавдивизией (или красной кавдивизии с белым кавкорпусом) победителем выходили советские конники. Причиной этого были не только убежденность красноармейцев в правоте дела, за которое они сражались, их высокий боевой дух, но и рождавшаяся в ходе гражданской войны передовая новаторская тактика красной кавалерии, творцами которой были народные полководцы С. М. Буденный, О. И. Городовиков, И. Р. Апанасенко, С. К. Тимошенко и другие.

Высокая маневренность, внезапные налеты на врага, крепкая товарищеская спайка, взаимная выручка в бою — все эти качества помогали буденновцам успешно громить врага. Несомненный талант Дундича как лихого кавалериста очень скоро создал ему широкую известность среди буденновцев.

Летом 1919 г. Дундич уже в новой должности — он «состоит для особых поручений» при командире конкорпуса С. М. Буденном²¹. В середине августа корпус ведет успешные бои в районе Камышина, и у Буденного появляется замысел смелым налетом вернуть Царицын, оставленный красными войсками два месяца тому назад. При этом он предложил план: послать в Царицын командира 22-го кавполка Федора Морозова и Дундича с тремя десятками лихих удальцов с задачей захватить в плен находившегося тогда в Царицыне Врангеля²². Изменение обстановки на фронте нарушило эти планы.

¹⁸ Н. Грулович. Указ. соч., стр. 238—239. По свидетельству Груловича, Дундич и еще несколько югославянских интернационалистов просили перевести их к Крючковскому. Это вполне понятно, так как И. Крючковский был заместителем у Сиверса, а после его ранения известное время командовал бригадой, и Дундич, видимо, хорошо знал его.

¹⁹ С. М. Буденный. Красная конница. М.—Л., 1930, стр. 21.

²⁰ В марте 1919 г. Особая Донская кавдивизия С. М. Буденного была переименована в 4-ю кавдивизию (С. М. Буденный. Пройденный путь. М., Воениздат, 1958, стр. 153).

²¹ ЦГАСА, ф. 7657, оп. 1, ед. хр. 71, л. 55. Конный корпус был создан 6 мая 1919 г. путем объединения 4-й кавдивизии (Буденного) и 1-й Ставропольской кавдивизии (Апанасенко), которая в составе корпуса стала называться 6-й кавдивизией. (См. С. М. Буденный. Пройденный путь, стр. 168—169).

²² С. М. Буденный. Пройденный путь, стр. 229—230.

Вскоре Дундичу пришлось ненадолго расстаться со своим верным другом — боевым конем. В конце августа — начале сентября на станции Михайловка были захвачены три бронепоезда белых. Приказом от 2 сентября Буденный назначил Дундича вриод командира бронепоезда «Буденный» (б. «Генерал Мамонтов»). Но это назначение было явно временным, что видно и из самого приказа, и из последующих действий Дундича²³.

Уже 26 и 27 сентября Дундич вновь в строю кавалеристов участвует в ожесточенных боях, которые под станицей Казанской конкорпус вел с сильной конной группой генерала Савельева. Отчаянное сопротивление буденновцам оказала офицерская бригада генерала Арбузова. В жестоком бою она была изрублена целиком. В этом бою Дундич зарубил 7 офицеров. Под ним был убит конь. Сам он был ранен²⁴. Но рана, видимо, была не тяжелой, потому что меньше чем через месяц он совершает свою, ставшую столь знаменитой, дерзкую вылазку в занятый белогвардейцами Воронеж²⁵. Вот как описал этот эпизод корреспондент газеты «Воронежская коммуна» Н. Никодимов: «На торжественном заседании т. Буденный представил мне одного из своих боевых сотрудников — т. Дундича. Мужественное молодое лицо так юно улыбается, когда сидящий рядом черноусый командир корпуса т. Буденный рассказывает чудеса про его боевые подвиги, про боевую отвагу героя из героев конкорпуса — т. Дундича.

— Это он — наш красный Дундич, — говорит т. Буденный, — произвел лихой налет с четырьмя товарищами на Воронеж за несколько дней до оставления его белыми. Пять «сорви-голов» прорвались на Проспект Революции и наделали такую панику, как будто в город ворвался целый полк»²⁶.

24 октября 1919 г. Воронеж был освобожден, а 28-го состоялось торжественное заседание, описанное в упомянутой выше корреспонденции Н. Никодимова. Конкорпус готовился к новым боям с потрепанными, но еще не добитыми белогвардейскими войсками Мамонтова и Шкуро.

4 ноября в Воронеж прибыл председатель ВЦИК М. И. Калинин. Он привез красным кавалеристам подарки от тружеников тыла²⁷. Командиром почетного эскорта при встрече и проводах «всероссийского старости» был назначен Дундич. М. И. Калинин беседовал с Дундичем, который рассказал ему несколько боевых эпизодов. Дундич произвел на М. И. Калинина впечатление человека, игравшего своей жизнью, наслаждавшегося теми мгновениями, когда она висела на волоске²⁸.

Во время пребывания Конного корпуса Буденного в Воронеже Дундич пользовался огромной популярностью среди жителей города, чему, несомненно, способствовала газета «Воронежская коммуна»²⁹. Во вторую годовщину Октября — 7 ноября 1919 г. — в Воронежском большом театре состоялся «митинг-спектакль». Во время одного из антрактов Дундичу, присутствовавшему на спектакле, публика устроила шумные овации³⁰.

Вскоре Дундич оказался в госпитале — возможно, он был ранен в боях за Касторное, развернувшихся 8 — 10 ноября, а затем продолжавшихся 14—15 ноября. Здесь его посетил корреспондент «Воронежской коммуны» Арх-ский, опубликовавший биографию Дундича, записанную им с его слов³¹.

²³ ЦГАСА, ф. 7657, оп. 1, д. 71, л. 55.

²⁴ С. М. Буденный. Пройденный путь, стр. 247.

²⁵ «Воронежская коммуна», 1919, 1 ноября.

²⁶ Этот факт лег в основу эпизода о поездке Дундича в Воронеж, описанного в III части трилогии А. Н. Толстого «Хождение по мукам».

²⁷ «История гражданской войны в СССР», т. 4. М., 1957, стр. 278.

²⁸ М. И. Калинин. За эти годы, кн. II, М.—Л., 1926, стр. 52—55.

²⁹ В той же корреспонденции Никодимова (№ 8 от 1 ноября 1919 г.), где рассказывалось о вылазке Дундича в Воронеж, приведен ряд других эпизодов из боевой биографии Дундича, рассказанных С. М. Буденным и самим Дундичем по просьбе товарищей.

³⁰ «Воронежская коммуна», 1919, 9 ноября.

³¹ Арх-ский. Красный Дундич. «Воронежская коммуна», 1919, 18 ноября.

В статье Арх-ского, как и в статье Н. Никодимова, приводится много случаев из боевой деятельности Дундича. Вот пересказ нескольких из них.

Во время одного из боев на Донском участке фронта Дундич окружил около 50 человек белых. Действуя одновременно шашкой (левой рукой) и револьвером (правой), управляя конем ногами, он за короткое время уложил на месте 24 человека, остальных в панике отступили (Н. Никодимов).

В бою под станицей Великокняжеской Дундич зарубил 116 человек, из них 23 офицера, под ним было убито 5 лошадей. Во время боев у Камышина он один врезался в дивизион кубанцев и захватил дивизионное знамя, за что был награжден почетным оружием — шашкой. В бою на мосту на р. Маныч он зарубил 9 офицеров и захватил 5 пулеметов (Арх-ский).

Сейчас мы можем сомневаться в правдоподобности отдельных приведенных выше эпизодов, но то, что описания подвигов Дундича публиковались в газетах, заставляет нас отнестись к ним со всей серьезностью. Кроме того, именно они показывают, что собственно говоря, лежало в основе столь широкой, поистине легендарной славы, которой имя Дундича было овеяно еще при его жизни.

Шумная слава Дундича вызвала настороженное отношение к пей умудренного житейским опытом «всероссийского старости» М. И. Калинина. «Уж не „крючковщина“ ли это?» — размышлял М. И. Калинин доличного знакомства с Дундичем. Однако встреча с героем, беседы с ним и с его боевыми товарищами-бudenновцами рассеяли его сомнения ³².

После очень короткой передышки Конный корпус устремился на восток. Его цель — узловая станция Касторная. Дундич, состоя «для особых поручений» при комкоре Буденном, неотступно следует за ним. Красным кавалеристам под огнем белых предстоит форсировать Дон. Буденный, отдав последние распоряжения начальнику 4-й кавдивизии О. И. Городовикову, «мягко повернув красавца Казбека, вместе с Дундичем и двумя ординарцами поскакал к 6-й» ³³.

Вскоре после взятия Касторной была создана завоевавшая себе поистине легендарную славу Первая Конная армия ³⁴. Ее командующим стал С. М. Буденный, членами Реввоенсовета — К. Е. Ворошилов и Е. А. Щаденко. При штабе Первой Конной, как личный резерв командарма, был сформирован Образцовый кавалерийский дивизион — отдельная кавалерийская часть, укомплектованная лучшими бойцами-кавалеристами, используемая командармом для выполнения особых заданий и в качестве оперативного резерва ³⁵. Командиром Образцового кавдивизиона был назначен Дундич.

Вторую половину ноября — декабрь 1919 г. Первая Конная провела в ожесточенных боях за освобождение южных русских губерний, востока Украины и Донбасса. 6 января 1920 г. был освобожден Таганрог, а 8 января — Ростов-на-Дону. В нашем распоряжении нет документов о действиях Дундича во время этих боев, но и нет никаких оснований полагать, что он в них не участвовал.

В январе — марте Первая Конная ведет ожесточенные бои за освобождение Северного Кавказа. 22 марта ее части вступили в Майкоп. В это время в жизни Дундича произошло крупное событие. Храбрость и отвага молодого серба-интернационалиста Дундича были высоко оценены Советским правительством. 28 февраля 1920 г. Рев-

³² М. И. Калинин. Указ. соч., стр. 52—56.

³³ М. Кремень. На Касторную. В сб. «Первая Конная в изображении ее бойцов и командиров», М.—Л., 1930, стр. 18. Но когда разгорелся бой у станции Суворино, Дундич в гуще сражения: «На прекрасном золотистом Дончаке ураганом прошелся Дундич, крича ломанным сербским акцентом:

— Эй! За мою!...

Тroe быстро вскочили на коней и лихо помчались вслед за Дундичем». (Там же, стр. 29).

³⁴ В состав Первой Конной армии первоначально вошли 4-я, 6-я и 11-я кавалерийские дивизии и одна стрелковая бригада. Позднее в ее оперативное подчинение были переданы 9-я и 12-я стрелковые дивизии.

³⁵ С. М. Буденный. Пройденный путь, стр. 298.

военсовет 1-й Конной армии от имени ВЦИК постановил наградить Дундича орденом Красного Знамени. В протоколе заседания Реввоенсовета Первой Конной армии № 23 от 28 февраля 1920 г. мы читаем:

«Сл у п а л и : О награждении орденом Красного Знамени командира образцового кавдивизиона тов. Дундича.

П о с т а н о в и л и : Наградить орденом Красного Знамени командира образцового кавдивизиона т. Дундича за то, что, состоя в Красной Армии с самого образования таковой, он непрерывно участвовал в боях и, неоднократно раненный, своим примером постоянно воодушевляя красноармейцев, являя собой образец идейного борца за интересы Революции, а также за то, что неоднократными лихими налетами у Воронежа наносил вред противнику, дезорганизуя его части, чем неоднократно доказал свою преданность Революции и рабоче-крестьянской власти»³⁶.

2 марта в Ростове состоялось торжественное вручение орденов Красного Знамени награжденным конармейцам. Дундич получил орден из рук члена Реввоенсовета Кавказского фронта, видного большевика, соратника В. И. Ленина Г. К. Орджоникидзе³⁷.

В течение января — марта 1920 г. на Северном Кавказе были разгромлены силы контрреволюции. Остатки белогвардейских армий укрылись в Крыму. Первая Конная армия получила передышку. Однако эта передышка была очень кратковременной. Подстрекаемая западными империалистами, Польша готовилась напасть на Советскую Республику, и Первую Конную армию было решено перебросить на Запад³⁸. 3 апреля 1920 г. начался тысячекилометровый марш буденновской конницы по маршруту Майкоп — Ростов — Павлоград — Екатеринослав (Днепропетровск) — Елисаветград (Кировоград) — Умань. В Умань армия прибыла 25 мая, по пути разгромив многочисленные петлюровские и махновские банды. Уже 29 мая передовые части Первой Конной завязали бои с противником, а 5 июня, прорвав нрахеский фронт, ее главные силы устремились в тыл противника. В результате была разгромлена киевская группировка противника, а Первая Конная армия продолжила наступление на запад. 27 июня ею был освобожден Новоград-Волынский.

О действиях Дундича с конца марта до конца июня ничего не известно. Сохранился приказ по 6-й кавдивизии от 2 июля 1920 г., согласно которому Дундич, прибывший к месту расквартирования Конной армии, был назначен с 27 июня помоцником командира 36-го кавполка 6-й кавдивизии³⁹.

В последующие дни Первая Конная вела ожесточенные бои в районе Ровно, Дубно, Радзивиллов (ныне Червоногород). В этих боях в одной из яростных кавалерийских атак погиб Красный Дундич. Это случилось 8 июля в бою за Шпаковские укрепления под Ровно и было с протокольной сухостью отмечено в приказе № 95 по 6-й кавдивизии от 11 июля:

«Помком 36-го кавполка тов. Дундич[а], убитого в бою 8 июля, исключить из списков полка»⁴⁰.

³⁶ ЦГАСА, ф. 245, оп. 1, д. 18, л. 25. Впервые этот документ был опубликован И. Орестовым. См. «Военно-исторический журнал», 1940, № 9.

³⁷ Газета «Красный кавалерист», 1920, 3 марта. Сохранилась фотография, сделанная в этот день в Ростове, на которой запечатлены награжденные с т. Орджоникидзе. С этой групповой фотографии мы и знаем наиболее известное фото Дундича. По-видимому, Дундича, как и других награжденных, вызвали в штаб Кавказского фронта в Ростов для вручения орденов, так как Первая Конная армия в эти дни вела жестокие бои в районе станицы Егорлыкская и станицы Атаман. К моменту освобождения Майкопа Дундич был снова в строю армии, о чем свидетельствует фотография, сделанная в Майкопе в марте 1920 г.

³⁸ Армии Пилсудского начали военные действия 25 апреля. 7 мая они захватили Киев. Одновременно с польскими войсками начала наступление армия Врангеля.

³⁹ ЦГАСА, ф. 7672, оп. 1, д. 218, л. 5 об.— См. И. Д. Очак. Югославянские интернационалисты в борьбе за победу Советской власти в России (1917—1921 гг.). М., 1966, стр. 241—242.

⁴⁰ ЦГАСА, ф. 7672, оп. 1, д. 218, л. 10.

10 июля 1920 г. состоялись похороны Дундича в г. Ровно в парке князей Любомирских. С грустью проводили буденновцы в последний путь своего любимца ⁴¹.

15 июля газета «Красный кавалерист» опубликовала сообщение:

«В жестоких кровопролитных боях под Ровно 10 июля ⁴² с. г. пал смертью героя тов. Дундич. Белогвардейская пуля вырвала из наших рядов храброго, славного Красного Дундича.

Не стало самоотверженного героя Красной Конницы, не стало Красного серба — Дундича, который с первых дней Октябрьской революции сражался в рядах Красной Армии. Не стало славного солдата революции, командира Дундича, на теле которого десятки боевых ран. Подлая рука панских наймитов унесла навсегда от нас героя коммунистической революции, унесла дорогого товарища! Вечная память и слава павшему с честью за идею коммунизма тов. Дундичу».

В газете «Красный кавалерист» от 22 октября 1920 г. была помещена статья Б. В. Агатова — «За идею коммунизма. Памяти Красного Дундича», заканчивавшаяся проникновенными словами:

«Спи спокойно, Красный сын революции. Начатое тобой дело не погибнет и скоро Красное Знамя пролетариата взовьется на горах Балканских, где ты провел свое детство и где впервые поднял ты голос за порабощенного и угнетенного брата. Да будет тебе легка земля, облитая твоей кровью. Ты умер, но не умерло то дело, за которое ты боролся. Пройдут века, но поколения раскрепощенного народа будут вспоминать и воспевать в песнях легендарные подвиги „Красного Дундича“».

⁴¹ Сохранилась фотография похорон Дундича.

⁴² Ошибка, что видно из приведенного выше приказа.

ПАМЯТНИКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В. Д. КОРОЛЮК

АРХИТЕКТУРНЫЙ ПАМЯТНИК X ВЕКА В НЕСЕБРЕ

Несебр — небольшой рыбачий и курортный поселок, приютившийся на маленьком скалистом полуострове в северной части Бургасского залива и соединенный с материком узким перешейком. По богатству сохранившихся от разных строительных эпох памятников Несебр можно назвать архитектурным заповедником. Многие из его памятников лежат в развалинах, сохранность других значительно лучше и позволяет с первого взгляда судить о красоте и изяществе средневековой болгарской архитектуры. К числу таких относительно хорошо сохранившихся памятников принадлежит и церковь св. Ивана Предтечи, строительство которой большинством исследователей датируется X в. Впрочем, датировка эта условна. Ряд историков архитектуры относит памятник к X—XI вв.¹

Церковь св. Ивана один из архитектурных шедевров эпохи Первого Болгарского царства, наряду с такими несебрскими памятниками, как Новая Митрополия (церковь св. Стефана) и др. То обстоятельство, что именно Несебр при относительной скромности его строительных масштабов (имеются в виду размеры зданий) вместе с Плиской, Великой Преславой, Преслом является центром болгарской архитектурной мысли эпохи Первого царства, по-видимому, нельзя считать случайным. Находящийся несколько в стороне от главных политических центров государства, Несебр, как позже Афон, был по-видимому, в первые века после принятия Болгарией христианства своеобразной и богатой монашеской республикой. Известную роль сыграло при этом и античное наследие. Несебр — наследник античной Месемврии, некогда цветущей древнегреческой колонии, основанной не позднее V в. до н. э. Здесь могли оказаться более живучими античные строительные традиции. Античные постройки, как в средневековом Херсонесе, давали готовый строительный и даже декоративный материал для средневековых построек. Наконец, нельзя не упомянуть важного военно-политического значения этого расположенного в труднодоступной и изолированной местности пункта на побережье Черного моря.

Церковь св. Ивана (рис. 1) принадлежит к новому, пришедшему в Болгарии на рубеже первого и второго тысячелетий н. э. на смену базилике крестовокупольному типу храмовых зданий. Как и церковь св. Германа на оз. Пресла, церковь св. Ивана является в отличие от памятников константинопольской школы примером

¹ М. Бичев. Архитектура Болгарии. София, 1961, стр. 29; Ср. М. П. Чапенков. Архитектура Болгарии. Очерк. М., 1953, стр. 118.

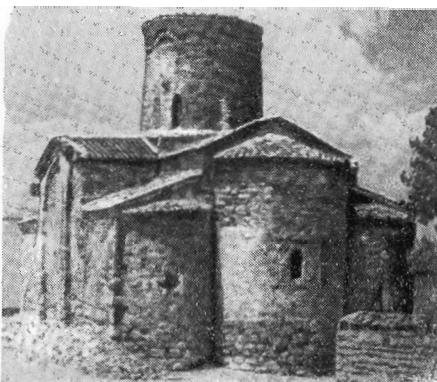

Рис. 1

Рис. 2

были расписаны фресками, скрытыми сейчас позднейшим слоем штукатурки.

Изящество и стройность этого очень небольшого храма не мешают ему сохранять, особенно благодаря массивной кладке стен из неотесанного камня на красном растворе, известную внушительность и даже монументальность, не говоря уже о присущей всему его облику романтике древности.

Несебр — один из самых популярных туристических объектов в Болгарии. Древности его всегда привлекают любителей старой архитектуры, искусствоведов, и, конечно, художников, в том числе, разумеется, и советских, в творчестве которых продолжает развиваться возникшая еще в эпоху болгарского национального подъема и русско-турецкой войны 1877—1878 гг. традиция активного интереса к жизни небольшого славянского народа, его истории, памятникам его культуры. В числе других советских художников, совершивших путешествие по Болгарии и запечатлевших в своих работах романтические образы ее величественной старины, был и молодой график А. В. Плетнев (род. в 1932 г.). Из своего путешествия 1965 г. он вывез множество зарисовок и крупноформатных рисунков, выполненных фланастером и цветными карандашами. Собранный в Болгарии материал художник использовал в ряде своих станковых работ, одна из которых, посвященная как раз церкви св. Ивана в Несебре, публикуется здесь впервые (рис. 2). Эта гравюра на линолеуме — первая работа в задуманной А. В. Плетневым серии гравюр на болгарские темы. Вместе с тем это одна из первых гравюр художника вообще. В настоящее время им закончена еще одна — «Велико Тырново».

Как художника, церковь св. Ивана заинтересовала А. В. Плетнева прежде всего ясностью и стройностью своего архитектурного замысла, выразительностью и своеобразием примененных в ней строительных и архитектурных решений. Поэтому изображена она со стороны апсид, что позволило художнику запечатлеть монументальность ее облика и в то же время подчеркнуть общий устремленный вверх ритмический строй ее архитектонической конструкции. Будучи прежде всего специалистом в области прикладной графики, А. В. Плетнев умело использовал свой опыт для введения в гравюру четкого

храмового здания с простым, вписаным крестовокупольным планом, в котором внутреннее крестообразное пространство, образуемое пересечением нефов, включает предапсидное. Церковь св. Ивана лишена нартекса. Все три ее апсиды, как внутри, так и снаружи, имеют полуцилиндрическую форму. Полуцилиндрическая форма повторяется и в перекрытиях церкви. Коробовые своды боковых нефов сложены из кирпича, из него в основном сложен и высокий цилиндрический барабан, внутри которого находится невидимый снаружи сферический купол. Соразмерность и изящество пропорций, легкость помещенного на прочные стени из неотесанного камня высокого барабана в сочетании с ясностью архитектурного замысла здания придают всей его стремящейся к пирамидальности группировке архитектонических объемов очень стройный и оконченный облик. Такое же ясное и цельное впечатление оставляет интерьер с изящным, украшенным тонкой аркатурой куполом. В древности стены церкви

Рис. 3

и выразительного шрифта и основанного на изучении средневековой декоративной кирпичной кладки простого, но красивого орнамента. Включение в гравюры двух klejim с характерными уличными сценками не привело к развалу ее композиции, а насыщенность главного изображения крупными белыми пятнами не помешала художнику довольно удачно передать фактуру массивных апсид и барабана храма. Шрифт и орнамент, конечно, придают гравюре известную сухость. Зато они хорошо подчеркивают объемность основного элемента изображения — церкви св. Ивана.

В память о своей поездке в Болгарию А. В. Плетнев нарезал для одного из работников «Балкантуриста» Х. Константиновского экслибрис, в котором тоже использованы несебрские архитектурные мотивы (рис. 3).

Все эти работы молодого советского графика только один из примеров того важного, показательного, все более нарастающего явления в нашем современном графическом искусстве, которое отражает большой интерес наших художников к культуре зарубежных славянских народов и свидетельствует об органическом вовлечении наблюдений и впечатлений от их жизни и их прошлого в образный строй советской графики.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

С. М. СТЕЦКЕВИЧ. Рабочее движение в Польше в 1918—1919 годах (ноябрь 1918 — июль 1919 года). Л., 1966, 264 стр.

Переломному периоду в истории Польши (конец 1918 — первая половина 1919 г.) посвящено немало работ польских и советских историков. Но проблемы, связанные со становлением независимого польского государства и той борьбой политических сил, которая развернулась вокруг путей и перспектив развития создаваемого государства, и теперь интересуют исследователей. Особое внимание привлекает проблема борьбы рабочего класса за власть. К недостаточно изученным вопросам относятся тактика КРПП в первой половине 1919 г., деятельность Советов рабочих депутатов, массовая борьба пролетариата, стачечное движение, политическая линия ППС.

С. М. Стецкевич поставил перед собой задачу, «... опираясь на доступные ему источники и исследования советских и польских историков, дать очерк истории польского рабочего движения от восстановления независимости Польши до раскола и ликвидации Советов рабочих депутатов (ноябрь 1918 — июль 1919 г.), открыть основные закономерности и особенности развития рабочего движения в Польше в переломный момент ее истории, показать те объективные и субъективные препятствия, которые стояли на пути развития революционного процесса в Польше, раскрыть борьбу революционной и реформистской тенденций в польском рабочем движении, рассказать о борьбе пролетариата за свои повседневные нужды» (стр. 21—22). Знакомство с книгой показывает, что автор в основном успешно справился с этой задачей.

С. М. Стецкевич внимательно изучил литературу вопроса и использовал широкий круг источников: материалы Центрального партийного архива ИМЛ при ЦК КПСС, архива Института истории партии при ЦК ПОРП, Архива новых актов в Варшаве, Лодзинском, Катовицком и Краковском архивов и прессу различных политических направлений.

Структура книги не вызывает существенных возражений; однако слишком мелкая рубрикация, повторение названий параграфов и отдельных положений (концепция ППС по внешнеполитическим вопросам) не могут быть отнесены к ее достоинствам.

Характеризуя рабочее движение в момент восстановления государственности, автор рассматривает структуру, степень организованности, уровень политического и классового сознания пролетариата. В книге показывается влияние на ход и исход борьбы пролетариата в этот сложный и бурный период таких обстоятельств, как раскол рабочего класса, распыленность пролетариата и его ослабление в годы войны, большая безработица, распространение мелкобуржуазных и националистических взглядов и иллюзий, связанных с восстановлением независимости, деятельность революционных и соглашательских партий. Дается оценка тактики революционных рабочих партий — СДКПиЛ, ППС-левиццы, объединившихся в КРПП, а также реформистских ППС и ППСД и раскрывается их место и роль в политических событиях того времени.

Обстоятельно освещается в книге деятельность Советов рабочих депутатов. Инициаторами создания Советов были СДКПиЛ и ППС-левицца. Большая популярность Советов в массах заставила участвовать в них и правых пешесовцев, которые всячески препятствовали превращению Советов в органы государственной власти. Объективные условия, различный подход СДКПиЛ и ППС-левиццы, с одной стороны, и ППС и ППСД, с другой, к задачам Советов, преобладание в Варшавском, Лодзинском и Люблинском Советах представителей ремесленно-кустарных слоев населения, создание партийных Советов (Галиция), отсутствие центрального органа и другие обстоятельства не позволили Советам сплотить вокруг себя широкие массы рабочих и стать органами государственной власти.

Автор подчеркивает историческое значение объединения двух революционных рабочих партий и показывает самоотверженную борьбу коммунистов за социалистическую Польшу, за диктатуру пролетариата. Завоевание победы пролетариатом было возможно при условии проведения на данном этапе революции социально-экономических преобразований общедемократического характера. Горячо приветствуя победу Октябрьской революции и стремясь повторить опыт

Октября на польской почве, КРПП не поняла ленинского учения о перерастании буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую. Критикуя непоследовательность и соглашательство правых социалистических партий и идущих с ними в ногу мелкобуржуазных крестьянских партий, польские коммунисты недооценили значение лозунга создания независимого национального государства. Подвергаясь национальному угнетению свыше ста лет, польские массы, хотя и наивно, питали иллюзии в отношении создаваемого государства, которое, как они думали, разрешит все социальные и политические проблемы. К сожалению, в книге такому важному вопросу, как процесс объединения революционных рабочих партий в единую марксистскую партию, отведено непропорционально мало места. Это же относится и к анализу решений первого съезда КРПП. Ссылка автора на то, что эти вопросы уже освещались в историографии, не освобождала его от более обстоятельного их рассмотрения.

ППС в книге характеризуется как партия реформистская, соглашательская. Оставаясь на позициях буржуазно-парламентского строя, ППС тормозила развитие революционного движения и тем самым объективно способствовала победе реакции. Автор вскрывает причины популярности ППС, показывает, почему ей удавалось увлечь за собой значительную часть рабочего класса. Умелое маневрирование социалистической фразеологией в сочетании с лозунгом независимости позволяло ППС оказывать немалое влияние на массы, наивно верившие в то, что независимое государство решит все на болевшие вопросы. Отмечается деятель-

ность левого крыла в партии, выступившего против идеологии соглашательства, крыла, оформившегося в «ППС-оппозицию», которая влилась впоследствии в ряды коммунистической партии. Недостатком книги, по нашему мнению, является односторонняя оценка программного пепеэсовского лозунга независимости. С. М. Стецкевич указывает на прогрессивное значение лозунга независимости, но этим и ограничивается. Вопрос о независимости, как известно, был неразрывно связан с вопросом о революции. В. И. Ленин говорил, что свободы Польши не может быть без свободы России. Великая Октябрьская революция, принеся свободу народам России, создала решающие предпосылки и для восстановления независимого польского государства. Противопоставляя лозунг независимости русской революции и диктатуре пролетариата, ППС по существу затрудняла решение национального вопроса.

Нельзя согласиться и с односторонней характеристикой, какую дает автор А. Варскому, называя его признанным вождем СДКППЛ (стр. 29). А. Варский был одним из видных руководителей СДКППЛ, а общепризнанными идеальными ее вождями являлись Р. Люксембург, Ф. Даэржинский и Ю. Мархлевский. И последнее замечание. Заглавие книги шире ее содержания. В ней рассматривается рабочее движение главным образом на территории б. Королевства Польского, мало внимания уделяется Галиции и ничего не говорится о Западных землях.

Книга С. М. Стецкевича, несмотря на отмеченные недостатки, является интересным и полезным изданием.

И. А. Хренов

КНИГИ О ВЕЛИКОМ ОКТЯБРЕ

Пятидесятилетие Великой Октябрьской социалистической революции в Югославии было отмечено весьма широко: торжественными собраниями, митингами, лекциями, литературными вечерами, концертами, научными съездами и конференциями, передачами по радио и телевидению, публикациями всякого рода как на страницах ежедневных газет и ежемесячных журналов, так и в ежегодниках и специальных сборниках. Издательства Югославии, издающие литературу на языках всех наций и национальных меньшинств, отклинулись на самое значительное событие в современной истории человечества, каким явилась Октябрьская революция, разнообразными изданиями, начиная от работ по литературе, изобразительному искусству, музыке, истории и кончая трудами по политической экономии и естественным наукам.

В этих заметках я хотел бы обратить

внимание читателей на интересное начинание одного югославского издательства. В торжественные дни празднования пятидесятилетия Великого Октября белградское издательство «Младо поколење» предложило югославским читателям комплект из шести книг, посвященных Октябрьской революции. Интересен замысел этого белградского издательства (вообще весьма плодотворного и популярного в Югославии, особенно среди молодежи): дать нашему читателю серию из шести книг, с различными сторон покзывающих Октябрь. Так, собранными в одной серии оказались «Чапаев» Д. А. Фурманова; «Донские рассказы» М. А. Шолохова; «Поэзия Великого Октября» — антология посвященных Октябрю стихотворений поэтов различных европейских народов разных поколений; «Ленин — друг молодежи» — сборник воспоминаний о В. И. Ленине, в которых прослежи-

вается его жизнь и деятельность; «Десять дней, которые потрясли мир» Джона Рида; «Югославие под красным знаменем Октября» В. В. Зеленина.

Югославским читателям давно знаком «Чапаев» Фурманова — художественное произведение, созданное на основе непосредственных наблюдений и на материале одной несомненно одаренной личности, жившей в ту исключительную эпоху, когда все лучшие качества человека полностью раскрываются, гармонируя с эпохой и накладывая на нее свой отпечаток.

Знакомы читателям и «Донские рассказы» Шолохова, рисующие события революции и гражданской войны и написанные по их свежим следам.

Известна им и книга Джона Рида, достоинством которой является видение революции глазами писателя с Запада. Для этой книги В. И. Ленин в 1919 г. написал предисловие, в котором горячо рекомендовал ее трудающимся мира. Однако эти книги, собранные здесь воедино, приобретают новое звучание, особенно в торжественные дни юбилея.

О В. И. Ленине, великому вождю Октябрьской революции, написано много, тем не менее появление очередной книги всегда привлекает внимание, от нее ожидают чего-то нового и до сих пор неизвестного. В книге «Ленин — друг молодежи» нет ни одного нового и неизвестного текста, все они уже опубликованы, отдельные из них по нескольку раз и на многих языках, и все же эта книга производит свежее впечатление. Интересен замысел составительницы книги Вукосавы Попович: из уже известных рассказов и воспоминаний о Ленине скомпоновать картину, рисующую эту выдающуюся личность и в целом и в нескольких аспектах, разумеется, учитывая, что книгу будет читать молодежь. Составительница удалось достичь того, что образ Ленина предстает перед читателем в динамике роста и развития, в его неразрывной связи с эпохой, в слиянии с будущим ходом истории. Одновременно она стремилась донести до нас такой по-человечески живой, простой и дорогой ленинский образ. Так, оказались рядом тексты А. И. Ульяновой, С. Антонова, Н. Нечволовова, Л. Резникенко, Е. Д. Стасовой, В. Д. Бонч-Бруевича, Д. Басалиго, Р. В. Харитонова, А. Кононова, А. В. Луначарского, М. Филиппис Прайса, П. Д. Малькова, С. К. Гиля, Е. М. Герра, Д. Славентатора, Б. Полевого, О. И. Чернова, Л. Радищева, Альберта Риса Вильямса, Поля Вайян-Кутюрье, Уильяма Фостера, Мартина Андерсена Нексе, Герberта Уэллса, Вильгельма Кеннепа, Августа Цесарца, Н. К. Крупской и М. Горького. И хотя каждый из этих текстов был известен, собранные вместе здесь они приобретают новые качества, а иногда и новое значение.

Антология «Поэзия Великого Октября»,

составленная Душаном Костичем и Львом Захаровым, дает представление о поэзии, вызванной к жизни такой исключительной и возвышенной темой, как Октябрьская революция. Октябрьские события в России пятьдесят лет тому назад взволновали весь мир. Они волнуют мир и сегодня. Составители антологии старались дать как можно более широкую панораму европейской и югославской поэзии об Октябре. Они стремились показать те поэтические творения, в которых отразилось только предчувствие Октября, и те, которые рождались в огне октябрьских битв, а также и те, которые родились после Октября и в наши дни, — поэзию, вдохновленную его неисчерпаемым революционным духом. Создателям антологии удалось в своеобразной форме показать немеркнувшее сияние Великого Октября. На страницах этой антологии, естественно, оказались произведения многих советских поэтов, таких, как Горький, Маяковский, Блок, Есенин, Багрицкий, Пастернак, Хлебников, Тихонов и Евтушенко, целой плеяды югославских поэтов различных поколений, в том числе Кости Абрашевича, Велько Петровича, Мирослава Крлеки, Оттона Жупанчича, Оскара Давичо, Сречко Косовела, Коши Рацина, Михайло Лалича, Августа Цесарца, Мака Диздара, Миры Алечкович, Миодрага Павловича, Эсада Мекули, Энвера Джердеку и др. В антологии представлены и поэты других стран: Луи Арагон и Поль Элюар (Франция), Герлин Штефан (Германия), Христо Смирненский (Болгария), Ади Эндре и Арапад Тот (Венгрия), Витезслав Незвал и Петр Безруч (Чехословакия), Рафаэль Альберти (Испания), Владислав Броневский (Польша), Пабло Неруда (Чили), Дионис Бубани и Исмаил Кадаре (Албания), Назым Хикмет (Турция), Тасос Ливадитис (Греция). Всего в антологии объемом свыше 300 стр. опубликованы стихотворения более 75 поэтов. Выход в свет столь обширной антологии, посвященной Октябрю, является крупным событием в культурной жизни Югославии. В этом большая заслуга ее составителей и издательства. Сами составители сознают, что они даже приблизительно не исчерпали всего поэтического богатства, связанныго с темой Октябрьской революции, но они и не могли сделать этого в рамках одной книги.

Особое значение для югославского читателя имеет книга Владимира Зеленина «Югославие под красным знаменем Октября». На первый взгляд, она и по тематике и по манере изложения как будто отличается от других пяти книг этой серии. Автор этой книги уже многие годы занимается историей народов Югославии. Это один из тех советских людей, которые в составе военной миссии СССР при Верховном штабе Народно-освободительной армии и партизанских отрядов Югославии принимали участие в военных действиях

за освобождение нашей страны. В. Зеленин раскрыл тему об участии югославян в Октябрьской революции и гражданской войне как исследователь, на основе научного анализа документов, периодической печати, мемуарной литературы, а также на базе немногочисленных опубликованных исторических трудов по этому вопросу. Внимательное знакомство с книгой В. Зеленина заставляет сделать вывод, что она основывается на научно достоверных данных. Действия югославян-интернационалистов показаны на широком фоне революционных событий России. В своем обращении к читателям Владимир Зеленин оговаривается, что в книге рассматривается период, который непосредственно предшествовал революции, события самой революции и гражданской войны до осени 1919 г.; особенно подробно показано участие югославян в этих событиях. В. Зеленин подчеркивает, что для широкого и всеобъемлющего рассмотрения всех проблем, связанных с действиями югославян в лагере революционных сил, так и в рядах контрреволюции необходимо дополнительное изучение материала.

Думается, что В. Зеленин поступил оправданно, ограничив тему, ибо для всестороннего рассмотрения этого вопроса потребовалось бы исследование гораздо большего объема, что затруднило бы включение подобной работы в рассматриваемую серию.

В. Зеленин основное внимание уделяет вопросам, освещющим положение сотен тысяч югославян-военнопленных в России в годы первой мировой войны, воздействие на них революционных событий в России, наконец, участие многих югославян-интернационалистов в Октябрьской революции и гражданской войне. Тот факт, что на стороне Октябрьской революции сражалось около 30 тыс. югославян, чрезвычайно знаменателен для всех югославов, проявляющих живой интерес к этой проблематике. Именно этим живым интересом трудающихся Югославии к истории Великого Октября объясняется появление в последнее время ряда книг на эту тему: Фердо Чулиновича «Отклики

Октября в югославских землях», перевода книги И. Д. Очака «Югославские интернационалисты в борьбе за победу Советской власти в России», ряда статей и исследований Богумила Храбака по этому вопросу и других. Книга Владимира Зеленина, несмотря на популярное изложение материала, дает широкую картину участия югославян в Октябрьской революции и гражданской войне. Она выгодно отличается широтой взгляда, научной достоверностью фактов и тщательным анализом важнейших проблем в их развитии. Книга предназначена для читателей недостаточно знакомых с историей Советской страны. Автор излагает основные события Октября, сообщает важнейшие сведения о деятельности В. И. Ленина и руководимой им партии большевиков, показывает события в их динамике, рисует ряд ярких портретов видных участников Октября — В. А. Антонова-Овсеенко, В. И. Киквидзе, Г. И. Чудновского, оказавших большое влияние на формирование революционных взглядов у многих югославян-интернационалистов.

Нужно подчеркнуть и еще одно достоинство этой книги. В. Зеленин учен особенности всей серии: его книга не сухое изложение фактов, а живой занимательный рассказ. На страницах книги читатель найдет несколько запоминающихся портретов югославских участников революционных событий в России: Густава Барабаша, Владимира Чопы, Николы Груловича, Николы Ковачевича, Вукашина Марковича, Олеко Дундича, Максима Чапака, Эмиля Чоппа и др. Умение создать атмосферу, умение проникнуть, я бы сказал, в психологию событий, ярко проявилось в книге Зеленина. Некоторое недоумение вызывает концовка книги, оставляющая впечатление незавершенности работы.

Эту книгу с интересом прочтут многие югославские читатели.

Издательство «Младо поколение» выпустило в свет шесть разнообразных и очень интересных книг, объединенных в одно целое темой Великой Октябрьской социалистической революции.

Витомир Вулетич

ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ ВИЗАНТИИ И СЛАВЯНО-ВИЗАНТИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Подготовленный коллективом советских ученых обобщающий труд «История Византии»¹ встречен с большим интересом как в нашей стране, так и за рубежом. Это объясняется прежде всего тем, что такое подробное исследование, базирующее-

ся на марксистском анализе доступных источников и современной историографии, естественно, отличается от ряда кратких, популярных изданий, а также от фундаментального (но во многом устаревшего) труда акад. Ф. И. Успенского, написанного еще в начале нашего века².

¹ «История Византии в трех томах». М., 1967, т. 1, 523 стр.; т. 2, 471 стр.; т. 3, 390 стр.

² М. В. Левченко. История Византии. М.—Л., 1940; А. П. Каждан,

Живой интерес к данному сводному труду со стороны специалистов разных отраслей (историков, искусствоведов, филологов, правоведов) обусловлен как самой ролью Византийской империи в мировой истории, ее длительными и многообразными связями с народами трех континентов (в том числе — славянами), так и комплексным характером самого издания.

Данная работа советских историков имеет своей целью освещение не только социально-политической истории много векового государства, но и богатейшей византийской культуры (литературы, науки, архитектуры, живописи и прикладного искусства).

Авторы этого комплексного труда, приводя общеизвестный и обязательный в такой сводной работе фактический материал, стремились в то же время осмысливать и осветить с позиций материалистического учения о социально-экономических формациях закономерности развития византийского общества и его идеологии, этапы превращения рабовладельческой империи в феодальную монархию. Соответственно с этим дана перподизация византийской истории: т. 1 охватывает период с момента образования Византии до кризиса VII в., ознаменовавшегося важнейшими изменениями в социальной и этнической структуре Восточной Римской империи; т. 2 посвящен эпохе развития и расцвета феодального строя (конец VII—XII вв.); в т. 3 рассказывается об агонии византийской государственности, о завершении процесса трансформации мощной «индустриальной» (ремесленно-торговой и морской) державы в слабую и раздробленную аграрную полуколонию итальянских городов.

В труде, по нашему мнению, весьма убедительно объяснены конкретные причины падения Византии и рассмотрены последствия турецкого завоевания, состоящие городов, ремесла и торговли в поздней Византии, причины политического кризиса конца XII в., сословная и классовая база отдельных режимов и правительства (в частности, Комнинов, Иоанна Апокавка и т. д.). Заслуживает похвалы и выделение в главных разделах труда специальных глав об источниках по истории соответствующего периода, равно как и наличие научного аппарата.

Однако, коснувшись этих черт струк-

туры «Истории Византии», мы, к сожалению, должны перейти к замечаниям критического порядка и отметить досадные проблемы и недостатки, вызванные передко не отсутствием или скучностью источников, а самой структурой данной работы или отдельными нарушениями принятой структуры.

Прежде всего нельзя не сказать о поразительном и поистине трудно объяснимом явлении: трехтомная «История Византии» не имеет даже краткого предисловия о роли Византии во всемирной истории, о значении ее культуры для многих народов (в том числе русского и других славянских). Без сомнения, такое предисловие должно было бы дать и сжатую оценку обширнейшей литературы, что тем более необходимо, так как в данном труде историография заключена в слишком узкие рамки справочного аппарата. Кстати, в предисловии (а не в крохотном примечании 1 к главе 2 тома 1) следовало бы сказать и о спорной проблеме «начала» Византии и о проблеме «византийского наследия», немаловажного для политики многих правителей в средние века.

То, что структура этого коллективного труда не всегда выдержана и продумана, привело совершенно закономерно к недостаточному и порой крайне беглому изображению важнейших проблем истории самой Византии и отношений ее с соседними народами (и, что для нас важнее всего, — с восточными и южными славянами). Так, например, ни один из четырех главных разделов труда не имеет специальной главы о византийской государственности, имперском аппарате, монархической универсалистской идеологии и немаловажных изменениях во внешнем оформлении византийской монархии (перемены в титулатуре, институт соправительства и т. д.); этим вопросам посвящено всего несколько страниц (например, в т. 1 стр. 132—133, 137—138, 140, 377, в т. 2 стр. 36—38 и 155—169), и этот пробел остается невосполненным из-за отсутствия историографических разделов, где была бы указана и охарактеризована имеющаяся литература.

Немногим лучше обстоит дело с освещением роли византийской церкви, взаимоотношений церкви и государства, церковной политики императоров, проблем так называемого «цезарепапизма» и т. п. Если, например, в т. 2 две главы отведены иконооборству (VIII—IX вв.) и одна глава — государству и церкви второй половины IX—X вв., то в т. 3 важнейшие проблемы византийской христианской идеологии (в частности, такие новые течения, как исихазм, латинофильство Варлаама) упоминаются бегло, эпизодически (в главах о политических событиях и о философии и богословии), а вопросы о церковной экспансии Константинопольской патриархии (и тем самым о расширении влияния Византии) во второй полу-

Г. Г. Литаврин. Очерки истории Византии и южных славян. М., 1958 (см. также русские переводы книг французского буржуазного византиниста Ш. Дilla: «Основные проблемы византийской истории». М., 1947; «История Византийской империи». М., 1948); Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. 1—3. М., СПб., 1913—1948.

вине XIV и первой половине XV в. на Балканах, о взаимоотношениях византийской и русской церкви в XIV—XV вв. остаются в книге фактически нераскрытыми (подробнее о последнем мы скажем ниже).

Затронув эту широкую тематику славяно-византийских политических, церковных и культурных отношений и связей, мы в данном случае должны вновь указать на недостаточность и неравномерность освещения данного круга вопросов как следствие самой структуры труда. Если в т. 1 этим вопросам совершенно правильно отводится лишь одна глава «Вторжение славян и их расселение на территории Византийской империи», то в т. 2 следовало бы ожидать значительного расширения славяно-византийской проблематики, так как охватываемый здесь период — это эпоха деятельности Кирилла и Мефодия и их учеников, их моравской миссии и создания славянской письменности (как и славянских церквей), эпоха включения в состав империи почти всех южнославянских народов. Однако в т. 2 содержатся лишь две небольшие главы о русско-византийских взаимоотношениях (в IX—X и XI—XII вв., стр. 226—236 и 347—353) и только отдельные вкрапления и фразы посвящены сложному комплексу отношений империи со «Славилиями», сербами и хорватами, Первым Болгарским царством. К сожалению, еще меньше внимания уделено этой проблематике в т. 3, т. е. в те века, когда Болгарское и Сербское царства уже не только отстаивают свою самостоятельность, но и претендуют на решение судеб Константинополя и империи, когда для ослабевшей Византии становятся жизненно необходимыми субсидии русских князей и военная помощь болгарских и сербских государей. Несмотря на это, в т. 3 нет ни одной главы, в которой бы специально рассматривались данные вопросы, а следствием такого «распыления» и лишь беглых экскурсов в эту область является иногда поверхностное и петочное изображение тех или иных аспектов славяно-византийских отношений (впрочем, это встречается и в т. 1 и 2), конкретные ошибки и погрешности, нередко спорные утверждения.

Так, например, вряд ли удачны определение Первого Болгарского царства как «первого варварского королевства... в пределах Восточной Римской империи» (см. т. 1, стр. 373), ибо ему предшествовало завоевание византийских территорий готами, лангобарами, аварами, славянами, наконец, арабами, и формулировка «воссоединение Болгарии» (т. 2, стр. 222); к тому же здесь есть явные ошибки — Персиан, хан болгарский (т. 2, стр. 76), неречане (т. 2, стр. 197—198) вместо Пресиама и неретвлян; на стр. 409 т. 2 «Нерез» помещен в Сербии, хотя речь идет о церкви в македонском с. Нерези. Не-

точно изображена на карте «Византия и славяне» во второй половине VII в. (т. 1) западная граница расселения славян в Далмации и смежных с нею районах. Немало фактических ошибок и погрешностей в освещении славянских сюжетов и в т. 3, где, например, в Косовской битве участвуют «краль» (¹) Лазарь и воевода «Твртко Вукович» (стр. 167), вместо Трескавца фигурирует «Тресковица» (стр. 285), Урош коронуется в 1345 г. «как краль Сербии» (стр. 148), а вместо единственного главы Афона («прота») появляется множество их (см. там же). Неверно изображены здесь и взаимоотношения Руси с Византией на рубеже XIV и XV вв.: из текста (стр. 170) читатель может понять лишь, что русские князья и церкви отказали в денежной помощи Византии, хотя в русских летописях прямо говорится о посылке «серебра» в Царьград в 1398 г.³

Точно так же пульза полностью согласиться и с описанием результатов сербского похода Иоанна Кантакузина (1350) и его переговоров со Стефаном Душаном (см. т. 3, стр. 154). В частности, Душану не удалось восстановить прежнюю границу с Византией, а г. Водену он занял, как нам представляется, вовсе не нарушив мирного договора с Кантакузином (в действительности, как отмечал Т. Д. Флоринский, мирные переговоры были сорваны⁴). Впрочем, в данном теме проблемы взаимоотношений Византии со славянскими соседями и другими балканскими государствами во второй половине XIV и начале XV в., расширение владений Византии (и диоцеза Константинопольской патриархии) за счет балканских областей, попытка союза и совместных действий с южными славянами в 60-х годах XIV в. (и позднее) фактически не нашли освещения. Вряд ли правильно заявление, что неучастие деспота сербского Георгия Бранковича в неудачном крестовом походе 1444 г. объясняется переходом его на сторону турок (т. 3, стр. 182), в связи с чем трудно понять, почему же разгром Хуньяди турками в 1448 г. повлек «за собой и капитуляцию Сербии» (там же, стр. 185).

Все эти отмеченные нами петочки и спорные утверждения, которых немало встречаются в «славянских» главах и частях «Истории Византии», равно как и желательность и настоятельная необходимость освещения проблем византийской историографии и славяно-византийских

³ См. М. Н. Тихомиров. Россия и Византия в XIV—XV столетиях. «Зборник радова Византолошког института», књ. 7, 1961, стр. 33.

⁴ Т. Д. Флоринский. Южные славяне и Византия во второй четверти XIV в., вып. 1. СПб., 1882, стр. 109—110.

отношений (быть может, в виде отдельных дополнительных томов к данному изданию), позволяют нам сделать вывод, что и после выхода в свет этого труда одной из важнейших задач советских историков

остается углубленное исследование прошлого Византийского государства и его политических и культурных связей со славянскими народами.

Е. П. Наумов

СВОД ПСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ ПРОИЗВОДСТВА В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЧЕХИИ

Мысль о необходимости широко использовать материал средневекового искусства в качестве исторического источника уже неоднократно высказывалась. В марксистской историографии имеются удачные опыты анализа под этим углом зрения памятников средневекового искусства. Прежде всего привлекли внимание, естественно, памятники иконографии. Прекрасным примером обработки такого рода источников в советской исторической науке может служить монография А. В. Арциховского о древнерусских миниатюрах. Для исторического анализа привлекались, однако, и памятники средневековой пластики, изображения на монетах и печатах, резьба по дереву и камню и т. д.

В новом труде чехословацких историков¹ речь идет не об использовании той или иной группы памятников средневекового изобразительного искусства для решения определенной конкретно-исторической проблемы. Авторы не ставят своей целью и выделение для всестороннего источниковедческого анализа какой-либо одной группы такого рода памятников, например настенных росписей, миниатюр или изображений на печатах. Их задача гораздо более масштабна по охвату памятников и предельно целенаправлена по проблематике исследования. Труд В. Гусы, Й. Петраня и А. Шубртовой называется «Человек ремесленный» и посвящен исключительно анализу памятников искусства как источников по истории производства в средневековой Чехии. Все другие стороны исторического процесса, так или иначе отразившиеся в средневековом изобразительном искусстве, не затрагиваются в книге. Зато ее можно в полном смысле слова определить как первый опыт публикации изобразительных источников по истории чешского средневекового производства, которое рассмотрено в книге исчерпывающе, включая сферу обмена. Задаче всестороннего анализа чешского средневекового производства подчинена структура книги, которая делится на четыре больших раздела: 1) «Земледельцы и рыбаки», 2) «Ремесленники, перевозчики и торговцы», 3) «Писцы, работники искусства, учите-

ля и ученики», 4) «Горняки, металлурги, чеканщики и мануфактурные рабочие». Каждый раздел открывает небольшое текстовое вступление, содержащее характеристику соответствующей отрасли производства или обмена, вслед за чем следует изобразительная часть, в которой публикуются важнейшие памятники с их подробным описанием. Качество воспроизведения памятников во всех случаях оставляет самое лучшее впечатление.

Если включение в книгу, посвященную трудовой деятельности, торговой и транспортной проблематики кажется вполне закономерным, то спорным, во всяком случае на первый взгляд, представляется появление в ней темы мастеров искусства, ученых и учителей. Правда, такое расширение проблематики, по-видимому, обусловливается спецификой цеховой организации труда и нерасчлененностью ремесленной и творческой деятельности в средневековом обществе. Положение представителей творческих профессий стало, однако, существенно меняться, начиная с эпохи ренессанса. Между тем, труд чехословацких историков охватывает более широкий хронологический период — до середины XVII в.

Названным выше разделам труда, подготовленным И. Петранем и А. Шубртовой, предшествует большое введение, написанное недавно скончавшимся крупным чешским историком Вацлавом Гусом. Введение это, носящее название «Мотивы труда в исторической иконологии», является, в сущности говоря, серьезным источниковедческим исследованием, трактующим важнейшие вопросы критики такого рода памятников средневекового искусства — чрезвычайно сложных, в силу прочности изобразительных традиций и каноничности изображаемых ситуаций (в этой части исследование практически не вызывает замечаний). Введение это является результатом не только силы и ясности мысли Вацлава Гусы как историка, большого знатока истории средневекового производства, но и его замечательных позиций в области искусства. В связи с этим хотелось бы отметить необычайную широту его интересов в области изобразительного искусства. Будучи медиевистом, он глубоко вникал в специфику средневекового искусства, а также прекрасно разбирался в искусстве нового

¹ V. Husa, J. Petráň, A. Šubrtová. *Homo faber. Pracovní motivy ve starých vyobrazeních*. Praha, 1967.

времени, следил за развитием современной чехословацкой графики и живописи, проявляя живое внимание к искусству нашей страны. Буквально накануне кончины, собираясь в Москву, он писал автору этих строк о своем непременном желании ближе познакомиться с нашей художественной жизнью, особенно с творчеством молодых советских художников.

Но если проблемы собственно источниковедческого характера в исследовании В. Гусы не вызывают сколько-нибудь существенных замечаний, то определение В. Гусой хронологических рамок издания в известной мере представляется спорным. Дело в том, что принятые в нем хронологические рубежи — от эпохи раннего средневековья до Тридцатилетней войны — оправдываются прежде всего соображениями общесториическими, общей периодизацией чешского исторического процесса. В данном случае, однако, существенно важно было бы принять во внимание и периодизацию изобразительного искусства как такового и развитие процесса формирования особых творческих профессий. Замечание это перекли-

кается с высказанными уже выше оговорками относительно объема рассматриваемой в книге проблематики. По-видимому, известной недоработкой следует считать и то обстоятельство, что, определяя феодальное чешское искусство как явление типично среднеевропейское, В. Гуса, к сожалению, не дал четкой территориальной характеристики среднеевропейской области, не указал, к какому точно времени следует относить формирование и развитие Чехии как типично среднеевропейской страны.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть важность нового труда чехословацких историков. Он без сомнения является вкладом в марксистскую историографию. Появление столь интересного и столь новаторского источниковедческого издания, осуществленного по инициативе и под руководством покойного В. Гусы, еще раз напоминает о той большой невозвратимой потере, которую понесла с его кончиной чехословацкая историческая наука.

В. Д. Королюк

MIROSLAV SICEL. Pregled novije hrvatske književnosti. Zagreb, Matica Hrvatska, 1966, 310s..

МИРОСЛАВ ШИЦЕЛ. Обзор новой хорватской литературы

За последние годы в Хорватии заметно возрос интерес к истории родной литературы. На смену статьям эссеистского плана и импрессионистическим зарисовкам приходят серьезные историко-литературные исследования. Делаются и первые попытки синтетического обобщения, создания работ по истории отдельных периодов в хорватской литературе. Наряду с «Панорамой хорватской литературы XX века» (Загреб, 1965), написанной группой авторов, в 1966 г. появилась книга Мирослава Шицела — «Обзор новой хорватской литературы». Она охватывает период от иллиризма до наших дней. Автор использует уже сложившуюся в хорватском литературоведении периодизацию, стараясь при этом дать определения эпох: «Иллиризм», «От иллиризма к реализму», «Реализм», «Модерн», «От Модерна к современной литературе», «Современная литература». Сами названия, хотя некоторые из них и страдают расплывчатостью, говорят о стремлении автора прежде всего дать характеристику направлений и течений в хорватской литературе на разных этапах ее развития, показать внутренние закономерности ее движения. Этой задачей диктуется и построение книги. Каждый раздел открывается небольшим введением, характеризующим эпоху, общественную и литературную обстановку, уходящие, главенствующие и нарождающиеся эстетические воззрения, судьбы лите-

ратурных течений. Систематизация материала и стремление дать емкие обобщающие выводы не ведут к схематизации и упрощенчеству. Значительно слабее вторая часть каждого раздела, носящая название «Писатели и произведения». Искусственное отторжение истинно литературного материала от литературной борьбы, от течений и направлений, кровью и плотью которых и являются художественные произведения, делает эти главы статичными, напоминающими энциклопедические справки (хотя портреты отдельных писателей даны удачно, хорошо проанализированы основные произведения). Нередко возникает впечатление, что автор забыл о только что охарактеризованных им литературных направлениях, методах, и писателях их произведения, расположенные в хронологическом порядке, не имеют кnim ровно никакого отношения. В этом смысле раздел о современной литературе, хотя он и эссеистского плана, как отмечает сам автор в предисловии, производит гораздо более целостное впечатление.

Однако не будем забывать, что это одна из первых попыток в послевоенные годы дать обзор истории хорватской литературы XIX и XX вв. И если учсть, что отдельные периоды в развитии новейшей хорватской литературы разработаны крайне слабо, отсутствуют монографии об отдельных писателях, нет исследований о судьбах направлений и даже многие ху-

должественные тексты не собраны в отдельные издания, а разбросаны в периодической печати своего времени, если к тому же существует страшная путаница в употреблении литературоведческой тер-

минологии,— то можно себе представить, какие трудности стояли перед автором. И с многими из них он справился удачно.

Г. Я. Ильина

С. СТОЙКОВ. Банатският говор. («Трудове по българска диалектология», кн. 3) София, 1967, 489 стр.

С. СТОЙКОВ. Банатский говор

Как хорошо известно, на территории Баната, входящего в настоящее время в состав Румынии и Югославии, живут болгары, переселившиеся сюда в 30—40 годы XVIII в. Между городами Арад, Тимишоара, Решица, Велкинида, Панчево имеется около 20 болгарских сел, самые крупные и самые старые из которых Бешенов и Винга. Теперь чисто болгарскими являются только Бешенов и Брешекя (оба на территории Румынии). В других селах кроме болгар живут также венгры, румыны, сербы, немцы и др.

Болгарское население в Банате сформировалось из двух основных групп переселенцев, которые жили в разных районах Болгарии и покинули родину в разное время. Одну группу составили жители г. Чипровец и соседних сел Копиловец и Железна (северо-западная Болгария), бежавшие в Валахию после подавления Чипровского восстания в 1688 г. и после длительных скитаний поселившиеся в с. Винга, а затем расселившиеся по Банату. Другая группа банатских болгар происходит из сел Ореш, Белене и Трънчовица (район Свиштова и Никополя, центральные области северной Болгарии). Эти переселенцы бежали в Валахию в конце 20-х годов XVIII в. и после ряда перемещений оказались в Банате, где были поселены в Бешенове. Первоначально обе группы болгар существенно различались по языку, обычаям и материальной культуре. Были известные различия и в социальной структуре. Так, среди болгар чипровской группы, поселившихся в с. Винга, были не только крестьяне, но и ремесленники и торговцы. В Бешенове же осели только крестьяне, известные под названием павликане. В Банате происходит сближение обеих групп болгар. По ряду причин в этом процессе господствующее положение заняли павликане. В настоящее время многие из прежних различий уже стерлись. Однако и в языке и в материальной культуре еще сохраняются черты, восходящие к двум указанным группам.

По переписи конца XIX в. банатских болгар насчитывалось 14 368 человек, по переписи 1956 г. в румынском Банате живет 8412 человек. Точных сведений о числе болгар в югославской части Баната нет. Предполагается, что число их не превышает 6000.

До 1777 г. языком администрации в Банате был немецкий. В этом году Банат был включен в состав Венгрии, в связи с чем венгерский язык сменил здесь немецкий. Так продолжалось до 1919 г. После этого в одной части Баната официальным языком становится румынский, в другой — сербохорватский.

Первоначально все просвещение находилось здесь в руках хорватов, и преподавание в школах велось на так называемом пллирийском языке (своеобразном монастырском койне, опирающемся прежде всего на западноштокавские говоры сербохорватского языка). С 1793 г. администрация ввела преподавание предметов и на венгерском языке. В середине XIX в. из среды местной болгарской интеллигенции выдвигается ряд деятелей, создавших на основе местного болгарского говора и латинской графики свой литературный язык, на котором ведется преподавание в школах (до 1894 г.), издаются книги, происходит церковная служба. Этот банатский литературный язык возник независимо от уже существовавшего в то время болгарского литературного языка.

Серьезный интерес к языку банатских болгар проявил Ф. Миклошич. В сравнительной грамматике славянских языков он нередко характеризует особенности новоболгарского языка лишь по данным языка банатских болгар. Среди примеров первого тома грамматики часто можно встретить банатские примеры с указанием: «В селе Винга говорят...». Вене Миклошич имел одного информатора из с. Винга, а кроме того широко пользовался банатскими изданиями. Он предложил группировку болгарских говоров, по которой говор банатских болгар отнесен к так называемой «венгеро-болгарской группе»¹.

В самом конце XIX в. банатскими болгарами серьезно заинтересовался Л. Милетич, посвятивший им ряд работ. Особенno ценна его монография о письменности и языке банатских болгар, в которой подробно характеризуется банатская письменность и дается краткое описание

¹ F. Miklosich. Geschichte der Lautbezeichnung im Bulgarischen. Wien, 1883. S. 34f.

фонетики и морфологии банатского говора с образцами текстов и словарем².

После Л. Милетича в течение длительного времени никто из славистов не занимался изучением языка банатских болгар. Лишь с. Бешенов было обследовано по программе румынского лингвистического атласа в 1932 г. и включено Э. Петровичем в «Atlasul lingvistic român».

Заметно возрос интерес к языку банатских болгар после второй мировой войны (работы Ч. Бидуэла, К. Телбизова и М. Телбизовой). Особенно много в этой области болгаристики в последние годы сделано профессором Софийского университета С. Стойковым. Статьи Стойкова, посвященные отдельным особенностям языка банатских болгар, публикуются в различных лингвистических изданиях начиная с 1958 г. В прошлом году он опубликовал капитальный труд, в котором обстоятельно описаны звуковой строй, ударение, морфология, синтаксис, словообразование, лексика банатского говора. Составлен обширный диалектный словарь, который будет опубликован позже.

В истории болгарской диалектологии еще не было исследования, в котором с одинаковой степенью детализации описывались бы все стороны говора. Давно уже утвердился определенный тип диалектологического описания, в котором за всесторонней характеристикой звуков и форм говора следуют краткие и случайные заметки о некоторых суффиксах и префиксах, о произвольно избранных синтаксических конструкциях, о редких словах. Труд проф. Стойкова кладет начало новому типу описания в болгарской диалектологии, в котором дается целостная и полная характеристика определенного говора. Есть еще одна очень важная отличительная особенность рецензируемого труда: автор не ограничивается описанием диалектных фактов, но на материале банатского говора пытается решать многие общетеоретические вопросы болгарской фонологии, грамматики и лексикологии.

С. Стойков начал изучать банатский говор в 1953 г. В течение ряда лет он посещал болгарские села Баната: Бешенов, Вингу, Брешкю и Теленгу. Здесь он собирал материал от информаторов разного возраста, делал магнитофонные записи. Важные наблюдения в области фонетики были сделаны с помощью рентгенограмм, выполненных в секции радиологии Института нормальной и патологической физиологии Румынской академии наук в Бухаресте. Вообще румынские ученые охотно оказывали С. Стойкову поддержку и помочь в изучении языка болгар, живущих на территории Румынии. С. Стойков пиш-

роко привлекал письма банатских болгар, материалы румынского лингвистического атласа (для говора села Бешенов), тексты на банатском литературном языке, материалы Л. Милетича и других авторов. Это дало ему возможность в ряде случаев представить историю банатского говора за последнее столетие. К сожалению, автор прошел мимо одного очень интересного источника, характеризующего говор с. Вингу середины XIX в. Речь идет о материалах, содержащихся в сравнительной грамматике славянских языков Ф. Миклошича (главным образом, в первом томе грамматики).

Систематическому описанию банатского говора автор монографии предпослав несколько параграфов (стр. 23—36), в которых характеризуются диалектные различия между говором с. Бешенов и говором с. Винга. Несмотря на длительное и интенсивное взаимодействие этих говоров, до сих пор в ряде случаев сохраняются древние различия. В свое время Л. Милетич прошел мимо этих фактов. С. Стойков на многих примерах из фонетики, морфологии, словообразования и лексики показывает, что еще не произошло полного слияния говоров. Не ясно, однако, почему эти параграфы помещены в вводном разделе книги. С пользой для дела их следует читать после ознакомления с основным содержанием труда.

В фонетике автор дает всестороннее акусто-физиологическое описание звуков, характеризует дифференциальные признаки фонем, анализирует чередование гласных и согласных фонем, их дистрибуцию, приводит интересный статистический материал о частотности употребления фонем. Впервые в науке о болгарском языке мы находим здесь отлично выполненный анализ сочетаний согласных фонем говора в начале, в середине и в конце слова. В этом отношении данная монография может служить образцом для будущих исследований возможных сочетаний согласных не только в болгарских говорах, но и в болгарском литературном языке. Детально описаны позиционные изменения звуков.

Естественно, что автор не ограничивается синхронным описанием говора. В лучших традициях старой диалектологии в книге характеризуется история звуков банатского говора (судьба *б*, сверхкратких *ъ* и *ъ*, носовых гласных, гласного *ы* и др.). Автор пытается осветить и позднейшую историю звуков. Однако не все элементы звукового строя исследуются им в равной степени. Историю звука *х* Стойков освещает подробно и в разных частях фонетики. Не привлекла его внимания, однако, история аффрикаты *s* (*dz*), которая, по словам автора, является «характерной особенностью говора» (стр. 65). Эта аффриката встречается в начале и в середине слова: *садин*, *заран'*, *зѣр*, *онси*, *сълзъ* и др. Судя по данным

² Л. Милетич. Книжнината и езикъ на банатските българи.— «Сборник за народни умотворения», кн. XVI—XVII, ч. 1, 1900.

Л. Милетича, аффриката *s* в конце прошлого столетия не имела такого распространения в банатском говоре. Так, в фонетических записях Л. Милетича находим *зайден чапак с дѣй прѣгради*. В самом фонетическом описании об аффрикате *s* сказано только, что «встречается и *s: siд, siдо-се*»³. Еще интереснее в этом отношении материалы Ф. Миклошича, которые свидетельствуют, что в говоре с. Винга в середине прошлого столетия были известны *зиd и siд, звездъ и зеездъ* и др., причем варианты с *s* встречались реже⁴. О колебаниях в употреблении аффриката *s* в слове *сълзъ — съльзъ* в говоре с. Бешенов сообщает С. Стойков. Свиштовские села Ореш, Белене и Трынчовица, по данным «Болгарского диалектологического атласа»⁵, входят в обширный массив *s*-говоров. Надо думать, что переселенцы из этих сел, осевшие в Бешенове, и привнесли в Банат эту диалектную черту.

Значительную часть монографии занимает морфология. Здесь характеризуется структура имен существительных, их изменения по числам, сингулятивы, *plurallia tantum*, звательная форма, остатки падежных форм. В говоре хорошо сохраняется падеж объекта (винительный-родительный), который С. Стойков называет агломеративным падежом. Даётся подробное описание членных форм. С. Стойков всегда отмечает расхождения между своими наблюдениями и данными Л. Милетича. Наибольшие расхождения автор фиксирует в области местоимений. Много важного и нового материала читатель найдет в параграфах, посвященных глаголу. Автор различает в говоре четыре спряжения глагола. К четвертому он относит те глаголы в прошлом первого спряжения, в которых произошло изменение тематического гласного *e* в *й* (*знай — знаш — знай*). Будущее время в говоре образуется с помощью частицы *за*. Ее принесли сюда свиштовские павликиане, хотя теперь в селах Ореше, Белене и Трынчовице представлена частица *же*. Частицу *зъ* в настоящее время «Болгарский диалектологический атлас» фиксирует в свиштовских селах Белцов, Стырмен и Пепелина.

Глубокие изменения произошли в системе прошедших времен глагола. Это касается прежде всего простых времен. Имперфект теперь в банатском говоре уже не встречается. Очень редко и только в языке старшего поколения употребляется аорист. Сейчас в говоре сложное прошедшее время является основной формой прошедшего времени. Оно противостоит теперь не простым временам, а только

³ Л. Милетич. Там же, стр. 420. Здесь эта аффриката обозначена *đz*.

⁴ F. Miklosich. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen, Bd. I. Wien, 1879, S. 381.

⁵ Български диалектен атлас, т. II. София, 1966, карты № 78—81.

плюсквамперфекту (прошедшему предварительному). Естественно в связи с этим, что в банатском говоре нет пересказывательного наклонения. Аорист и имперфект утратились в говоре сравнительно поздно. Анализируя тексты на банатском диалекте середины XIX в. С. Стойков приходит к заключению, что «к середине XIX в. уже был завершен процесс исчезновения имперфекта как самостоятельного времени» (стр. 274). Что же касается аориста, то банатские тексты свидетельствуют, что «к середине XIX в. аористные формы уже начали терять свое специфическое аористное значение и, сближаясь семантически с перфектом, получили новое, более широкое значение» (там же). С. Стойков полагает, что уже в середине XIX в. процесс утраты аориста шел «полным ходом». Он высказывает предположение, что утрата имперфекта в банатском говоре началась не позднее второй половины XVIII в., а утрата аориста — не позднее начала XIX в.

Нет сомнения, что глава о синтаксисе говора будет способствовать повышению интереса к проблемам диалектного синтаксиса. В ней находим подробное описание словосочетаний (подчинительных, глагольных, именных), всех видов простого и сложного предложений, порядка слов в предложении.

Много важных сведений содержится в главе о словообразовании говора. Здесь дана полная характеристика именного и глагольного словообразования, дистрибуции суффиксов всех частей речи. Много поучительного и интересного читатель найдет в разделах, где речь идет об изменениях словообразовательной продуктивности аффиксов.

С. Стойков не без оснований пишет, что в болгарской диалектологии лексика «не была полноправным объектом исследования», что в диалектологических трудах ей «не уделялось достаточного внимания» (стр. 403). Лишь в послевоенное время в изучении диалектной лексики наметился существенный сдвиг. За последние два десятилетия советскими и болгарскими диалектологами был опубликован ряд ценных словарных материалов и описаний лексики. Много интересных данных содержится в изданных томах «Болгарского диалектологического атласа». Монография проф. Стойкова — первый в болгарской диалектологии труд, в котором дано полное и всестороннее описание лексической системы говора. Основное внимание в ней удалено семантике (переносным значениям, полисемии, омонимии, синонимии), лексическим вариантам. Не прошел автор и мимо фразеологии. Естественно, что в языке банатских болгар, живущих в условиях многоязычья, представлено много заимствований из румынского, сербохорватского, венгерского и немецкого языков. Автор анализирует все эти, а также греческие и турецкие заимст-

вования, проникшие в говор еще в то время, когда носители говора жили на родине.

Поскольку банатский литературный язык именно в области лексики существенно отличается от разговорного диалектного языка, С. Стойков, кроме диалектной лексики, исследует и лексику книжную, характеризующую специфические стили банатского литературного языка. Правда, автор не проявил существенного интереса к банатскому литературному языку (к проблеме его стилей и жанров), к сферам его функционирования. Эти вопросы могут быть предметом специального исследования. Было бы поучительно провести сравнительное исследование структуры и функционирования таких славянских литературных языков, как банатский литературный язык, бачванска бешеда, литературный язык у хорватов Бургенланда и др.

В ряде случаев группировка лексического материала в исследовании проф. Стойкова представляется нам спорной и неоправданной. В банатском говоре автор различает общеболгарскую лексику (т. е. лексику, известную болгарскому литературному языку и большинству народных говоров Болгарии) и собственно банатскую лексику. В последней он разграничивает фонетические, морфологические, словообразовательные, смысловые, номинативные и полные диалектизмы. Мне кажется, что в данном случае автор в какой-то степени отходит от основных принципов своего исследования — изучения говора как целостной системы, противопоставленного другим болгарским говорам. Особенно много сомнений вызывает разграничение так называемых фонетических диалектизмов. Автор утверждает, что *пите́л*, *кукбашка*, *търпéза*, *бик'*, *кон'*, *мышка* и др. относятся к разряду общеболгарской лексики (стр. 412), а *бумбар*, *ден'*, *йесен'*, *къл'вач*, *увéн'* — фонетические диалектизмы местной лексики (стр. 414). В число морфологических диалектизмов включены *саламур* (м. р.) и *звéр* (ж. р.), в число словообразовательных диалектизмов — *нигрúлка*, *играчка*, *вълк'йна* ‘вълчица’, *фъркáлу* ‘хвърчило’, *мърен* ‘морав’ и мн. др. Даже разграничение общеболгарской и банатской лексики в параграфе «Полные диалектизмы» не всегда с уверенностью можно принять. Параграфы 29—54 шестого раздела книги представляются нам самыми неудачными: классификация спорна и противоречива, смешиваются различные аспекты языка, приводимые примеры не анализируются. Практически с уверенностью противопоставить общеболгарскую и чисто банатскую лексику можно лишь в сфере заимствованной лексики. Но об этом речь идет в специальных разделах книги.

Банатский говор дает возможность решать многие общие проблемы болгарской

лексикологии даже в случаях так называемой отрицательной информации. Покажу это на примере. С XVIII в. началось интенсивное и глубокое влияние русского литературного языка и русской письменности и литературы на болгарский язык и болгарскую письменность. Особенно сильным это влияние становится во второй половине XIX в. после освобождения Болгарии. В результате этого процесса в болгарский литературный язык, а через него и в народные говоры Болгарии проникло очень много русских слов. Не всегда их легко выявить, так как не все русизмы имеют специфические для русского языка фонетические или грамматические признаки. В этом случае приходится прибегать к косвенным, экстрадингвистическим данным. Предки современных банатских болгар покинули родные места еще в начале интенсивного влияния русского языка. Поэтому отсутствие в их языке обычного для современного болгарского языка слова в какой-то степени может указывать на его русский источник. В банатском говоре нет слов *съпруг*, *отец*, *земеледелец*, *стебло*, *насено́мо*, *паметник*, *отчество*, *начало*, *щастие*, *любов*, *благодарност*, *внимание*, *уважение*, *ужас*, *благодаря*, *съобщя*, *всемогъщ* и др. (стр. 404). Это может служить одним из доказательств русского происхождения указанных слов.

В банатском говоре содержатся ценные данные для исторической семасиологии болгарского языка. Это можно хорошо показать на примере, который приводит С. Стойков. В современном болгарском языке слово *град* имеет значение ‘город’. Лишь в народной словесности еще встречается это слово в значении ‘крепость’, ‘замок’. В банатском говоре *град* имеет только это значение. Таким образом, семантический переход ‘крепость’ > ‘город’ в болгарском языке произошел после переселения предков банатских болгар на север. Это подтверждается и тем, что данный семантический сдвиг был обусловлен русским влиянием.

Предки банатских болгар бежали из Болгарии задолго до формирования болгарского литературного языка. Вот почему современный банатский говор почти не затронут влиянием последнего. Здесь нет таких обычных для болгар слов, как *писалка*, *вестник*, *войник*, *редник*. Нет и таких общепространенных греческих заимствований, как *молив*, *пергел*, *сира*, *фунил* и под. Данные банатского говора могут быть использованы для установления хронологии появления всех этих слов в болгарском языке.

В конце своего исследования проф. С. Стойков высказывает предположение, что имеются «известные основания говорить о наличии банатского языкового союза» (стр. 478). В доказательство автор приводит лишь один языковой признак, который, как он думает, объединяет бол-

гарские, сербохорватские, румынские и немецкие говоры Баната. Речь идет об утрате имперфекта и аориста и замене их претеритом (старым перфектом). Однако на такой скучной основе строить здание «банатского языкового союза» нельзя. Вопрос этот сложный и требует специальных исследований.

В настоящей рецензии я не имел возможности осветить все проблемы, поставленные и рецензенные в капитальной монографии проф. Стойкова. Их много и к ним будут обращаться не только болгаристы и не только диалектологи.

С. Б. Бернштейн

БИБЛИОГРАФИЯ

ВАЖНЕЙШИЕ СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ ПО СОВРЕМЕННОМУ ПОЛОЖЕНИЮ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКАМ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ В 1968 ГОДУ

I. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЕВРОПЫ

1. Международные отношения, взаимоотношения братских стран и партий, внешняя политика.

Будапештская консультативная встреча представителей коммунистических и рабочих партий (26 февраля — 5 апреля 1968 г.). «Правда», 1968, 27—29 февраля, 1—7 марта.

Декларация об угрозе миру, создавшейся в результате расширения американской агрессии во Вьетнаме. (Принята на Совещании Политического консультативного комитета государств — участниц Варшавского договора. София, 6—7 марта 1968 г.). «Правда», 1968, 9 марта.

Дубчек А. Нерушимое братство, прочное единство. Выступление А. Дубчека на съезде сельскохозяйственных кооперативов ЧССР. «Правда», 1968, 3 февраля.

Кадар Я. Приветственная речь Яноша Кадара на открытии Консультативной встречи представителей коммунистических и рабочих партий в Будапеште 26 февраля 1968 г. «Правда», 1968, 27 февраля.

Комюнике о консультативной встрече коммунистических и рабочих партий (Будапешт, 26 февраля — 5 марта 1968 г.). «Правда», 1968, 7 марта.

Комюнике совещания Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского договора (София, 6—7 марта 1968 г.). «Правда», 1968, 9 марта.

Чубиров Х. Т. Содружество социалистических стран — выражение proletарского интернационализма. Уч. зап. Северо-Осетинск. гос. пед. ин-та, Орджоникидзе, 1967, т. 27. Вып. 1. Общественные и исторические науки, с. 109—122.

2. Экономика, экономическое сотрудничество

А. Л. Девятое заседание постоянной комиссии Совета Экономической Взаим-

мопомощи по статистике. (Москва, 21—25 ноября 1967 г.) Вестн. статистики, 1968, № 2.

Апро А. Новый тип межгосударственных экономических отношений. (Об экономических отношениях между социалистическими странами. Статья написана на основе доклада, сделанного на 21-й сессии СЭВ.) Пробл. мира и социализма, Прага, 1968, № 2.

Богомолов О. Методологические вопросы координации планов стран СЭВ. «Вопросы экономики», 1968, № 2.

Брегель Э. Теория конвергенции двух экономических систем Мировая эконом. и международн. отношения. 1968, № 1.

Бутаков Д. Планирование и финансирование капитальных вложений. Экономика стр-ва, 1968, № 2.

Бутаков Д. Финансовое хозяйство НИИ. (Научно-исследовательские институты в Польше.) Экономич. газета, 1968, № 10.

Васянин Ю. Л. Структурные сдвиги в торговле СССР с социалистическими странами Европы. БИКИ, 1967. Приложение, № 14, с. 3—13.

Веверка М. Новая система управления и хозяйствственные результаты предприятий. «Экономические реформы в социалистических странах Европы», М., 1967, вып. 1.

Грапинов М. О дружбе и взаимной помощи. (Сотрудничество в области строительства в рамках СЭВ). Экономика стр-ва, 1968, № 1.

Яншта Я. Вопросы морского транспорта в новом чехословацком кодексе международной торговли. «Торговое мореплавание и морское право», М., 1968, вып. 5.

Ясин Е. Из опыта работы статистиков Чехословакии. Вестн. статистики, 1968, № 2.

3. Партийная жизнь

Василев С. Парторганизация Софии и новая экономическая система. Пробл. мира и социализма, Прага, 1967, № 12.

Лаб М. Чехословацкие коммунисты и проблемы общественного развития. Пробл. мира и социализма. Прага, 1967 № 12.

Пугач Е. П. Борьба Коммунистической партии Словакии за селянские маси в 1945—1948 гг. «Вісник Харківського університету», 1967, № 22. Исторична серія, вип. 2.

Томов И. Партийное руководство комсомолом (Из опыта работы коммунистов Болгарии). Пробл. мира и социализма. Прага, 1967, № 12.

4. ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО И ПРАВО

В. Г. Новый закон о выборах в Чехословакии (принят сессией Нац. собрания Чехословакии 30 ноября 1967 г.) «Новое время», 1968, № 1.

Гельфер М. Уголовная ответственность за рецидив по законодательству зарубежных социалистических государств Европы. «Советская юстиция», 1968, № 2.

Ковалев Д. А. Изменение и дополнение Положения о внутреннем порядке работы Народного Собрания НРБ. (Приняты 29 июня 1966 г.) Уч. зап. Всес. н.-и. ин-та сов. законодательства. М., 1967, вып. 11.

Матищевский П. Міжнародний симпозіум з проблем соціалістичного кримінального права. (О симпозиуме в Болгарии в конце 1967 г. на тему: «Наказания без лишения свободы и условное осуждение в социалистическом уголовном праве».) «Радянське право», 1968, № 1.

Рыбальская В. Судебно-психологическая экспертиза по делам несовершеннолетних в уголовном процессе европейских социалистических стран. «Советская юстиция», 1968, № 4.

Топчееv И. С. Чехословацкая Социалистическая Республика. (О социальном обеспечении в стране.) «Социальное обеспечение за рубежом», 1967, вып. 3.

Трофимова И. Некоторые черты социалистической демократии. (Сотрудничество двух партий в Болгарии и преобразования в Комитете по культуре и искусству.) «Новое время», 1968, № 2.

Фаянс Н. И. Социалистическая Федеративная Республика Югославия. (О социальном обеспечении в стране.) «Социальное обеспечение за рубежом», М., 1967, вып. 3.

Футро А. Кооперация инвалидов в Польше. «Социальное обеспечение», 1968, № 1.

II. ЗАРУБЕЖНЫЕ СЛАВЯНСКИЕ СТРАНЫ

1. История

Брежнев Л. Речь товарища Л. И. Брежнева (на торжественном засед., посвящ. 20-летию исторической

февральской победы трудящихся над силами реакции). «Правда», 1968, 23 февраля.

Българанов Б. Компартия и Отечественный фронт. «Партийная жизнь», 1968, № 5.

Вялова С. О. К вопросу о первых словацких студентах в Петербургском университете. «Вестн. Ленингр. ун-та», 1968, № 2. История, язык, литература, виш.

Дубчек А. Доклад на торж. засед. в Праге, посвящ. 20-летию исторической февральской победы трудящихся над силами реакции. «Правда», 1968, 23 февраля.

Дядкин В. Г. Июньские события 1923 г. в Болгарии и тактика компартии. Уч. зап. Северо-Осет. гос. пед. ин-та, Орджоникидзе, 1967, т. 27, вып. 1. Обществ. и истор. науки.

Дядкин В. Г. Революционная деятельность Болгарской коммунистической партии в 1922—1923 гг. Уч. зап. Северо-Осет. гос. пед. ин-та, Орджоникидзе, 1967, т. 27, вып. 1, Обществ. и истор. науки.

Иванов Н. Борьба болгарских коммунистов у парламенті за мир і дружбу з СРСР на початку 30-х років. Укр. істор. журн., 1968, № 1.

Карпов С. Л. До питання про початок антифашистського повстання 1941 р. в Югославії. Вісн. Харківськ. ун-ту, 1967, № 22. Істор. сер., вып. 2.

Калужа А. Наукова сесія в м. Котовіце на честь 50-річчя Великого Жовтня. (23—27 октября 1967 г.) Укр. істор. журн., 1968, № 2.

Качалов И. П. Октябрьская революция и мировая социалистическая система. (Междунар. конф. в Москве. 5—7 сентября 1967 г.) Вестн. АН СССР, 1967, № 11.

Козелка Б. Разговор с Бенешем. К 20-летию февральских событий в Чехословакии (в феврале 1948 г.). «Новое время», 1968, № 7.

Коритарова Р. По пути, озаренному Октябрем. (О деятельности болгарских профсоюзов после 1920 г.) Сов. профсоюзы, 1967, № 23.

Костова Е. Изучение в Болгарии истории Великого Октября. (Обзор литературы, вышедшей в период 1958—1967 гг.) Вопр. истории, 1968, № 1.

Симчева В. М. Идеи Октября и развитие стран социализма. (Междунар. симпоз. в Москве.) Вестн. АН СССР, 1967, № 11.

Сирков Д. Болгарские революционеры в борьбе за власть Советов. Пробл. мира и социализма, Прага, 1967, № 12.

Трайков Г. Великая сила дружбы. (В связи с 90-летием со дня освобождения Болгарии от турецкого ига.) «Правда», 1968, 2 марта.

Турівненко М. І. Визвольна місія Радянської Армії в Болгарії (вересень 1944 р.). Вісн. Харків. ун-ту, 1967, № 22. Істор. сер. вип. 2.

Ф. Ш. В Комісії істориків СРСР і Польської Народної Республіки. (О діяльності комісії в 1967 р.) Укр. істор. журн., Київ, 1968, № 2.

Шнитман А. М. Христо Кабакчев — пламенний пропагандист ідей Великої Октябрської соціалістичної революції в Болгарії. — Уч. зап. Карельск. гос. пед. ин-та, Мурманск, 1967, т. 30. Тр. кафедр марксизму-ленизму, історії та літератури.

Шульман Е. Б. К вопросу об участии молдаван в восстании 1734 года на Брацлавщине. Уч. Зап. Бельц. пед. ин-та, Кишинев, 1967, т. 9 (Тр. кафедр обществ. наук).

Янев С. Октябрь и болгарская кооперация. (Из истории кооперативного движения до 1945 г.) Сов. потреб. кооперация, 1968, № 2.

2. КУЛЬТУРА И НАУКА

Белявская И. М., Воронков И. А. Советское славяноведение

в Московском университете. Вестн. Моск. ун-та. История, 1968, № 1.

Велева М. Этнографический музей в Софии. Сов. этнография, 1967, № 6.

Тищук В. І. В. І. Лепін і боротьба трудящих Західної України за Радянську владу в 1918—1920 рр. Пробл. провознавства, 1967, вип. 7.

Томашевский Д. Юбилейпольского Института международных проблем. (К 20-летию основания.) Мировая экономика и междунар. отношения, 1968, № 2.

Топов Г. Инспектирование школ в Болгарии. Нар. образование, 1968, № 1.

Цацковский З. Проблемы, вопросы и общие принципы их постановки. Вопр. философии, 1968, № 1.

Цолев И., Димитров В. Есенин в Болгарии. Вопр. лит-ры, 1968, № 2.

3. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Димитров П. А. 50 лет изучения сербохорватского языка в СССР. Вестн. Ленинград. ун-та, 1968, № 2. История, язык, литература, вып. 1.

СОДЕРЖАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЖУРНАЛОВ

«Исторически преглед», 1967, № 6

Д. Хаков. Основные направления внешней политики Турции во время второй мировой войны; А. Г. Аврамов. Димитр Благоев о политической стратегии и тактике БРСДП (т. с.) до Октябрьской революции; В. Мигеев. Утверждение монархо-фашистской диктатуры в Болгарии в 1935—1936 гг. и «цанковское движение»; В. Гюзелев. Что такая Ания по новооткрытой двуязычной переславской надписи; В. Паскалев, Д. Дойнов, М. Гаврилова. Состояние, проблемы и перспективы музеев и отделов по «Возрождению» в Болгарии; В. Божиков. Французская политика по отношению к Балканским войнам и болгарскому населению Македонии; К. Кожухаров. Земледельческий союз и болгарский фашизм.

«Български език», 1967, № 5

Л. Андрейчин. Великое пятидесятилетие; Р. Русинов. К вопросу о влиянии русского языка советской эпохи на лексику болгарского языка; Ц. Македонска. Политические лозунги в нашей печати после Октябрьской революции; Е. Георгиева. Влияние русской научно-технической терминологии на болгарскую; К. Иванова. Влияние русского языка в перевод-

ных и оригинальных произведениях Георгия Бакалова; Й. Пенчев, Д. Станчева, В. Станков. Вопросы болгаристики в советском языкоизнании; Р. Русинов. Успехи советского языкоизнания; М. Джананова. Задачи и структура болгарско-русского словаря словосочетаний с существительными именами; К. Г. Попов. Звуковые и формальные изменения русизмов в болгарском языке; Е. А. Захаревич. О форме некоторых существительных, заимствованных болгарским языком из русского; М. С. Младенов. Космические полеты и новые слова.

«Z pola walki», 1967, № 4

Я. Канцевич. У начала ПИС «Роботник» — центральный орган партии 1894—1896; Г. Иванский. Из истории коммунистической партии Западной Галиции; В. Гостыньская. Секретные польско-советские переговоры в Микашевичах (август—декабрь 1919 г.); Х. Гемков. Выступления немецких рабочих в поддержку польского пролетариата в 20-е годы; А. Квятковская. Воспоминания о Тадеуше Рехневском; А. Доманский. Из истории клуба рабочей молодежи в Варшаве; М. Гринберг. Инструкция министерства внутренних дел на случай всеобщей забастовки (июль 1932 г.); Л. Волькович. Владислав Андєлевський; Э. Марк. Пинкус (Петр) Карпин — Анджей Шмидт (Хро-

иологические рамки жизни 1914—1942 г.); Е. Таргальский. Участники рабочего движения в Польше — узники царизма (Из материалов Биографического информатора членов товарищества бывших каторжан и политических ссыльных).

«Pamiętnik Literacki», 1967, № 4

3. Синко. Повесть и «новый» роман во взглядах польского Просвещения; Я. Дятко. Вопросы композиции романа в эстетике Антона Сыгетыньского; К. Сероцка. Неизвестная литература. Польская поэзия и проза в СССР 1918—1939 годов; З. Голиньский. О проблеме канонического текста; З. Кончикурска, Л. Пшиблowska. О двух видах восьмисложного стиха; И. Калужа. Исследование структуры языка в литературном произведении. Методологический очерк; К. Гурский. Была ли принята мной гипотеза Калленбаха о генезисе «Импровизации» из части III «Дзядов»; Е. Старнавский. Еще одно письмо Нарушевича; Я. Рудницка. Замечания в связи со статьей З. Синко «Западноевропейский роман в Польше стапиславского времени, на основе библиотечных инвентарных книг и каталогов»; С. Пигонь. Загадка политического мемориала А. Фредро от 1846 г.; В. Слодковский. Из переписки Конопницкой и Ожешко со Свентоховским; А. Галос. Письма З. Милюковского к В. Фельдману.

«Slavia Orientalis», 1967, № 4

А. Поппе. Летописный рассказ о походе «не греков» в 1043 году. Его редакции и обстоятельства возникновения; Р. Лужний: Стефан Яворский — неизвестный поэт; В. Витковский. К изучению древнеукраинской поэзии. II. Левин. Московская поэтика 1722 года; Т. Колаковский. Литературная школа Сумарокова. Очерк вопроса; Б. Бялковович. К вопросу о чтении Герценом парижских лекций Мицкевича; Т. Позняк. В. Брюсов и Достоевский; Ф. Семицкий. Салтыков-Щедрин в междувоенном Польше; З. Бараньский. К. Паустовский в кругу польских тем; А. Обрембская-Яблоньская. Научная работа Федоровского в свете его писем; П. Эволиньский. Первая печатная транскрипция русской кириллицы на латинское письмо; Г. Сафаревичова. Глаголы от названий животных в русском языке; И. Грек-Пабисова, И. Марыняк. Различия в речи трех поколений староверов в Мазурской области; Л. Шнейдер. Морфосемантический анализ слова.

«Język Polski», 1967, № 5

С. Ропополь. Исследования ономастикой тысячелетию Польши; 2. Еще раз о *Mazowsze*; Я. Отрембский. Из истории польских слов. 20. *Stripeszały*; 21. *Odniedźnienie*; 22. *Mudzić nudzić, marudzić, maruder*; 23. *Tarapaty*; 24. *Płużyc*; Д. Веселовска. Почему *się odchudzamy*? С. Вархоль. Заметки о формах родительного падежа мн. числа существительных типа *panisch, rekuch...* в говорах и детской речи; А. Ковальская. Двухчленные формы 3 лица прошедшего времени в XVI в.; А. Стелефин. Тридцатый словарик: исправления и размышления; И. и Е. Бартмийские. О фольклорной лексике в связи с новым Диалектным словарем; К. Писаркова. «Танго» по-немецки. По поводу некоторых переводов на немецкий язык произведений Мрожека.

«Slovanský prehled», 1967, № 6

И. Грозинчик. Всеславянский комитет в Москве; В. Штасты. Первый конфликт идеи славянства и пролетарского интернационализма в чешском обществе; К. Стейска. Греческие элементы в стенописи пражского славянского монастыря Эмауз; Р. Квачек. Проект Годжи; И. Влечек. Смысл посещения чешской делегацией России в 1867 г.

«Česká literatura», 1967, № 6

И. Брабец. Интегрирующие тенденции критического творчества Шалды; И. Беднарж. Зрелый период творчества Ф. Кс. Шалды (1908—1921); М. Гёмцел. К характеристике чешского стиха.

«Slovenská literatúra», 1967, № 4—6

М. Вавиялова. М. Босы и идеинное влияние Йенского университета на границе 18—19 столетий; Л. Пчоловска. При источниках определенной тенденции правильного стиха; А. Матевчик. К источникам словацкого и славянского создания Хамуляка; П. Вонграй. Ваянский и Мартин; Ф. Штраус. Стиховедение в центре внимания; Ц. Красус. О словацко-славянских литературных отношениях; Д. Рапант. «Еще что-нибудь» о словацком национальном возрождении; В. Янкович. Кто является автором любовной песни 1457 г.?

«Slavica Slovaca», 1967, № 4

Я. Бауэр. К развитию относительных предложений в славянских языках; И. Леков. Колебания между подлежащей и бесподлежащей предикатив-

нностью при так называемых безличных предложениях в славянских языках; К. Полянский. Проблема относительных предложений на примере верхнелужицкого языка; К. Собода. О некоторых вопросах относительных предложений; Я. Оравец. Заметки об относительных предложениях в словацком языке; Н. Ю. Шедова. Выступление по докладу проф. Я. Бауэра; М. Ивич. О докладе об относительных предложениях; А. Лампrecht. К вопросу о генезисе дополнительных предложений с союзом *что* в русском языке; Р. Вечерек. Два замечания по вопросу о развитии относительных предложений в славянских языках; Р. Мразек. К вопросу об объеме придаточных относительных предложений; Я. Баур. Заключительное слово к дискуссии об относительных предложениях; Н. Буюклиев. К характеристике локативных пояснений в древнеболгарском языке; Я. Доруля. Чешском языке в Словакия в XVI—XVII столетиях и о развитии словарного состава словацкого языка; Д. Абрахамович. Я. Бодуэн де Куртенэ и словаки.

«Jezik in slovstvo», 1967, № 5

А. Слоняк. О цанкаровском эпилоге к «Виньеткам» (1899); В. Любаш. Замечания о значении собственных имен; Й. Стабей. Из истории словенских слов *сотра*, *сотре*.

№ 6

Й. Коруз. Шестидесятилетие Бориса Мерхара; Л. Киш. О взаимном языковом влиянии славян и венгров; Ф. Задравец. Основные течения в беллетристике Словении между первой и второй мировыми войнами; Й. Стабей. Начало словенской лексикографии в XVI столетии.

№ 7

В. Бричич. Русская поэзия об Октябрьской революции; Ф. Задравец. Взгляды словенских марксистов на литературу; А. Сказа. «Советская литература» или «советские литературы»; К. Гантар. Античные писатели под ударом цензуры.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ЧЕТВЕРТАЯ МЕЖВУЗОВСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ИСТОРИКОВ-СЛАВИСТОВ

31 января — 3 февраля 1968 г. в Минске при Белорусском ордена Трудового Красного Знамени государственном университете имени В. И. Ленина состоялась IV межвузовская конференция историков-славистов, организованная Министерствами высшего и среднего специального образования СССР и БССР, БГУ и Институтом славяноведения АН СССР. Она привлекла внимание широких кругов научной общественности. В ее работе приняло участие около 200 историков-славистов из 46 городов Советского Союза, в том числе ученые 25 университетов, 20 педагогических институтов. Института славяноведения АН СССР, институтов истории АН УССР и АН БССР, Института истории партии при ЦК КПБ и других высших учебных заведений и научных учреждений нашей страны. Присутствовали также зарубежные гости — представители Софийского, Люблянского и Иенского университетов, с которыми Белорусский государственный университет имеет соглашения о научном сотрудничестве.

С приветственным словом к участникам конференции обратился заместитель министра высшего и среднего специального образования БССР Н. И. Красовский. С краткими приветствиями выступили проф. Софийского университета Симеон Русакиев и директор Института славистики Иенского университета проф. Гарри Юнгер.

Председатель Координационной комиссии по истории зарубежных славян Министерства высшего и среднего специального образования СССР И. А. Воронков сообщил о выполнении решений III (воронежской) конференции историков-славистов. Он отметил достижения славистов в области исследовательской работы и преподавания истории южных и западных славян в вузах и указал на важное значение постановления ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве» для дальнейшего развития советского славяноведения.

И. М. Белявская (Москва) в докладе «Советское славяноведение за 50 лет» дала характеристику основным этапам развития славяноведения в СССР и подвела итоги его развития. В первые годы Советской власти в ряде вузов, в частности в Московском университете, читались курсы по истории зарубежных славян, издавались отдельные статьи и монографии. Ставление советского славяноведения связано с именами таких крупных ученых, как В. И. Пичета, Ю. В. Готье, Б. Д. Греков, Н. С. Державин, М. Н. Тихомиров, З. Р. Неедлы, которые много сделали для развития славистических исследований в нашей стране. Широкий размах эти исследования получили в последние 10—15 лет, когда появились обобщающие труды по истории Болгарии, Польши, Чехословакии и Югославии, учебник по истории южных и западных славян, работы по проблемам социально-экономического развития, национально-освободительного движения, русско-славянских и революционных связей, рабочего и коммунистического движения, участия интернационалистов в борьбе за победу Советской власти в России, влияния Октября на революционное и рабочее движение в зарубежных славянских странах, борьбы славянских народов против фашизма накануне и в период второй мировой войны и социалистического строительства в НРБ, ННР, ЧССР и СФРЮ. Докладчик говорил об отставании в исследовании межвоенного и послевоенного периодов истории зарубежных славянских стран, особенно процессов их политического и культурного развития, о необходимости создания крупных синтетических работ, сравнительно-исторических и историко-социологических исследований.

И. А. Хренов выступил с докладом «О работе Института славяноведения АН СССР». За 20 лет своего существования институт выпустил свыше 320 крупных коллективных работ, монографий и сборников документов. Научно-исследовательский план института предусматривает подготовку ряда работ к 100-летию со

дня рождения В. И. Ленина, по проблемам народно-демократических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, социалистического строительства в зарубежных славянских странах и издание сборников документов и материалов по истории советско-польских, советско-чехословацких и советско-болгарских отношений. Затем сообщение о работе Института военной истории Министерства обороны СССР сделал М. И. Семиряга. О работе журнала «Советское славяноведение», о планах редакции на будущее рассказал И. И. Ко-стюшко.

На пленарном заседании выступили также Г. И. Чернявский (Харьков) — об освещении проблем болгаристики на страницах журнала «Советское славяноведение», А. Е. Москаленко (Воронеж), давший в целом положительную оценку учебнику истории южных и западных славян, изданному в Киеве, С. Ф. Коваль (Иркутск) — о славистических исследованиях сибирских историков, И. М. Кулинич (Киев) — о состоянии изучения истории зарубежных славян на Украине и освещении этой проблемы на страницах «Українського історичного журналу», Г. Э. Санчук (Москва) — о плодотворном сотрудничестве советских и зарубежных историков, Н. М. Пашаева (Москва) — об источниковедческой базе исследователя, А. Я. Манусевич (Москва) — о задачах в области историографии.

В секции новейшей истории (годы второй мировой войны и послевоенный период) участвовало до 100 человек. Было заслушано 9 докладов и 21 сообщение (6 сообщений представлено в письменном виде). Большая часть докладов и сооб-

щений была посвящена второй мировой войне. В докладах М. И. Семиряги «Антифашистские вооруженные восстания и их место в национально-освободительной борьбе славянских народов в годы второй мировой войны», Г. М. Славина (Москва) «Коммунистическая партия Югославии — организатор и руководитель вооруженного восстания югославского народа», в сообщениях С. Л. Каирова (Николаев) «Об антифашистском восстании в Югославии 1941 г.» и В. П. Радькова (Москва) «Возникновение и развитие народно-демократических комитетов Черногории» рассматривался характер этих восстаний, их классовая сущность. Другие сообщения касались вопросов внутренней и внешней политики, боевого содружества народов: И. Н. Чемполов (Свердловск) — «Внутренняя и внешняя политика правительства Симовича (27 марта — 6 апреля 1941 г.)», А. Ф. Носкова (Москва) — «Об экономической политике гитлеровцев в оккупированной Польше (генерал-губернаторство) в 1939—1944 гг.», А. А. Копылов (Каменец-Подольск) — «Об участии советских людей в национально-освободительной борьбе болгарского народа (1941—1944 гг.)», Э. Ф. Языкович (Минск) — «Участие зарубежных славян в партизанском движении на территории Белоруссии», И. Д. Очак (Москва) — «Участие югославян в Отечественной войне Советского Союза», Н. Н. Турищенко (Донецк) — «Советские военные комендатуры в Болгарии в сентябре 1944 г.».

Проблема революционных преобразований в зарубежных славянских странах, и в частности характер развернувшихся там революций освещалась в докладах и сообщениях В. Н. Беланов-

ского (Ленинград) «Идеи Октябрьской революции, их творческое применение и развитие Болгарской коммунистической партией», В. В. Марыниной и Г. П. Мурашко (Москва) «К вопросу о характере чехословацкой революции 1944—1948 гг. (по последним работам историков ЧССР)», И. Д. Кундубы (Киев) «О некоторых спорных вопросах становления диктатуры пролетариата в Польше», Л. Я. Гибианского (Москва) «О характере и особенностях развития революции в Югославии», Н. И. Леднева (Харьков) «Роль VII съезда БКП в разработке проблемы народно-демократической революции в Болгарии», Христо Нестерова (НРБ) «Вторая мировая война и социалистическая революция в Болгарии и Югославии», Мито Исусова (НРБ) «О характере революции 1944 г. в Болгарии», В. Д. Мозерова «О характере народно-демократической революции в Болгарии», Р. П. Гришиной (Москва) «О расстановке политических сил в Болгарии после установления народно-демократической власти (сентябрь — ноябрь 1944 г.)», Е. П. Пугача (Харьков) «Политическая борьба в Словакии накануне февраля 1948 г.» В ходе обсуждения выявился определенный прогресс за последние годы в изучении этих вопросов. Часть исследователей считает, что революции в славянских странах с момента завоевания власти народными массами имели социалистический характер, а власть представляла собой сложившуюся диктатуру пролетариата. Другие полагают, что в первый период после установления народно-демократической власти рабочий класс в определенной степени делил власть с буржуазией и понадобилось некоторое время, целый период после установления народно-демократической власти, прежде чем окончательно установилась диктатура пролетариата.

Ряд докладов и сообщений был посвящен революционным преобразованиям и вопросам социалистического строительства в Болгарии и Польше: Г. И. Конанева (Ленинград) «Межнациональное значение ленинского кооперативного плана (по материалам Польши)», М. Д. Куликовского (Луцк) «Аграрная программа ППР и борьба за ее революционное осуществление (ноябрь 1943 — декабрь 1944 г.)», А. И. Черный (Ровно) «Революционные преобразования в болгарской промышленности в первые годы социалистической революции (1944—1947 гг.)», Г. Н. Попова (Харьков) «Развитие высшего образования в Болгарии (1944—1958 гг.)».

О взаимоотношениях между Советским Союзом, а также Украинской ССР и Белорусской ССР, с одной стороны, и Болгарией, Польшей и Чехословакией, с другой стороны, об их дружбе и сотрудничестве говорилось в сообщениях

В. С. Парсадановой (Москва) «Советский Союз и создание Народной Польши», А. И. Дороченкова (Киев) «Связи рабочего класса Болгарии и СССР в 1953—1957 гг.», Д. Г. Песчаного (Краснодар) «Болгарские источники по вопросу советско-болгарского сотрудничества в области сельского хозяйства 1948—1958 гг.», П. С. Сохани (Киев) «Роль и место Украины в советско-болгарском экономическом сотрудничестве», Э. М. Поздняка (Минск) «О приграничных связях областей БССР с воеводствами ПНР», В. С. Толстого (Минск) «Установление советско-польской государственной границы и урегулирование национального вопроса между БССР и ПНР».

Кроме того, в письменном виде сообщения представили В. Г. Дядькин (Орджоникидзе), И. С. Даюбко и Е. П. Бахмат (Киев), А. А. Головко (Минск), Л. К. Гречкий (Минск), Б. М. Руколь (Москва), Л. Г. Федоренко (Луцк).

На секции межвоенного периода (1917—1939 гг.) было заслушано 21 сообщение. В сообщениях С. М. Стецкевича (Ленинград) «Октябрьская революция и восстановление Польши», А. Н. Киршевской (Москва) «Отношение Стамболийского к Октябрьской революции», Н. Т. Сапроновой (Воронеж) «Болгарская „Учительская искра“ о Великой Октябрьской революции и культурном строительстве в Советской России (1917—1922 гг.)» освещалась роль Октябрьской революции. А. М. Шнитман (Мурманск) привел новые данные об издании и распространении трудов В. И. Ленина в Болгарии в 1923—1944 гг. О некоторых итогах и задачах изучения участия югославских интернационалистов в Октябрьской революции и гражданской войне в России рассказал В. В. Зеленин (Москва).

Большой интерес присутствующих вызвали сообщения об интернациональных связях трудящихся славянских стран — П. М. Калиниченко (Киев) «Польская революционная печать на Украине в 1917—1920 гг.», А. С. Клевченя (Минск) «Польская прогрессивная интеллигенция о Советском Союзе в 30-е годы», Н. С. Ореховы (Минск) «Роль КПП в укреплении революционного союза трудящихся Западной Белоруссии и Польши (1918—1933 гг.)», И. М. Гранчака (Ужгород) «Помощь трудящихся Чехословакии венгерскому народу в борьбе против белого террора в 1920 г.», Е. В. Воробьевой (Москва) «Из истории борьбы трудящихся Чехословакии за союз и дружбу с народами СССР в 20-х годах», А. Ф. Кизченко (Киев) «Межнациональнaя солидарность с народами Чехословакии в сентябре 1938 г.».

Деятельность братских коммунистических партий рассматривалась в сообщениях И. М. Гойло (Черновицы) «Коммунистическая партия Польши в борьбе

за мир и национальную независимость своей страны в 1918—1920 гг.», Г. И. Чернявского (Харьков) «Борьба с левосектантским уклоном в рабочем движении в Болгарии в 1925—1929 гг.», Л. А. Зуевой (Воронеж) «Некоторые вопросы осуществления компартией Чехословакии тактики единого фронта в Закарпатье в 1929—1938 гг.». Внешнеполитическим вопросам были посвящены сообщения Д. Б. Мельцера (Минск) «Советско-болгарские отношения в 1931—1934 гг.», Д. С. Климовского (Минск) «Крах великороджаных планов польской «санации» (1934—1939 гг.)», В. И. Загорского (Могилев) «Польско-французские экономические отношения 1922 г.», Т. А. Кургуньян (Минск) «Противодействие чехословацкого правительства проекту австро-германского таможенного союза в 1931 г.».

На вопросах культурных связей остановились Л. А. Пашковский (Харьков) и А. В. Можейко (Минск), которые сделали сообщения, первый о деятельности ВОКСа по установлению и развитию советско-болгарских культурных связей в 1925—1941 гг., а второй — о культурно-научных связях БССР и Чехословакии в 20—30-х годах. С большим вниманием участники конференции прослушали доклад директора Института славистики Иенского университета проф. Гарри Юнгера «Советская литература в 20 — начале 30-х годов и Германия».

На секции новой истории было сделано 3 доклада и 28 сообщений. Большинство из них касалось проблем развития революционного и национально-освободительного движения, распространения марксизма в зарубежных славянских странах, межславянских связей, преимущественно русско-болгарских, русско-сербских, русско-польских, и особенно белорусско-польских, истории общественной мысли.

А. Н. Шленаков (Киев) выступил с докладом «Основные этапы истории славянской трудовой эмиграции в странах Америки», доц. Люблянского университета (СФРЮ) Васил Мелик — «Национальное движение в Словении в 60-е годы XIX в.», Л. И. Лаптева (Москва) — о развитии «славянской идеи» в России в XIX — начале XX в. Интересны были и сообщения В. Г. Карасева (Москва) «Живоик Жуйевич и Омладина», С. И. Сидельникова (Харьков) «Социальный состав болгарских революционных комитетов внутри Болгарии и в эмиграции (1869—1873 гг.)», Л. С. Ерихонова (Воронеж) «О мнимом сотрудничестве Л. Каравелова в газете «Голос» в 1876 г.», К. Л. Струковой (Москва) «К истории национально-освободительной борьбы балканских народов против турецкого владычества во второй половине 60-х годов XIX в.», С. А. Малевича (Минск) «Людвид Кшивицкий — выдающийся про-

пагандист марксизма в Польше в конце XIX — начале XX в.», В. Д. Конобеева (Москва) «К вопросу о социальном положении «свободного» болгарского крестьянства в 60—70-х годах XIX в.» и К. П. Гогиной (Москва) «Промышленный переворот в Чешских землях и Словакии (историография и итоги исследования проблемы)».

Новые материалы, характеризующие связи русской эмиграции (П. С. Лавров и редакция «Вперед») с революционным движением южных и западных славян, были использованы в сообщении Е. К. Жигунова (Москва). Межславянским революционным связям были посвящены сообщения Д. Ф. Поплыко (Москва) «Сербский революционер В. Пелагич и Россия», А. М. Орехова (Москва) «Некоторые вопросы русско-польских революционных связей в период 1887—1893 гг.», В. М. Фоменковой (Киров) «Русско-польский революционный союз в восстании 1863 г. по материалам Оскара Аведе», Н. Б. Лосинского (Минск) «Белорусско-польские революционные связи в 70-х годах XIX в.», А. З. Ниуркаевой (Пермь) «Из истории связей сербской социал-демократии с большевистской партией», Г. В. Бердинкова (Воронеж) «Некоторые вопросы истории славянских народов в большевистской печати», Б. Я. Табачникова (Воронеж) «Борьба В. И. Ленина за единство польской социал-демократии в 1912—1914 гг.».

О широких связях между зарубежными славянами и литовским национальным движением во второй половине XIX в. говорилось в выступлении Р. А. Вебра (Вильнюс). А. М. Матвеев (Ташкент) рассказал о положении западно- и южнославянских поселенцев в Средней Азии в конце XIX — начале XX в. Сообщение об участии зарубежных славистов в составлении русских библиографических ежегодников по славяноведению было сделано А. Н. Горяновым (Москва). Темой выступления И. М. Теодоровича (Черновицы) являлась политика Ватикана по отношению к славянским народам после победы Февральской революции в России. О резкой антиславянской направленности австрийского пангерманизма говорилось в сообщении Н. Д. Ратнер (Москва). В. П. Султанов (Пенза) рассказал о попытке направить поток германских переселенцев на болгарские земли.

В ряде сообщений затрагивались вопросы внешней политики: А. К. Мартыненко (Киев) — «Русско-болгарские отношения в период революции 1905—1907 гг.», Г. М. Труханова (Минск) — «Политика германо-австрийского империализма на Балканах (1912—1913 гг.)», В. А. Жебокрицкого (Киев) — «Попытка Ватикана навязать Болгарии церковную унию в 1913 г.», В. В. Зайцева (Харьков) — «Провокационная политика Англии в начальный период первой Балканской вой-

ны (1912—1913 гг.); С. М. Магазинера (Ровно) — «Балканская война 1912—1913 гг. и Лондонская конференция посла».

Актуальные, малоразработанные в исторической литературе вопросы были предметом научных сообщений и в секции истории славянских народов периода XVIII — первой половины XIX в. Всего в секции было заслушано 18 сообщений. Значительная часть из них была посвящена национально-освободительному и общественному движению в славянских странах в первой половине XIX в. Интересные материалы по этому вопросу содержались в выступлениях И. И. Лещиловской (Москва) «Условия и основные черты национального развития хорватов в первой половине XIX в.», Б. М. Когана (Ленинград) «Чешское национальное возрождение и общественное движение России в 30—40-е годы XIX в.», Л. А. Обушенковой (Москва) «Статистика участников восстания 1831 г. на Правобережной Украине», З. Я. Тальвирской (Москва) «К вопросу о социальном облике участников восстания 1863—1864 гг. в Белоруссии», М. В. Фридман (Минск) «Колокол» об аграрно-крестьянском и национальном вопросах в Белоруссии в связи с восстанием 1863 г. в Польше».

В. С. Поссе (Минск) рассмотрел общественно-политическое движение в Белоруссии в первой половине XIX в. и остановился на недавно обнаруженном им в Центральном историческом архиве БССР неопубликованном письме В. Г. Белинского. С. М. Самбук (Минск) охарактеризовала взгляды белорусских пародников начала 80-х годов XIX в. Студент Каменец-Подольского педагогического института Л. В. Баженов рассказал о восстании на Подолии в 1830—1831 гг.

Вопросы межславянских общественно-политических, экономических и культурных связей, преимущественно белорусско-польских, рассматривались В. И. Мелешко (Минск) — «Белорусско-польские экономические связи в XVII—XVIII вв.», Я. П. Науменко (Минск) — «Белорусско-польские культурные связи в первой половине XIX в.», В. П. Грицкевичем (Минск) — «О белорусско-польских естественнонаучных связях в XVII — первой половине XIX в.», И. Г. Шульга (Ужгород) — «Экономические связи Левобережной Украины и Белоруссии во второй половине XVIII в.», Б. С. Пониковым (Петрозаводск) — «Иоахим Лелевель о внутриполитическом положении России и русском революционном движении первой половины XIX в.».

Некоторые стороны социально-политического развития Речи Посполитой были освещены в выступлениях И. В. Созина (Москва) — «Пути расширения фольварочной запашки в Польше (XVIII в.)», А. М. Карпачева (Минск) — «Городское

землевладение в королевских городах Белоруссии XVII—XVIII вв. (к вопросу о городском землевладении в Речи Посполитой)», П. Г. Козловского (Минск) — «К вопросу об аграрном строе Речи Посполитой».

А. С. Мыльников посвятил выступление общественно-политическим взглямам Иозефа Юнгмана. З. П. Исаева (Смоленск) остановилась на вопросе о польском просветительстве конца XVIII в. и в частности о социально-экономической проблематике в работах Езерского. А. Л. Перковский (Киев) рассмотрел вопрос о польском населении на Украине XVIII—XIX вв.

На заседаниях секции истории средних веков было заслушано и обсуждено 28 докладов и сообщений. Большой интерес вызвал доклад проф. Софийского университета Атанаса Мильчева «Раннеславянская и проболгарская культура на территории Болгарии (VI—XI вв.)». В докладе А. П. Пьянкова (Минск) рассматривался вопрос о времени возникновения классового общества у древних славян. Роли самосознания в развитии славянских народов в XI—XII вв. и, в частности, росту их политических и экономических связей был посвящен доклад В. Д. Королюка (Москва).

Ряд выступлений носил историографический характер. Г. Э. Санчук (Москва) рассказал об освещении раннефеодального периода истории западных славян в историографии ГДР. Г. Д. Бурдей (Саратов) сделал историографический обзор «Борьба народов Восточной Европы против германской феодальной агрессии XV—XVII вв.» Историографические вопросы затрагивались также в сообщениях Я. С. Мельниччука (Иваново-Франковск) «Польская деревня XVII в. в польской историографии», В. Б. Вильпинбахова (Ленинград) «Немецкая историография XVI—XVIII вв. о балтийско-славянском происхождении легенды о Рюрике», А. В. Сергеева (Казань) «Из истории славистики в Казанском университете в XIX в.».

На секции широко была представлена проблематика о славянском городе, преимущественно южнославянском. Сообщения по этим вопросам сделали Л. В. Горина (Москва) «Некоторые вопросы терминологии средневекового болгарского города», Л. А. Шаферова (Красноярск) «Экономика и социальные отношения в горнопромышленных центрах Сербии», В. Г. Бабаева (Горький) «Община града Винодольского Крченского статутов», Е. С. Макова (Москва) «Возникновение свободных королевских городов в Славонии», Е. А. Ефремова (Пенза) «К вопросу о структуре поселений типа «вилл» и «предмун» в Славонии с XII до середины XIII в.», М. М. Фрейденберг (Калинин) «Социальные слои в далматинском городе в XIII—XIV вв.», А. Е. Москаленко (Во-

ронеж) «Кто такие лабораторы в средневековой Далмации», Н. П. Манапчикова (Воронеж) «О кметской зависимости в Дубровнике в XIII—XIV вв.»

В. В. Захаров (Воронеж) остановился на феодальном землевладении в Задарском дистrikте в X—XIV вв. Сообщение Н. А. Гусаковой (Минск) касалось белорусско-чешских экономических связей в XVI—XVII вв. Темой выступления Ф. И. Адащика (Минск) были торговые связи Витебска с Ригой в XVII—XVIII вв. О структуре сербского общества в XIII—XIV вв. говорил А. Х. Соколовский (Полтава). Н. С. Рацба (Харьков) дал анализ союзнических польско-турецких отношений в XVI в., Я. Н. Маращ (Гродно) затронул вопрос об усилении идеологической экспансии Ватикана в Белоруссии и Литве во второй половине XVI в.

В работе секции приняли участие этнографы, фольклористы, нумизматы, искусствоведы. И. Г. Спасский (Ленинград) сделал сообщение на тему «Дукаши», Л. И. Миронникова (Минск) рассказала о тотемном содержании волхования у восточных славян, М. Ф. Пилипенко (Минск) — о следах родовой организации в свадебных обычаях славянских народов, С. Н. Азбелев (Ленинград) — о фольклоре восточных и южных славян о Куликовской битве.

Историко-культурная тематика была отражена в сообщениях Г. П. Липатниковой (Воронеж) «Факультет искусства Пражского университета по статутам XIV—XV вв.» и А. И. Рогова (Москва) «Чешско-русские связи в древнерусской литературе».

На заключительном пленарном заседании (3 февраля) были подведены итоги работы секций.

Конференция прияла постановление, в котором отмечается, что такая форма научной и учебно-методической работы, как периодические конференции историков-славистов, ставшие уже хорошей традицией, во многом способствует развитию и координации славяноведческих исследований и улучшению подготовки кадров славистов. За время, прошедшее после Воронежской конференции, историками было выполнено и опубликовано значительное количество исследований по вопросам славяноведения. Большое внимание в связи с 50-летием Великого Октября было удалено изучению международного значения Октябрьской революции и участия зарубежных славянских народов в борьбе за победу и упрочнение Советской власти в России. Появились работы, освещавшие и другие важные проблемы исторического и культурного развития зарубежных славянских народов. В последние годы заметно расширилась источниковедческая база исследований и обозначился более творческий подход

к вопросам теории, методологии и историографии, а также к сравнительно-историческому исследованию социально-экономических и политических процессов. Исследования и научно-популярные работы советских славистов, раскрывающие исторические корни тесных связей и братской дружбы славянских народов, имеют и большое общественно-политическое значение. Историки-слависты активно участвовали в научных конференциях и симпозиумах, проводившихся в нашей стране и за рубежом; все более укрепляются связи и сотрудничество советских славистов с их зарубежными коллегами. На страницах журнала «Советское славяноведение» печатаются материалы по важным проблемам славистической науки, журнал в определенной мере способствует развитию и координации исследований в области славяноведения.

В области учебно-методической работы историки-слависты провели значительную работу. На Украине издан учебник по истории южных и западных славян, сдан в печать учебник истории южных и западных славян, подготовленный кафедрой Московского университета при участии сотрудников Института славяноведения АН СССР и историков Воронежского и Харьковского университетов, завершена работа по составлению программы университетского курса истории славян. В Киевском государственном университете им. Т. Г. Шевченко открыта кафедра истории зарубежных социалистических стран и славяноведения. Все большее значение приобретают координация и сотрудничество в области изучения истории и культуры славянских народов.

Вместе с тем конференция отмечает, что указанные в постановлении ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве» недостатки имеют место и в славяноведении. Источниковедческая база некоторых славяноведческих работ оказывается сравнительно узкой или недостаточной, исследования по некоторым вопросам бывают иногда пеглубокими, мало еще исследований обобщающего характера, по крупным проблемам и сравнительно-исторических. Обнаруживаются элементы схематизма в освещении некоторых вопросов, не всегда уделяется должное внимание теоретическим, методологическим и историографическим аспектам исследования. Слабо разрабатываются некоторые разделы древней и средневековой истории, историографии, источниковедения, социально-экономической истории новейшего времени. Состояние научной информации не вполне отвечает требованиям современной науки. Мало используются повсейшие технические средства, существенно облегчающие и ускоряющие работу исследователей. Имеются недостатки в координации и организаций славяноведения.

вистических исследований. Не все области науки находят достаточное отражение в журнале «Советское славяноведение».

В соответствии с постановлением ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве» конференция обращает внимание историков-славистов на необходимость сосредоточения усилий на разработке актуальных, важных в научном и общественно-политическом отношении, проблем, значительного повышения идеино-теоретического уровня исследований, глубокого и всестороннего изучения исторических явлений и фактов, решительной борьбы с буржуазной идеологией. Большое внимание должно быть уделено изучению исторической роли В. И. Ленина, Коммунистической партии Советского Союза, влияния идей ленинизма на развитие революционного движения в зарубежных славянских странах. Необходимо глубоко исследовать проблемы развития мировой системы социализма, социалистического строительства в зарубежных славянских странах, революционного и национально-освободительного движения, социально-экономического и политического развития, межславянских связей и отношений славянских народов с неславянскими и другие важные вопросы исторического и культурного развития братских народов. Историки-слависты должны принять активное участие в подготовке к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина и своими трудами достойно отметить это большое событие в жизни нашей страны.

Конференция обращает внимание историков-славистов на необходимость улучшения преподавания истории южных и западных славян в вузах.

Конференция считает целесообразным расширение тематики, критико-библиографического отдела журнала «Советское славяноведение» и публикуемой им научной информации и призывает всех участников конференции содействовать работе журнала.

Участники конференции считают полезным проведение очередной научной конференции историков-славистов через 2 года и просят Министерство высшего и среднего специального образования СССР разрешить провести V межвузовскую конференцию историков-славистов совместно с Институтом славяноведения АН СССР в феврале 1970 г. в Харькове при Харьковском государственном университете. Эта конференция посвящается 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. На ней должны быть рассмотрены вопросы, связанные с изучением ленинского наследия, значения идей ленинизма для исторического развития зарубежных славянских народов, проблемы социалистического строительства, революционного и национально-освободительного движения в зарубежных славянских странах и другие актуальные вопросы советского славяноведения. Конференция считает также целесообразным рассмотреть вопрос о состоянии преподавания истории южных и западных славян в вузах страны.

Участники конференции выразили благодарности Белорусскому ордена Трудового Красного Знамени государственному университету за хорошую организацию работы конференции. Участники конференции познакомились с достопримечательностями столицы Белоруссии — Минска, посетили Дом-музей I съезда РСДРП, Музей Великой Отечественной войны.

*П. З. Савочкин,
Д. Б. Мельцер*

В ИНСТИТУТЕ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ АН СССР

21—22 февраля 1968 г. в Институте славяноведения АН СССР состоялась научная сессия, посвященная 90-летию освобождения Болгарии от оттоманского ига. На сессии присутствовали делегации болгарских историков в составе директора Института истории Болгарской академии наук чл.-корр. Х. Христова, проф. В. Хаджиниколова и директора Национального военно-исторического музея Болгарии доц. М. Михова, а также сотрудники посольства Народной Республики Болгарии во главе с полномочным министром и советником Н. Малеевым.

С докладом «Подъем национально-освободительного движения в 70-х годах XIX в. и Апрельское восстание 1876 г. в Болгарии» выступил проф. Харьковского университета С. И. Сидельников. Докладчик осветил предпосылки нацио-

нального движения в Болгарии и большое внимание уделил революционному течению в освободительном движении болгарского народа. Руководящую роль в революционном движении играла Внутренняя революционная организация, возглавляемая В. Левским. С мая 1869 г. до начала 1873 г. в 180 населенных пунктах Болгарии было создано 105 местных революционных комитетов и 75 революционных групп, объединивших 1157 человек. Большинство членов организации (64%) составляли крестьяне и ремесленники. По социальному положению руководящий состав организации характеризовался следующими данными: мелкобуржуазная интеллигенция — 30%, мелкие торговцы — 23%, ремесленники — 21%, крестьяне — 16%, священники и монахи — 9%. В организациях болгарской эми-

грации (в Румынии — 17, России — 4, Сербии — 2 и Чехии — 1) насчитывалось 158 членов, из них 40% составляли мелкие торговцы, 25,3% мелкобуржуазная интеллигенция, 4,4% средняя буржуазия, 5% рабочие.

Говоря об историческом значении Априльского восстания 1876 г., докладчик подчеркнул, что целью восстания было ликвидировать турецкий феодальный гнет и создать благоприятные условия для развития капиталистических отношений в стране.

В докладе д-ра истор. наук Г. П. Мещерякова (Институт военной истории) «Русско-турецкая война 1877—1878 гг. и освобождение Болгарии» были показаны политика России и объективно-прогрессивный результат войны. Рассмотрев ход войны, докладчик подчеркнул решающую роль русской армии в освобождении Болгарии от оттоманского гнета и осветил участие болгарского народа в русско-турецкой войне.

Национально-освободительное движение болгарского народа в период русско-турецкой войны было всесторонне рассмотрено в двух докладах. Доц. Марин Михов в докладе «Русская общественность и болгарское ополчение» рассказал о формировании народного ополчения. Оно вобрало в себя лучших представителей народа: участников Априльского восстания, болгарских добровольцев, воевавших против Турции в сербско-турецкой войне. Большую материальную и моральную поддержку ему оказывала русская общественность. Болгарские ополченцы, участвуя в боях, внесли свой вклад в дело освобождения страны.

В докладе проф. Василиана Хаджиниколова «Болгары в освободительной войне» (Институт истории БАН) были охарактеризованы формы освободительной борьбы народа и его участия в войне: ополчение, народные четы, народная милиция, военная разведка, проводники и переводчики, экономическая помощь русской армии (добровольное снабжение русских войск продовольствием, строительство дорог, организация помощи раненым), борьба за национально-политическую свободу, за создание органов власти, за радикальное разрешение аграрного вопроса. В ходе русско-турецкой войны народные массы Болгарии продолжали борьбу против турецких феодалов. В таких условиях война сыграла роль буржуазно-демократической революции.

Проф. Христо Христов выступил с докладом «Великое событие в истории болгарского народа». Главным итогом войны, отметил докладчик, было национальное освобождение болгарского народа. Вместе с тем произошел и коренной переворот в экономической и общественной жизни страны. Была уничтожена турецкая феодальная система, расчищен путь

для развития более прогрессивного общественного строя — капитализма. Результаты войны имели прогрессивное значение и для других народов Балкан: политическую независимость получили Румыния, Сербия, Черногория, народы которых также принимали участие в войне. Много внимания уделил докладчик анализу дипломатической истории восточного кризиса 70-х годов, внешней политике России. Два фактора, две силы привнесли освобождение Болгарии, подчеркнул в заключение Хр. Христов: русская армия, которой принадлежит в этом решающая роль, и болгарская национальная революция.

В докладе проф. С. А. Никитина (Институт славяноведения АН СССР) «Русское гражданское управление в Болгарии 1877—1879 гг.» рассматривались социально-экономические и политические преобразования в Болгарии в период 1877—1879 гг., юридически закрепленные Тырновской конституцией 1879 г. В результате деятельности русского гражданского управления и болгарской администрации были уничтожены исключительные налоги (беделя, серчима), которыми облагалось только христианское население; ликвидирована феодальная система откупов на сбор налогов; десятина была заменена подоходным налогом. Все это означало постепенное введение буржуазной системы налогообложения. Докладчик обстоятельно рассмотрел малоизученный до сих пор процесс организации органов местного самоуправления и классовый характер складывавшейся болгарской государственности. Прогрессивные слои болгарской буржуазии и интеллигенции сотрудничали с русскими властями и постепенно брали в свои руки управление страной. Новое болгарское государство складывалось как буржуазно-демократическое государство.

«Отражение русско-турецкой войны 1877—1878 гг. в творчестве русских художников» — такова тема доклада Е. П. Львовой (Институт славяноведения АН СССР). В нем особое внимание было уделено произведениям, в которых показаны русский и болгарский народы как основная движущая сила прогрессивных преобразований, отражена жизнь болгарского крестьянства. Отмечая общественно-прогрессивный характер творчества русских художников, Львова подчеркнула гражданственность их мировоззрения и художественного творчества. В заключение она остановилась на анализе художественной индивидуальности мастеров русской живописи, подчеркнула огромную эстетическую ценность их произведений.

На сессии выступил полномочный министр и советник посольства Народной Республики Болгарии в Москве Н. Малеев. Он поблагодарил Институт славяноведе-

ния АН СССР за организацию сессии и подчеркнул важность и плодотворность научного сотрудничества между Советским Союзом и Болгарией.

Закрывая сессию, директор Института

славяноведения АН СССР И. А. Хренов отметил актуальность изучения проблемы борьбы славянских народов против оттоманского ига.

Е. М. Шатохина

ЮБИЛЕЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДРУЖБЫ

90-летие освобождения Болгарии от оттоманского ига широко отмечалось в Молдавской ССР. И это не случайно. На территории нашей республики в начале XIX в. обосновались болгарские переселенцы, бежавшие от гнета султанской Турции. Здесь находили убежище многие деятели болгарского национально-освободительного движения: Г. Раковский, П. Хитров, Х. Ботев и др. Отсюда в освободительный поход двинулись русские войска. Здесь формировались и обучались первые дружины болгарских ополченцев, которые стали впоследствии основой болгарской национальной армии. В Бессарабии было создано русское гражданское управление, сыгравшее важную роль в преобразовании освобожденной Болгарии.

Знаменательной дате в истории Болгарии и была посвящена научная сессия, проведенная в Академии наук Молдавской ССР 29 февраля 1968 г. Во вступительном слове президент АН МССР, член-корр. АН СССР Я. С. Гросул охарактеризовал исторические корни дружбы, сложившейся между болгарским и молдавским народами, подчеркнул прогрессивное значение результатов русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

С докладом «Борьба болгарского народа за освобождение от оттоманского ига» выступил ст. научн. сотр. Института истории АН МССР И. И. Мещерюк. Охарактеризовав тяжелое положение болгар под властью Османской империи, докладчик подробно остановился на основных этапах национально-освободительной борьбы болгарского народа против завоевателей, роли русско-турецких войн второй половины XVIII–XIX вв. в развитии освободительного движения.

В докладе ст. научн. сотр. В. Д. Конобеева и мл. научн. сотрудников Н. В. Зуевой и Е. М. Шатохиной (Институт славяноведения АН СССР) «Организация народной обороны Южной Болгарии в 1878–1879 гг.» на основе новых материалов полнее была раскрыта роль России в обеспечении автономии Южной Болгарии (Восточной Румелии), показаны социальный состав, организация и структура Народной гвардии, ее значение для утверждения автономии Восточной Румелии.

Мл. научн. сотр. А. А. Улунян (Институт славяноведения) в своем сообщении рассмотрел отклики в русской прессе на события в Болгарии в период войны

1877–1878 гг. Особенно подробно он остановился на характеристике материалов, помещенных в журнале «Отечественные записки», выступавшего, как известно, с позиций революционного народничества.

С сообщением «Боевое содружество русских воинов с болгарскими ополченцами в русско-турецкой войне 1877–1878 гг.» выступил М. С. Гурбанов (Кишинев). Используя мемуарную литературу, а также некоторые архивные материалы, он подробно осветил совместные действия русских войск и ополченцев в кровопролитных сражениях на земле Болгарии.

В сообщении научного сотрудника Института Истории АН МССР К. А. Поглубко «Распространение народнической революционной литературы среди русских войск на Балканах во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг.» показано проникновение революционных и социалистических идей в армию и роль российской революционной эмиграции в укреплении революционного сотрудничества народов России и Балканского полуострова.

Новому этапу в традиционной дружбе народов двух братских стран было посвящено сообщение научн. сотр. Института истории АН МССР М. А. Мунтяна «Историческое значение советско-болгарских договоров о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи 1948 и 1967 гг.». Этот этап характеризуется тем, что дружба между народами обеих стран, строящих социалистическое и коммунистическое общество, переросла в тесное содружество, которое способствует укреплению их международного положения, экономическому и культурному развитию. В сообщении научн. сотр. Института истории Академии наук МССР С. А. Мадиевского рассматривались культурные связи Молдавии с Болгарией как один из элементов советско-болгарской дружбы. Автор подробно осветил различные формы этих связей: переводы художественной литературы, гастроли творческих коллективов и исполнителей, обмен кинофильмами и художественными выставками и др.

По инициативе Кагульского районного комитета КП Молдавии научная сессия, посвященная 90-летию освобождения Болгарии от оттоманского ига, была проведена в г. Кагуле. На этой сессии присутствовали представители общественности четырех южных районов

нашей республики. Среди них было много болгар — потомков переселенцев из Болгарии. Вступительное слово на этой сессии сделал первый секретарь Кагульского РК партии И. А. Чебан. Кроме московских и кишиневских историков, на выездной сессии с интересным сообщением «Об

участии бессарабских болгар в русско-турецкой войне 1877—1878 гг.» выступил С. З. Новаков, учитель истории средней школы с. Кирютия Чадыр-Лунгского р-на.

*М. А. Мунтян,
К. А. Поглубко*

БАЛТИСТЫ VI СЪЕЗДУ СЛАВИСТОВ

Пять лет, пропшедшие между V и VI съездами славистов, ознаменовались довольно большими достижениями в области балтистики, которая со славистикой имеет много общих проблем. В течение этого периода в Советском Союзе и за рубежом появились новые крупные научные труды, которые войдут в историю балтистики. Важный шаг сделан и в организационно-издательском направлении исследования балтистики.

Исследователи балтийских языков могут гордиться таким трудом, как сравнительная грамматика балтийских языков Хр. Станга¹, грамматика литовского языка А. Зенна², монография об именной акцентуации в балтийском и славянском В. М. Иллич-Свитыча³, старолитовский письменный язык А. Озола⁴, латышская диалектология М. Рудзите⁵, литовская диалектология З. Зинкевичюса⁶, литовский литературный язык XVI—XVII вв. И. Палиониса⁷, академические грамматики латышского и литовского языков, новые тома академического словаря литовского языка, новое издание памятников древнепрусского языка и т. д.

Еще на IV (Московском) съезде славистов была выдвинута идея об издании специального журнала, посвященного проблемам балтистики. Этот вопрос обсуждался и на конференции балтистов, проходившей 26—28 ноября 1964 г. в Вильнюсе, где, кроме литовских языковедов, принимали участие и балтисты Риги, Москвы, Киева. С 1965 г. в Вильнюсе стал выходить журнал «Baltistica» (выходит два раза в год, объем выпуска 6—9 поздательских листов). В журнале

публикуются статьи на литовском, латышском, русском, английском, немецком и французском языках. «Baltistica» сразу же получила положительные отклики в советской и зарубежной печати. Кроме ученых Советского Союза, в журнале сотрудничают ученые многих зарубежных стран.

В «Baltistica» большое внимание уделяется вопросам славистики, особенно исследованию балто-славянских языковых отношений. Уже в вводной статье к первому выпуску «Baltistica» акад. К. Корсакас, председатель Комиссии по изучению балто-славянских отношений⁸, выразил пожелание, чтобы «одной из главных задач издания было всестороннее изучение балто-славянской проблемы». И действительно, опубликованные в журнале статьи В. Амбразаса, С. Карапюнаса, Й. Казлаускаса, В. Мажюлиса, А. Непокупного, В. Топорова, Г. Шаля, В. Шмальстига, Р. Эккерта и других актуальны не только для балтистики. Привлекают они внимание и исследователей славянских языков. Особенно активно проблему балто-славянских языковых отношений изучает В. Мажюлис, недавно закончивший труд по вопросам балто-славянской системы склонения.

Интерес балтистов к проблемам славистики, которые так или иначе связаны с балтистикой, проявляет и само существование Международной комиссии по изучению балто-славянских отношений. По инициативе Комиссии в Вильнюсе обсуждались итоги V международного съезда славистов, были предложены темы докладов по балто-славянской проблеме для очередного съезда. Члены Ко-

¹ Ch. Stang. Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen. Oslo-Bergen-Tromsø, 1966.

² A. Senn. Handbuch der litauischen Sprache, I. Heidelberg, 1966.

³ В. М. Иллич-Свитыч. Именная акцентуация в балтийском и славянском. М., 1963.

⁴ A. O z o l s. Veclatviešu rakstu valoda. Rīga, 1965.

⁵ M. R u d z ī t e. Latviešu dialektologija. Rīga, 1964.

⁶ Z. Zinkevičius. Lietuvių dialektologija. Vilnius, 1966.

⁷ J. Palionis. Lietuvių literatūrinė kalba XVI—XVII a. Vilnius, 1967.

⁸ На V Международном съезде славистов в Софии была утверждена Комиссия по изучению балто-славянских отношений, в которую вошли: К. Корсакас (председатель комиссии, СССР), Я. Сафаревич (зам. председателя, Польша), С. Бернштейн (СССР), А. Врачу (Румыния), В. Георгиев (Болгария), И. Дуриданов (Болгария), В. Кишарский (Финляндия), Ч. Кудзиновский (Польша), Б. Ларин (СССР), Хр. Станг (Норвегия), В. Топоров (СССР), П. Трост (Чехословакия), К. Фальк (Швеция), В. Фалькенхай (ГДР), В. Холтум (Англия), Р. Шмитлейн (Франция).

миссии стали активными пропагандистами культуры балтийских народов. Особенно следует отметить деятельность секции балтистов при Комитете славистов ГДР, которую организовал член Комиссии проф. В. Фалькенхан.

Уже несколько лет подряд изучением проблем балто-славянских языков занимаются сотрудники Института литовского языка и литературы Академии наук Литовской ССР. В связи с IV и V съездами славистов Институт подготовил специальные издания. К VI съезду издается отдельный том научных трудов Института под названием «Балто-славянские языковые связи», в котором публикуются работы сотрудников Института, в том числе и обширная работа С. Каарлюнаса «Некоторые вопросы древнейших отношений балтийских и славянских языков».

В Институте литовского языка и литературы в Вильнюсе и в Институте языка и литературы в Риге ведется работа над такими крупными коллективными трудами, как диалектологические атласы литовского и латышского языков, академические толковые словари данных языков. Эти труды, хотя и не связаны непосредственно со славистикой, будут иметь большое значение для решения некоторых проблем славистики, особенно для изучения балто-славянских языковых отношений. В ближайшем будущем латышские языковеды выпустят в свет четыре тома избранных сочинений выдающегося латышского лингвиста Я. Эндзелина; во втором томе сочинений будет переиздан и известный его труд «Славяно-балтийские этюды».

А. Сабаллаускас

ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИИ В МГУ

25 декабря 1967 г. на Ученом совете Исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (секция всеобщей истории) состоялась защита диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук младшим научным сотрудником Государственного исторического музея Н. А. Соболевой на тему: «Экономические связи Южной и Западной Руси с Чехией в XIV—XV вв. (по данным нумизматики)».

Официальные оппоненты чл.-корр. АН СССР проф. В. Л. Янин и д-р истор. наук В. Д. Королюк высоко оценили представленную к защите работу. В ней прослеживаются пути и этапы проникнове-

ния серебряной чешской монеты на территорию Великого княжества Литовского в XIV — XV вв. и в этой связи характеризуются экономические связи между Чехией и западнорусскими землями. Кроме того, автор, использовав обширный материал письменных источников, показал обращение пражских гривен в Великом княжестве Литовском и выявил, таким образом, основные экономические районы (локальные рынки) этого государства.

Ученый совет единогласно присудил Соболевой Н. А. ученую степень кандидата исторических наук.

И. В. Созин

CONTENTS

TO THE VI-th INTERNATIONAL CONGRESS OF SLAVISTS

<i>V. V. Vinogradov.</i> On expressive changes of meanings and forms of words.	
<i>A. D. Marčenko.</i> Friendly ties between the working people of the Soviet rear with the Czechoslovak soldiers during the Great Patriotic War.	
<i>I. S. Dostjan.</i> Political ideas of the Society of United Slavs.	
<i>L. S. Kiškin.</i> On the modern contents of the notion «comparative literary studies».	
<i>Yu. I. Smirnov.</i> On the system of epic narration.	
<i>Yu. S. Maslov.</i> Some debatable problems of the morphological structure of Slavic verbal forms.	
<i>A. Lipatov.</i> Literary trends of the Polish Enlightenment and the problem of the artistic method.	
<i>R. F. Doronina.</i> The poetry of Desanka Maksimović.	
<i>E. P. Lvova.</i> V. D. Polenov in Bulgaria	3
 The History of Science	
<i>V. I. Zlydnev.</i> A. M. Seliščev and his Bulgar contacts	90
 PEOPLE, FACTS, EVENTS	
<i>V. V. Zelenin.</i> From the biography of Dundić	104
 MONUMENTS OF THE SLAV CULTURE	
<i>V. D. Koroljuk.</i> The architectural monument of the X-th century in Nesebr.	113
 REVIEW ARTICLES AND REVIEWS	
<i>I. A. Chrenov.</i> С. М. Стецкевич. Рабочее движение в Польше в 1918—1919 годах.	
<i>Vitomir Vučetić</i> (Yugoslavia). Books on the Great October.	
<i>E. P. Naumov.</i> Historical destiny of Byzantium and the Slav-Byzantine relations.	
<i>V. D. Koroljuk.</i> The corpus of the sources on the history of industry in medieval Bohemia.	
<i>G. Ya. Iljin.</i> Miroslav Sicel. Pregled novije hrvatske književnosti.	
<i>S. B. Bernštejn.</i> С. Стойков. Банатският говор	116
 B i b l i o g r a p h y	
<i>The main articles and materials on the present state, history, culture and languages of the foreign Slav peoples published in the Soviet periodicals in 1968. The contents of foreign periodicals.</i>	128
 SCIENTIFIC LIFE	
<i>P. Z. Savočkin, D. R. Melcer.</i> The fourth inter-college conference of slavist Historians.	
<i>E. M. Šatochina.</i> At the Institute of Slavic Studies of the Academy of Sciences of the USSR.	
<i>M. A. Muntjan, K. A. Poglubko.</i> The anniversary of the historic friendship.	
<i>A. Sabaliauskas.</i> Baltic scholars to the VI-th Congress of Slavists.	
<i>I. V. Sozin.</i> Defence of a dissertation thesis at the Moscow University	
	133

Технический редактор *T. A. Мухайлова*

Сдано в набор 17×IV—1968 г. Подписано к печати 28/IV—1968 Т—07796 Тираж 1150 экз. Зак. 393
Формат бумаги 70×108^{1/16}. Усл. печ. л. 12,6 Бум. л. 4,5. Уч.-изд. листов 14,1

2-я типография Издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

ж 17

В ОРДЫНКА

Л 34/38 КВ 40

ТОЛСТОМУ Н И

70891

5-12

Р

Цена 1 руб.

Индекс 70891